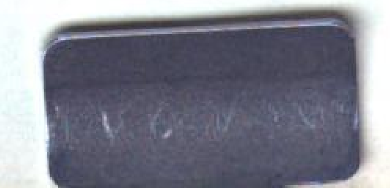

ОГОНЁК
№ 15 АПРЕЛЬ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Депутат Верховного Совета СССР Герой Социалистического Труда председатель колхоза имени 8 марта (Купянский район, Харьковской области) Степан Климентьевич Ярошенко в колхозной агролаборатории.

Фото А. Гаранина

На первой странице обложки: «В. В. МАЯКОВСКИЙ В МАСТЕРСКОЙ РОСТА» — картина художника С. Викторова.

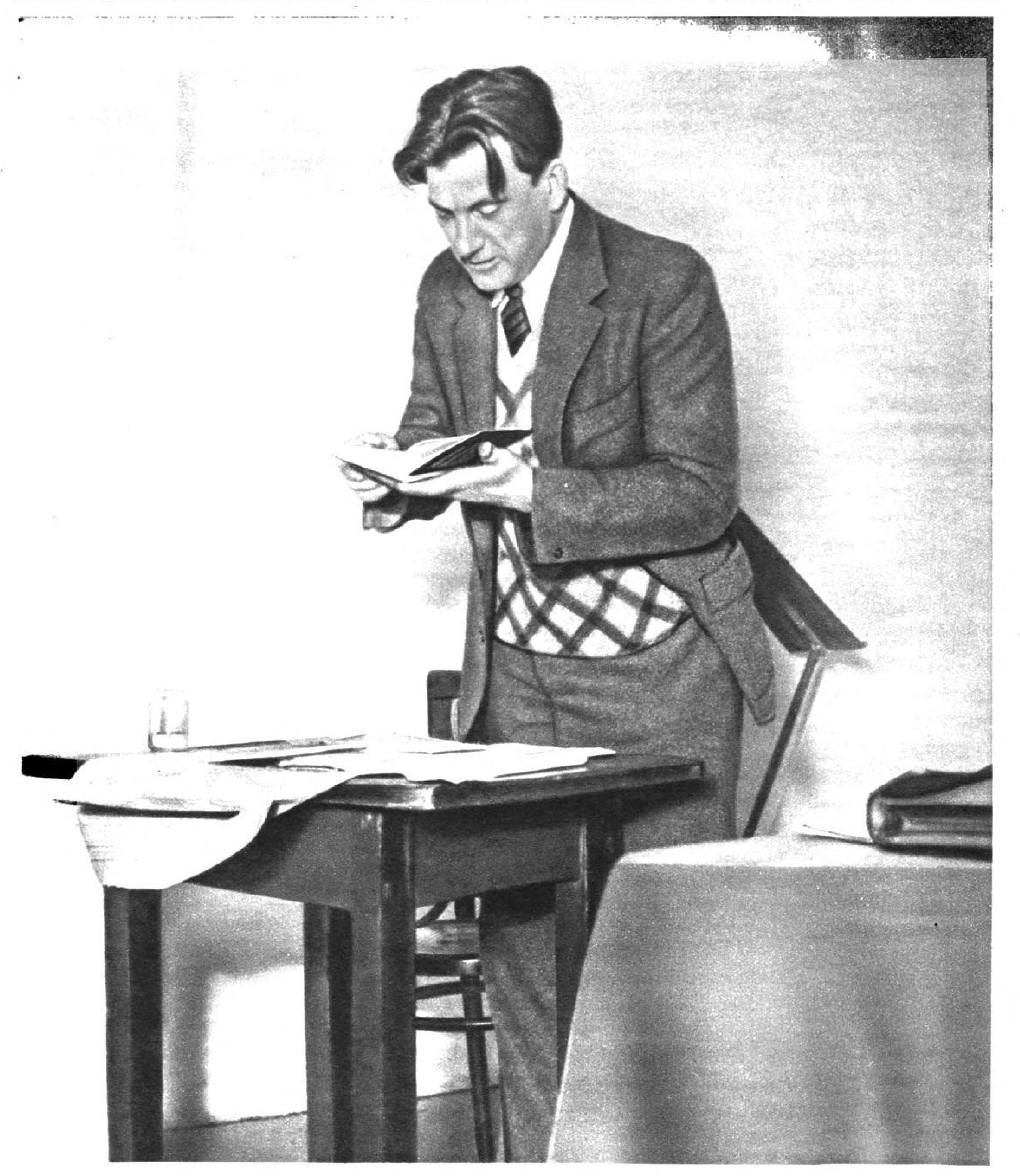

ОГОНЁК № 15 (1192) 9 АПРЕЛЯ 1950

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В. В. МАЯКОВСКИЙ ВЫСТУПАЕТ НА СОБРАНИИ

Фото Н. Петрова

ПОЭТ РЕВОЛЮЦИИ

(К 20-летию со дня смерти В. В. Маяковского)

Алексей СУРКОВ

Переполненный литературной молодежью низенький, прокуренный зал писательского клуба на улице Воровского. Встречаемый аплодисментами, на невысокие подмостки поднимается Маяковский. Высокий, широкий в плечах, он едва не касается головой нависающего потолка. Пережидает, когда утихнут аплодисменты. Вынимает из бокового кармана пиджака тоненькую, в красном переплете книжку:

— Я речь говорить не буду. Я прочту новые, только что написанные стихи.

И он начинает читать. Его гремящему голосу тесно в этом мгновенно замершем зале.

— Слушайте,
товарищи потомки,
агитатора,
горлана-главаря.
Заглуша
поэзии потоки,
я шагну
через лирические томики,
как живой
с живыми говоря.
Я к вам приду
в коммунистическое далекó...

Как завороженные, слушаем мы эти летящие поверх времени к людям нашего «завтра» слова поэта. Бесстрашный прокладыватель новых путей, поэт-гражданин, поэт-трибун, он, гордый сознанием не зря прожитых в поэзии двадцати лет, из рук в руки вручает рожденным и еще не рожденным людям будущего свои стихи.

С тех пор прошло двадцать лет. Много событий величайшей важности совершилось в стране и мире. Четыре сталинских пятилетних плана до неузнаваемости изменили лицо Советского Союза. Отгремели боевые грозы Великой Отечественной войны. В строй великой трудовой армии советских людей, созидающих коммунизм, встали юноши и девушки, еще не родившиеся в тот день, когда впервые прочитана была поэма «Во весь голос». За эти два десятилетия, из которых каждое по своему историческому значению равно векам, время испытало на прочность литературное наследство того, о ком Сталин сказал, что он «был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи».

Стихи Маяковского блестяще выдержали испытание временем. Миллионами экземпляров томов, «летучим дождем брошюр» разлетелись по стране крылатые строки Маяковского. Они звучат со страниц советских газет, вкрапленные в передовые статьи по жгучим вопросам современности. Ежедневно советское радио разносит пламенные слова поэта-трибуна по необъятным просторам нашей Родины. Миллионы школьников звонкими ребячьими голосами читают стихи Маяковского на классных занятиях. Рабкоры на заводах, выпуская номера стенгазет, посвященные злобе дня, увенчивают их «шапками» — лозунгами из стихов Маяковского. И на любой дискуссии, посвященной вопросам современной советской поэзии, присутствует великий поэт-новатор, «как живой с живыми», говоря с молодыми поэтами о мастерстве, о силе слова, снова и снова утверждая, что «песня и стих — это бомба и знамя».

Знаком немеркнущей молодости, непреходящей актуальности отмечено все самое совершенное и талантливое, что адресовал Маяковский товарищам потомкам в «коммунистическое далекó». И чем ближе, чем непосредственнее были связаны с «текущим днем» стихи и поэмы Маяковского, тем свежее они звучат через десятилетия, тогда, когда вызвавшие их события уже стали достоянием истории. Всем своим существом связанный с современностью, Маяковский никогда не был «реалистом на подножном корму». Он видел события в их движении, чувствовал в сущем будущее. Недаром, сетуя на бескрылость «творчества» некоторых своих современников, он писал:

У нас
поэт
событья берет —
опишет
вчерашний гул,
а надо
рваться
в завтра,
вперед,
чтоб брюки
трещали
в шагу!

Таким порывистым, вечно ищущим, вечно нацеленным в завтра предстает перед нами Маяковский во всех своих произведениях.

Свою поэму «Владимир Ильич Ленин» он создал сразу же после того, как великое горе утраты легло на плечи трудящихся нашей Родины, когда «резкая тоска стала ясною, осознанною болью». Мы перечитываем эту поэму сейчас, через двадцать шесть лет, и она волнует наши сердца так же, как волновала тогда. Ибо и ныне и завтра, в «коммунистическом далекó», она будет звучать как бессмертный гимн величию ленинского гения, величию партии большевиков, идущей в авангарде народов к коммунизму.

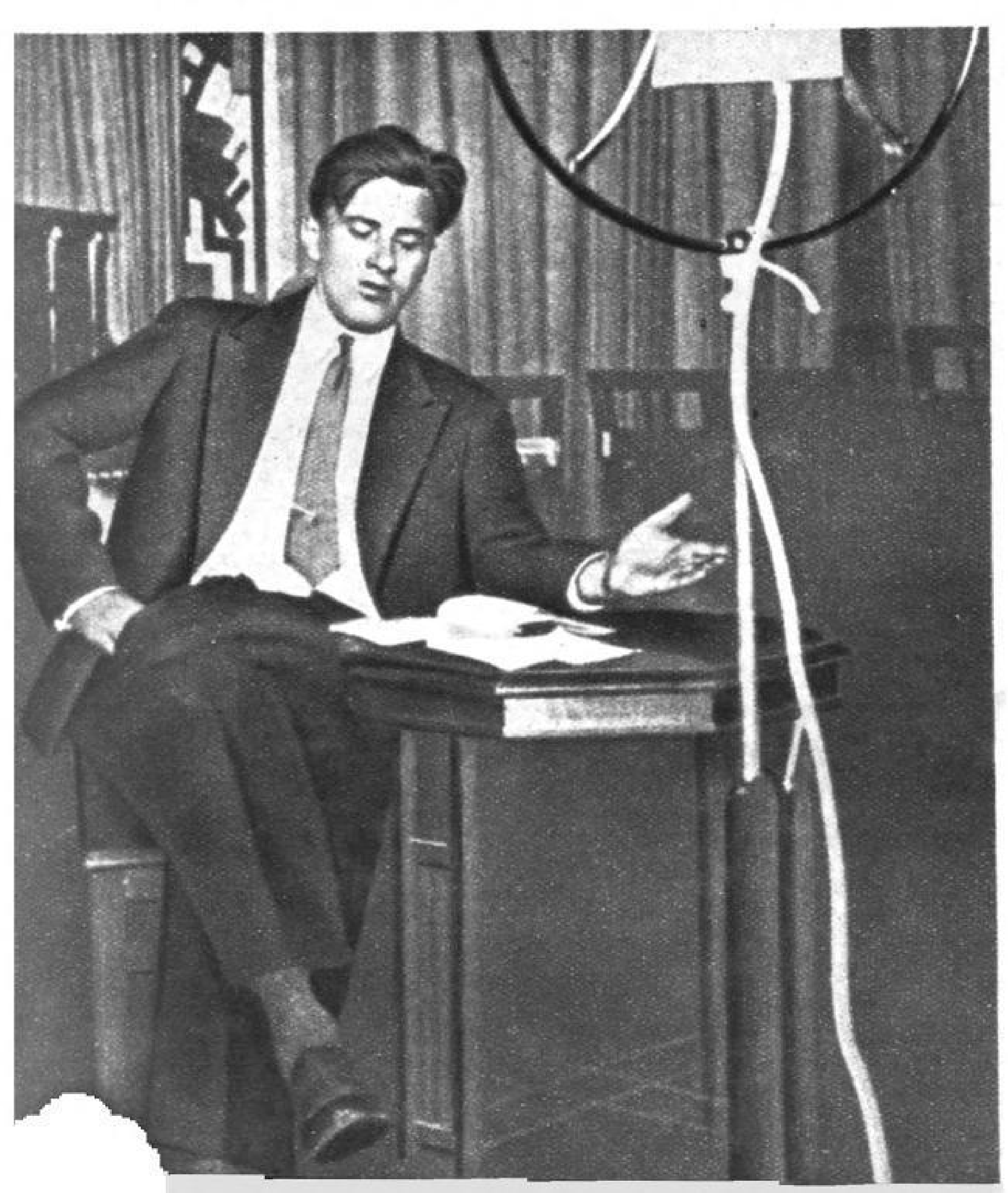
При появлении на свет поэмы «Хорошо!» троцкистские выродки от критики встретили ее свистом и улюлюканьем, назвали «поденкой», предвестили ей быстрое забвенье. А вот прошло больше двадцати лет. И с каждой новой годовщиной великого Октября все шире, все звонче звучат слова этой замечательной поэмы, запечатлевшей светлый патриотизм советского человека, его непоколебимую уверенность в победоносной правоте своего дела, его неиссякаемый оптимизм строителя нового мира. И ныне, у рубежей недалекого коммунизма, мы вместе с нашей, подросшей уже после смерти поэта чудесной молодежью вкладываем свои самые чистые и благородные чувства в строки, завершающие эту поэму:

Лет до ста
расти
нам
без старости.
Год от года
расти
нашей бодрости.
Славьте,
молот
и стих,
землю молодости.

Под свежим впечатлением своих поездок за границу писал Маяковский четверть века тому назад стихи о Европе и Америке. Казалось бы, сделав свое дело, отдавшись отзвуком в сердцах современников описанных в них событий, эти стихи должны бы перейти в разряд «исторических документов эпохи». Но перечитайте их ныне. Как они прямо и беспощадно разят сегодняшних «героев» капиталистического мира, всех этих трумэнов, ачесонов, черчиллей и их приспешников! Как они актуальны сегодня, когда эти «герои» готовят человечеству ужасы новой кровавой бойни! И, читая сегодня строки:

Мы
требуем мира.
Но если
тронете,
мы
в роты сожмемся,
сжавши рот.
Зачинщики бойни
увидят
на фронте
один
восставший
рабочий фронт,—

В. В. Маяковский читает пьесу «Баня» в студии Радиокомитета.

мы с трудом можем представить себе, что строки эти написаны не сегодня, а больше двадцати лет назад, так они современны и действенны в дни, когда против гнусной кучки поджигателей войны поднимается во всем мире «один восставший рабочий фронт» сторонников мира.

Недаром бывший американский гаулейтер Западной Германии генерал Клей пошел в свое время войной на стихи Маяковского. Он почувствовал в нем врага своего разбойничьего класса.

Через двадцать лет после своей смерти Маяковский, «как живой с живыми», разговаривает с нынешними читателями своих стихов. Он несет их сердцам горделивое чувство советского патриотизма, он зовет своими вдохновенными строками на новые подвиги во имя торжества великого дела Ленина — Сталина. Он предостерегает от происков врагов социализма, зовет быть бдительными. Он беспощадно разоблачает все старое и гнилое, что еще, как «родимые пятна капитализма», сохранилось в нашем быту, в наших отношениях, что мешает двигаться вперед. Он зовет «через горы времени» видеть счастливое будущее, человечество, освобожденное от мерзости существования в капиталистическом рабстве.

Своим героическим примером поэта-трибуна, поэта-новатора, никогда не успокаивавшегося на достигнутом, всегда стремившегося «в завтра, вперед», он зовет современных поэтов к поискам новых тем, новых форм для выражения новых чувств и мыслей советского человека — строителя коммунизма. Написавший о себе строки:

Я
всю свою
звонкую силу поэта
тебе отдаю,
атакующий класс,—

он предстает перед нами как воплощение высочайшей требовательности к себе, как воплощение высокой обязанности перед обществом, перед человечеством.

Я
в долгу
перед Бродвейской лампионией,
перед вами,
багдадские небеса,
перед Красной армией,
перед вишнями Японии —
перед всем,
про что
не успел написать.

Этот благородный долг «лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи» обязаны выполнить современные и будущие советские поэты, для которых пример Маяковского есть напоминание о беспрерывном искании нового, о беспрерывном труде во имя совершенства мастерства, труде, в котором «изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды».

Требовательный к себе, Маяковский всю жизнь боролся за то, чтобы в новом, социалистическом обществе поэзия была не побрякушкой для развлечения бездельников, а боевым оружием, «бомбой и знаменем».

Я хочу,
чтоб к штыку
приравняли перо.
С чугуном чтоб
и с выделкой стали
о работе стихов,
от Политбюро,
чтобы делал
доклады Сталин.

В годы Великой Отечественной войны народ-победитель приравнял к штыку перо советских поэтов-патриотов, соратников и продолжателей дела Маяковского. А миллионные тиражи книг Маяковского, десятки миллионов книг Пушкина, Лермонтова, Некрасова, громадные тиражи книг лучших современных советских поэтов «весомо, грубо, зримо» свидетельствуют о том, что «в Союзе Республик пониманье стихов выше довоенной нормы».

Голос Маяковского звучит не только для слуха русского человека. На все языки братских народов Союза переведены его стихи и поэмы. Стихи его звучат в переводах лучших поэтов на языках стран народной демократии и в освобожденном Китае. Они звучат и во Франции, и в Англии, и в Италии, и за океаном — в Соединенных Штатах и странах Латинской Америки.

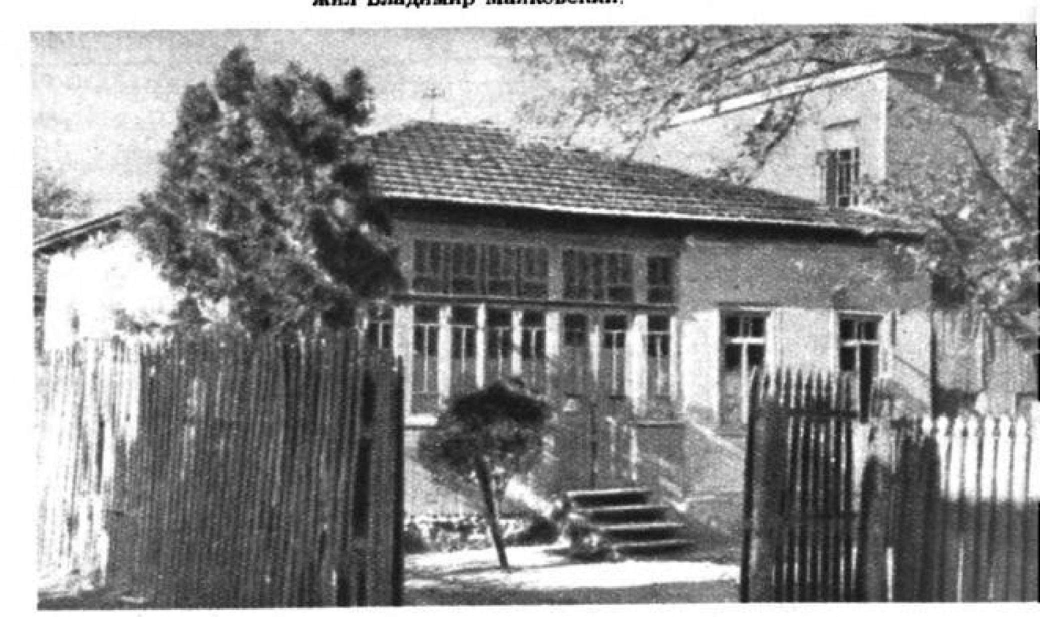
Лучшие прогрессивные поэты мира с гордостью называют себя учениками Маяковского. Трибунное звучание стиха Маяковского мы слышим в гневных и призывных стихах чилийца Пабло Неруды и француза Луи Арагона. Равняясь на Маяковского, пишут свои стихи и поэмы старый немецкий поэт-коммунист Иоганнес Бехер и молодой талантливый немецкий поэт Куба. И современные советские поэты, сильные новаторским опытом Маяковского, себя «чувствуют заводом, вырабатывающим счастье», помнят, как высоко должно быть чувство ответственности за свое творчество перед народом и историей у советского поэта, который, по слову Маяковского, есть «народа водитель и одновременно — народный слуга».

И каждый из советских людей, идущих в авангарде человечества, уже видящих «за горами горя» вчерашнего «солнечный край непочатый», от всего сердца радостно повторяет вслед за Маяковским его чудесные строки:

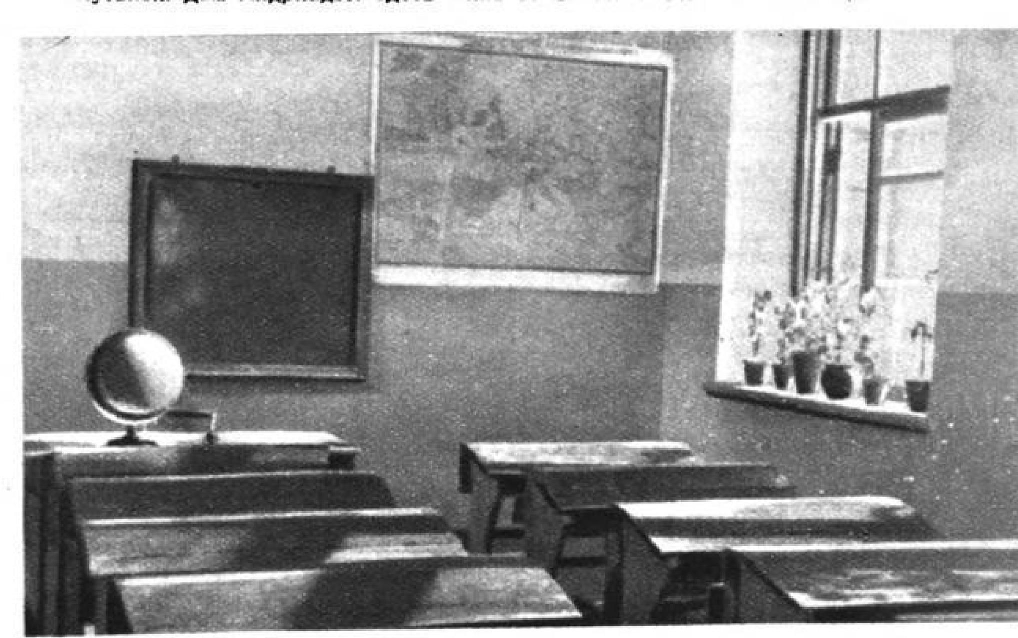
Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить —
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой —
и солнца!

Город Маяковски (бывшее село Багдади). Грузинская ССР. Дом, где жил Владимир Маяковский.

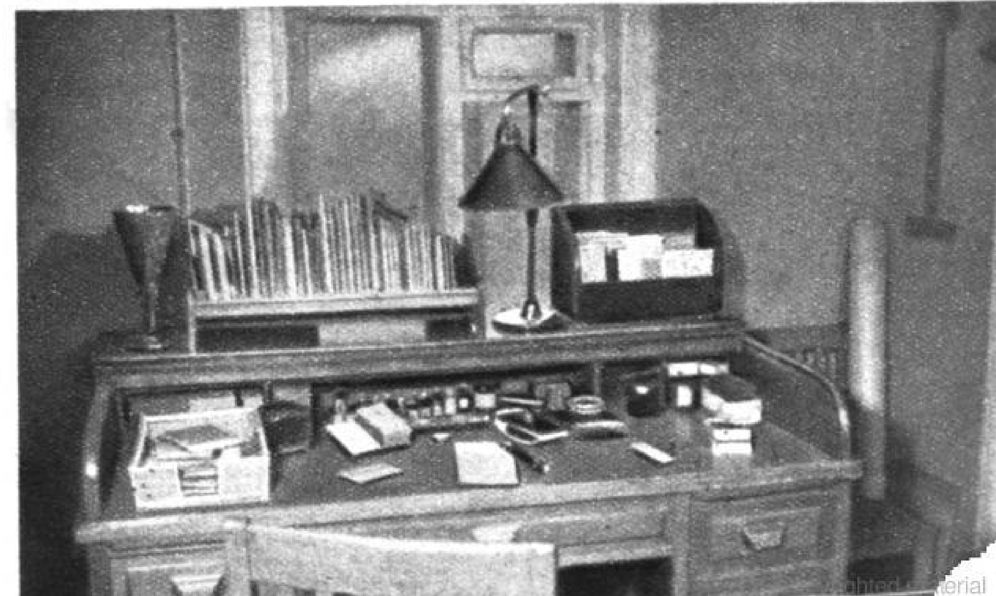
Кутаиси. Дом Андриадзе. Здесь жила семья Маяковских с 1904 года.

Кутаисская гимназия. Класс, в котором учился Владимир Маяковский

Москва. Музей Маяковского. Рабочий стол поэта.

Фото А. Левитана

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

Левый марш

(Матросам)

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер.
Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.
Клячу историю загоним.
Левой!
Левой!
Левой!

Эй, синеблузые!
Рейте!
За океаны!
Или
у броненосцев на рейде
ступлены острые кили?!
Пусть,
оскалясь короной,
вздымает британский лев вой.
Коммуне не быть покоренной.
Левой!
Левой!
Левой!

Там
за горами горя
солнечный край непочатый.
За голод,
за мора море
шаг миллионный печатай!
Пусть бандой окружат нанятой
стальной изливаются леевой, —
России не быть под Антантой.
Левой!
Левой!
Левой!

Глаз ли померкнет орлий?
В старое ль станем пялиться?
Крепи
у мира на горле
пролетариата пальцы!
Грудью вперед бравой!
Флагами небо оклеивай!
Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!

(1918)

Домой!

Уходите, мысли, во-свояси.
Обнимись,
душ и моря глубь.
Тот,
кто постоянно ясен —
тот,
по-моему,
просто глуп.
Я в худшей каюте
из всех кают —
всю ночь надо мною
ногами куют.
Всю ночь,
покой потолка возмутив,
несется танец,
стонет мотив:
«Маркита,
Маркита,
Маркита моя,
зачем ты,
Маркита,
не любишь меня...»
А зачем
любить меня Марките?!
У меня
и франков даже нет.
А Маркиту
(толечко моргните!)
за сто франков
препроводят в кабинет.
Небольшие деньги —
поживи для шику —
нет,
интеллигент,
взбивая грязь вихров,
будешь всучивать ей
швейную машинку,
по стежкам
строчащую
шелка стихов.
Пролетарии
приходят к коммунизму
низом —
низом шахт,
серпов
и вил, —
я ж
с небес поэзии
бросаюсь в коммунизм,
потому что
нет мне
без него любви.
Все равно —
сослался сам я
или послан к маме —
слов ржавеет сталь,
чернеет баса медь.
Почему
под иностранными дождями
вымокать мне,
гнить мне
и ржаветь?
Вот лежу,
уехавший за воды,
ленью
еле двигаю
моей машины части.
Я себя
советским чувствую
заводом,
вырабатывающим счастье.
Не хочу,
чтоб меня, как цветочек с полян,
рвали
после служебных тягот.
Я хочу,
чтоб в дебатах
потел Госплан,
мне давая
задания на год.
Я хочу,
чтоб над мыслью
времен комиссар
с приказанием нависал.
Я хочу,
чтоб сверх-ставками спеца
получало
любовищу сердце.
Я хочу,
чтоб в конце работы
завком
запирал мои губы
замком.
Я хочу,
чтоб к штыку
приравняли перо.
С чугуном чтоб
и с выделкой стали
о работе стихов,
от Политбюро,
чтобы делал
доклады Сталин.
«Так, мол,
и так...
И до самых верхов
прошли
из рабочих нор мы:
в Союзе
Республик
пониманье стихов
выше
довоенной нормы...»

(1925)

Явление Христа

Готовьте
возы
тюльпанов и роз!
Детишкам —
фиалки в локон.
Европе
является
новый Христос
в виде
министра Келлога.
Христос
не пешком пришел по воде,
подметки
мочить
неохота.
Христос новоявленный,
смокинг надев,
приехал
в Париж
пароходом.
С венком
рисуют
бога-сынка.
На Келлоге
нет
никакого венка.
Зато
над цилиндром
тянется —
долларное сияньице.
Поздравит
державы
мистер Христос
и будет
от чистого сердца
вздымать
на банкетах
шампанский тост
за мир
во человецех.
Подпишут мир
на глади листа,
просохнут
фамилии
насухо, —
а мы
посмотрим,
что у Христа
припрятано за пазухой.
За пазухой,
полюбуйтесь
вот,
ему
наложили янки
сильнейший
морской
и воздушный флот,
и газы в баллонах, и танки.
Готов
у Христа
на всех арсенал,
но главный
за пазухой
камень —
злоба,
которая припасена
для всех,
кто с большевиками.
Пока
Христос
отверзает уста
на фоне пальмовых веток, —
рабочий,
крестьянин,
плотнее стань
на страже
свободы советов.

(1928)

Стихи о советском паспорте

Я волком бы
выгрыз
бюрократизм.
К мандатам
почтения нету.
К любым
чертям с матерями
катись
любая бумажка.
Но эту...

По длинному фронту
купе
и кают
чиновник
учтивый
движется.
Сдают паспорта,
и я
сдаю
мою
пурпурную книжицу.
К одним паспортам —
улыбка у рта.
К другим —
отношение плевое.
С почтеньем
берут, например,
паспорта
с двухспальным
английским лёвою.
Глазами
доброго дядю выев,
не переставая
кланяться,
берут,
как будто берут чаевые,
паспорт
американца.
На польский —
глядят,
как в афишу коза.
На польский —
выпяливают глаза
в тугой
полицейской слоновости —
откуда мол,
и что это за
географические новости?
И не повернув
головы кочан,
и чувств
никаких
не изведав,
берут,
не моргнув,
паспорта датчан
и разных
прочих
шведов.
И вдруг,
как будто
ожогом,
рот
скривило
господину.
Это
господин чиновник
берет
мою
краснокожую паспортину.
Берет —
как бомбу,
берет —
как ежа,
как бритву
обоюдоострую,
берет,
как гремучую
в 20 жал
змею
двухметроворостую.
Моргнул
многозначаще
глаз носильщика,
хоть вещи
снесет задаром вам.

В. В. МАЯКОВСКИЙ. 1927 ГОД.

Жандарм
вопросительно
смотрит на сыщика,
сыщик
на жандарма.
С каким наслажденьем
жандармской кастой
я был бы
исхлестан и распят
за то,
что в руках у меня
молоткастый,
серпастый
советский паспорт.

Я волком бы
выгрыз
бюрократизм.
К мандатам
почтения нету.
К любым
чертям с матерями
катись
любая бумажка.
Но эту...
я
достаю
из широких штанин
дубликатом
бесценного груза.
Читайте,
завидуйте,
я —
гражданин
Советского союза.
(1929)

Содружество

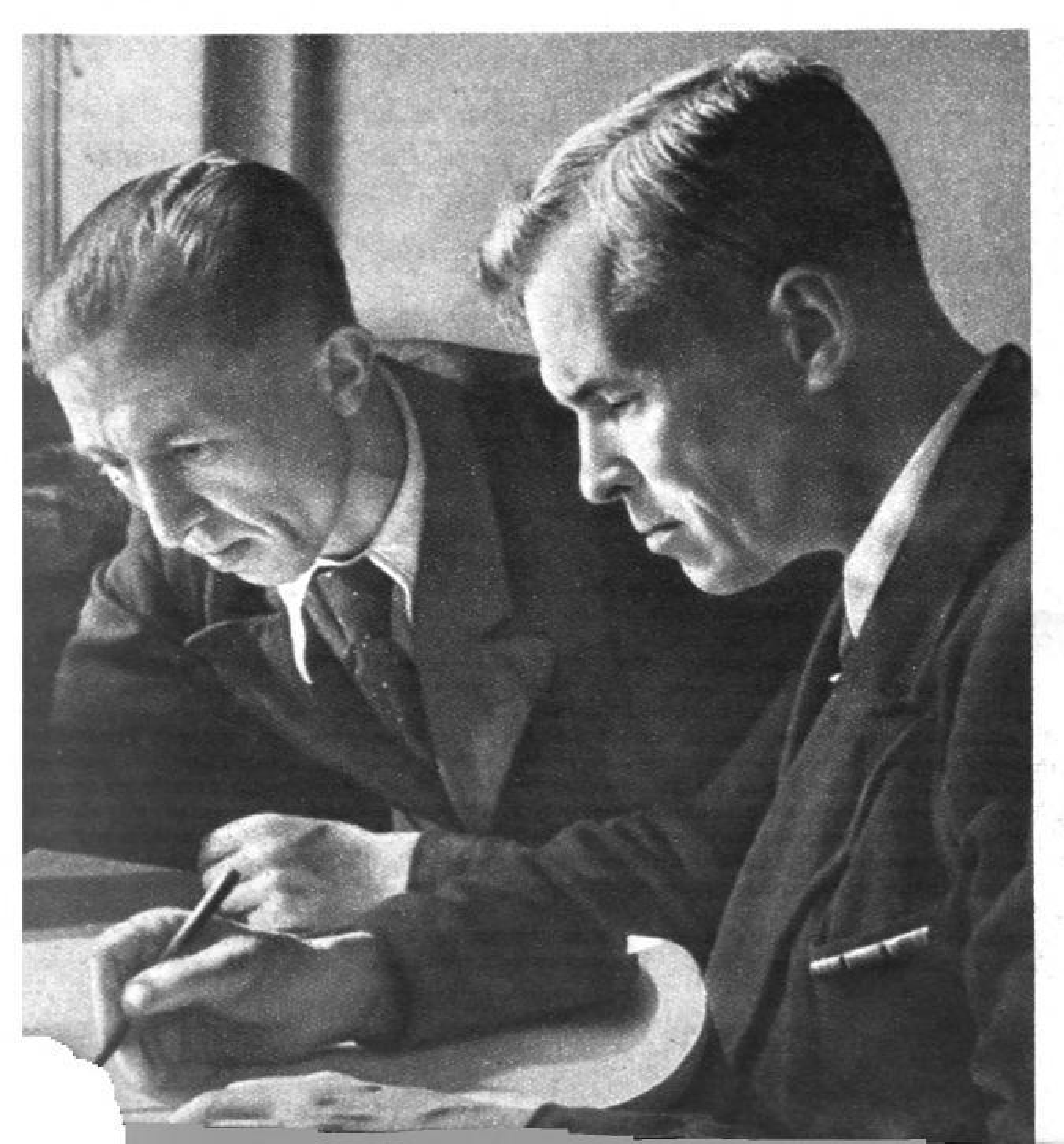
В. АЛЕКСАНДРОВ

Фото Д. Трахтенберга

Это было год назад. Работники промышленности, деятели науки и техники города Ленинграда и Ленинградской области обратились к товарищу И. В. Сталину с письмом, обещав великому вождю и учителю превратить город Ленина в крупнейший центр технического прогресса.

Ленинградцы верны своему слову. Минувший год был для них годом смелых творческих дерзаний, славных успехов стахановцев-новаторов. В промышленность внедрялась передовая техника, совершенная технология. Укреплялось содружество работников науки и производства. Какие обильные плоды приносит это содружество, показывает замечательный пример ленинградского трижды орденоносного завода «Электросила» имени С. М. Кирова.

Заглянем в его корпуса, познакомимся с работающими здесь людьми

1

Завод-новатор, он никогда не идет проторенными тропами, не терпит косности и никого не копирует, даже самого себя. Каждая выпускаемая им машина — действительно новая, не похожая на прежнюю. Недавно «Электросила» изготовляла гидрогенератор для Днепрогэса. Можно было в точности повторить довоенный тип, тоже электросиловский. Но коллектив завода верен своим традициям. Не увеличивая габаритов генератора, он значительно повысил его мощность. Инженеры создали оригинальную конструкцию подпятника, на котором подвешены все вращающиеся части агрегата весом в 1000 тонн.

Когда на Днепрогэсе закончилось испытание ленинградского гидрогенератора, там невольно вспомнили, как мучились при пуске американских агрегатов. Было потеряно много времени на переделку и приспособление подпятников, конструкция которых оказалась неудовлетворительной. И вот сейчас на станции с гордостью отмечали: в техническом соревновании советской и американской конструкций победила наша, советская, созданная трудом и разумом рабочих и инженеров завода «Электросила».

Недавно в постановлении Совета Министров СССР о присуждении Сталинских премий за 1949 год мы прочитали имена тех, кто выиграл это соревнование с американцами: Еремеев Александр Сергеевич, руководитель работы, Вакуров Константин Иванович, Федоров Василий Петрович, инженеры завода «Электросила», Лежнев Борис Николаевич, строгальщик того же завода...

Все четверо — старые электросиловцы. «Наш общий производственный стаж, — шутит Еремеев, — равен веку». Александр Сергеевич Еремеев пришел на завод в шинели красноармейца вскоре после гражданской войны; работая монтером, он учился в Электротехническом институте. С Федоровым и Вакуровым — опытнейшими конструкторами — он связан многими годами совместного труда и большой дружбы. В этот творческий коллектив входит и строгальщик Борис Лежнев — секретарь цеховой парторганизации. Он как раз и обрабатывал подпятник, наиболее сложную часть генератора. Инженеры всегда советуются со строгальщиком, внесшим немало предложений, улучшающих конструкцию машины.

На снимке вы видите Б. Н. Лежнева (слева) с начальником бюро гидротурбин А. С. Еремеевым за обсуждением чертежей нового генератора.

2

Коллектив «Электросилы» использует достижения передовой науки и сам обогащает ее. В этом его большая заслуга. Доктора и кандидаты наук считают за честь работать на этом заводе в качестве рядовых инженеров.

С другой стороны, растет число стахановцев, которых по уровню знаний и опыту можно назвать инженерами.

Таков коммунист Николай Дворов, лекальщик-виртуоз. Товарищи зовут его «ловцом микронов»: точность обрабатываемых им металлических поверхностей измеряется самыми малыми величинами.

Прежде считалось, что в работе лекальщика нельзя применить механизацию. А вот Н. Дворов смело использует станок там, где, казалось бы, могут справиться только человеческие руки. Так поступил он при изготовлении сложных шаблонов, чьи контуры всегда опиливались вручную.

Н. Дворов — член заводского технического совета, в состав которого входят ученые, инженеры, стахановцы. Недавно знатному лекальщику предложили рассказать на совете о своих методах. Он подготовил обстоятельный доклад с математическими расчетами, чертежами, схемами.

Было решено пригласить на заседание в качестве референта кого-нибудь из наиболее авторитетных специалистов в области лекального дела. Выбор пал на Константина Алексеевича Харченко, автора популярного учебника. Это не инженер, не преподаватель, не научный сотрудник. Харченко, такой же лекальщик, как Дворов, работает на Кировском заводе. Он написал книгу, по которой обучаются теперь все лекальщики.

На снимке справа: Н. Дворов приехал с К. Харченко на собственном автомобиле к себе на завод.

Заседание технического совета длилось более трех часов. Перелистывая стенограмму, читая доклад Н. Дворова, содоклад К. Харченко, выступления профессоров, инженеров, еще и еще раз убеждаешься, какие чудесные результаты дает совместное творчество людей труда и науки, какие замечательные кадры выросли в нашей промышленности.

3

До последнего времени методы разметки деталей крупных габаритов были недостаточно освещены в технической литературе. Поэтому брошюра преподавателя Технологического института имени Ленсовета М. Ф. Барсукова, посвященная столь актуальному вопросу, разошлась в короткий срок и стала почти библиографической редкостью.

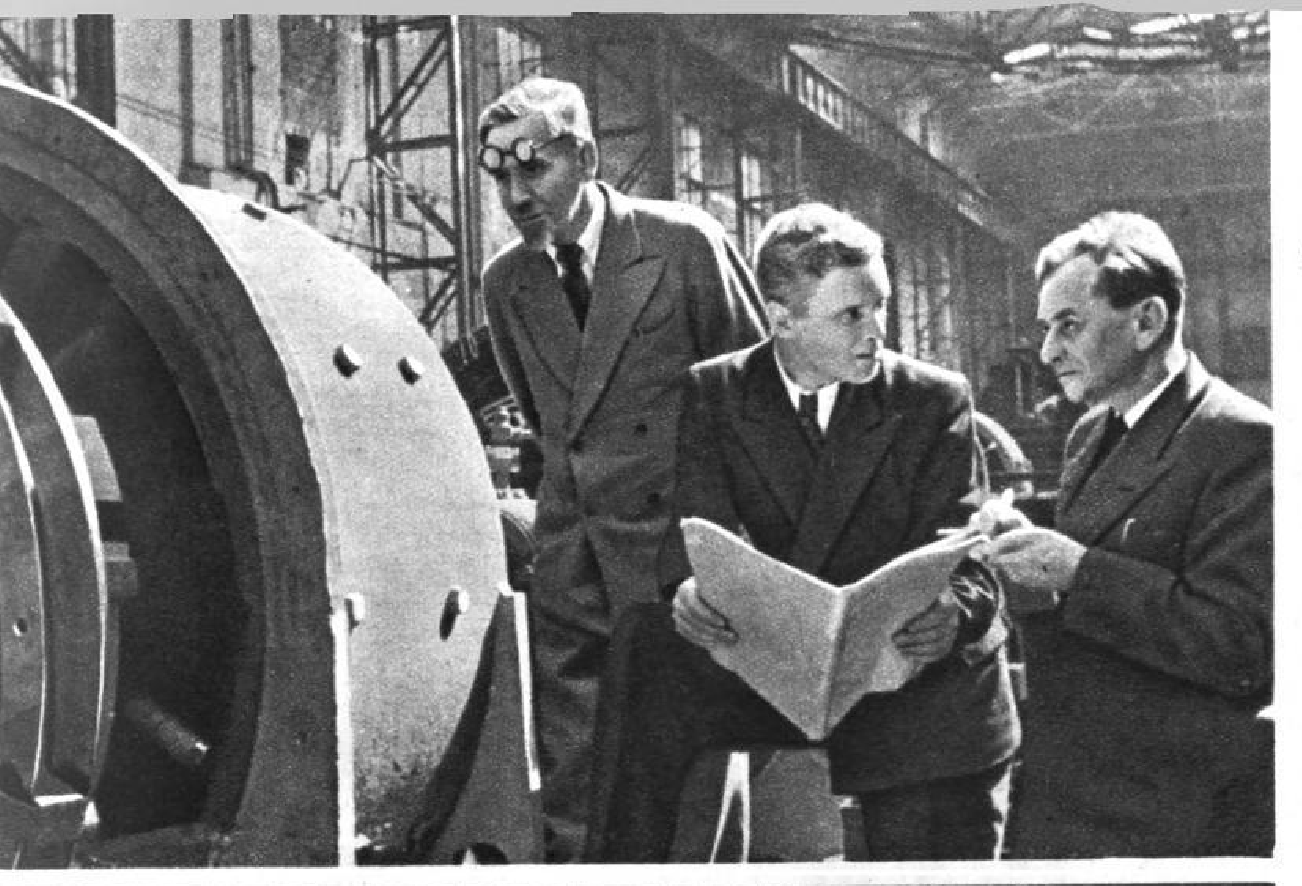
Брошюра рассказывает о приемах, разработанных стахановцем «Электросилы» М. Б. Бойцовым. Труд этого старого мастера вложен в любую машину, выпускаемую заводом. Сконструированными им инструментами пользуются все рабочие, занятые разметкой крупных деталей.

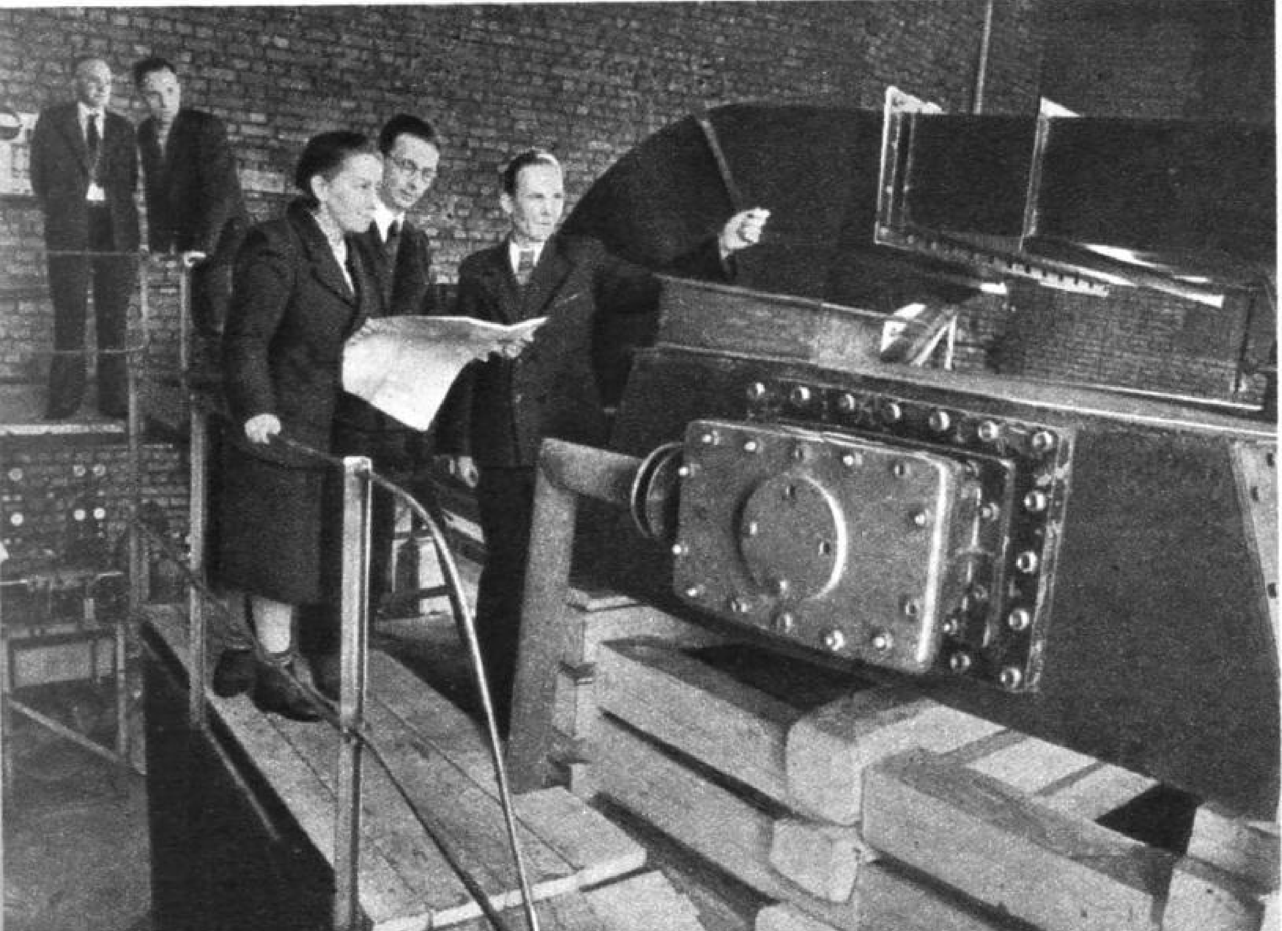
М. П. Бойцов (на снимке внизу, в центре) — постоянный консультант кафедры начертательной геометрии Технологического института, которую возглавляет кандидат технических наук Г. М. Дешевой (крайний слева). Коллектив кафедры привлек к своей текущей учебной и научной работе Бойцова и его товарищей — Дмитриева, Дубинина, Федотову.

Для них здесь создан постоянный семинар. Ученые и рабочие совместно знакомятся с новинками разметочного дела, обсуждают приспособления, разработанные на ленинградских заводах, теоретически обобщают стахановский опыт.

Случалось не раз, что студентам изрядно доставалось от Бойцова и его друзей за ошибки в проектах. Дипломы от этой критики неизменно выигрывали...

4

...Жаль, что в бюро пропусков нет книги, в которую записывали бы фамилии всех посетителей «Электросилы», прибывающих сюда по командировкам различных научно-исследовательских институтов, вузов, лабораторий, проектных организаций. Это был бы примечательный документ. К турбостроителям приезжают для того, чтобы дать им совет и получить от них помощь, провести испытания и доложить о результатах последнего эксперимента. Но есть ученые, которые проходят в цехи, минуя бюро пропусков, — у них постоянный пропуск на завод.

В их числе Михаил Полиевктович Костенко, коренной электросиловец, крупнейший специалист в области электромашиностроения.

Много лет назад, после окончания Политехнического института, М. П. Костенко был оставлен при кафедре. Но он сразу начал совмещать научную деятельность с работой на заводе, где проходил практику.

Теперь член-корреспондент Академии наук СССР М. П. Костенко возглавляет кафедру электрических машин Политехнического института. И для столь родного ему коллектива «Электросилы» профессор М. П. Костенко остался своим человеком: он участвует в создании большинства агрегатов, выпускаемых здесь. Когда группа электросиловцев была удостоена Сталинской премии, имя профессора стояло рядом с именами заводских инженеров. Это было лестно и заводу и ученому...

На снимке: М. П. Костенко (крайний справа) вместе с профессором Е. В. Нитусовым и конструктором А. С. Еремеевым (в центре), собравшись у испытательного стенда, советуются, как улучшить конструкцию создаваемой машины.

5

Заводская научно-техническая конференция, созванная по инициативе партийной организации, превратилась почти во всесоюзную. Съехались 200 ученых, представители 48 научных учреждений. Разговор о делах «Электросилы», крупнейшего поставщика электрических машин, невольно превратился в обсуждение проблем технического прогресса всего энергомашиностроения. Ученые не ограничились советами: они предложили помощь. Сейчас с ними заключено около 40 договоров. Перечень проблем, над решением которых электросиловцы трудятся совместно с людьми науки, обширен и многообразен.

Инженерно-экономический институт имени Молотова занят улучшением организации и планирования производства в двух цехах. Профессор Технологического института В. М. Андреев шефствует над литейщиками, помогая им усовершенствовать вагранку. Сотрудники Политехнического института исследуют вопросы повышения скорости фрезерования и резания.

Наш фотокорреспондент заснял момент испытания одного из узлов турбогенератора, которое проводят инженер А. А. Сорокина и доцент Д. И. Заславский совместно с начальником лаборатории Котлотурбинного института имени Ползунова кандидатом технических наук В. М. Антуфьевым.

6

С лекциями в цехах «Электросилы» выступают виднейшие ученые Москвы и Ленинграда: профессора Т. С. Лебедев, А. П. Соколовский, Б. Р. Лазаренко, А. А. Запесский и другие.

На снимке: инженеры отдела главного энергетика слушают лекцию профессора В. А. Робина (стоит у доски).

На заводе чутко прислушиваются к голосу ученых, ревностно следят за успехами соседних предприятий, учатся друг у друга. Одни занимаются в стахановских школах, другие — в семинарах, третьи — на курсах мастеров. Учатся в заочных техникумах, вузах и защищают диссертации...

Это непрестанное стремление к знаниям, ко всему передовому, новому, тесное содружество науки и практики — одно из условий столь больших достижений электросиловцев на пути технического прогресса.

А. Саврасов. ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ

«Огонек». 1950. Государственная Третьяковская галлере

И. Левитан. БОЛЬШАЯ ВОДА.

Государственная Третьяковская галлерея

«Огонек». 1950.

МАЯКОВСКИЙ НАЧИНАЕТСЯ

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ГЛАВА ПОЭМЫ

Николай АСЕЕВ

«Эти нищие встают передо мной символом грядущей Европы, если она не бросит пресмыкаться перед американской и всякой другой деньгой».

(Вл. Маяковский «Мое открытие Америки». 1925—1926 гг.)

Ко всему
прилагая советскую мерку,
он,
как сказочный,
созданный им же Иван [1],
по-хозяйски
обмерить и взвесить Америку
перемахивает Океан.
Океан ему нравится:
правильный дядя,
от кудрей белопенных
до донных пят;
и ложится строкой
в боевые тетради:
«моей революции
старший брат».
Океан —
он в трудах непрестанно,
бессменно...
Он плюет на блистанье
зеркальных кают,
и его
никоторые бизнесмены
атлантическим пактом
не закуют.

С Океаном
не раз ему беседовать запросто.
Океанского голоса
рокот и гром,
рев его несмиримости,
вечности,
храбрости
повторен Маяковского
вечным пером.
Океанский простор
пароходами вспахан,
волны — с дом:
слез с одной,—
на соседнюю лезь,
но
от приторно-постной
шестерки монахинь,—
не от волн,—
подступает морская болезнь;
верхогляду
они только шуткой покажутся,
католическо-римской
смиренной икрой,
но в чертах лицемерия,
тупости, ханжества
проступал уже
американский покрой.

Но еще не видать
воротил с Уолл-стрита:
пароход невелик,
пассажир — середняк,
и еще за туманом
Америка скрыта,
Маяковский с ней встретится
только на днях.

Путь к концу,
и уже, начиная с Гаванны,
потянуло удушливо-сладким
гнильем:
то ли дух переспелый
ананасно-бананный,
то ли смрад от господ,
принимающих ванны,
прикрывающих плоть
раздушённым бельем.

Здесь
какие бы дива
его ни дивили
и какой бы природа
цветной ни была,—
из-за пальм и бананов
увидел он Вилли,
у которого белым
разбита скула.

Черной с белою костью
приметил он схватку.

Как бы мог он
за негра
ударить в ответ!
Как лицо это наглое
мог бы он — в смятку!
Но нельзя:
дипломатия, нейтралитет!

От Гаванны отчалили,
двинулись к Мексике;
«раб», «лакей», «проститутка»—
гнилые слова,
уж давно потерявшие смысл
в нашей лексике,
здесь
опять предъявляют
свои права.

Трап опущен.
Он сходит с борта парохода;
все чужое,
такое, к чему не привык:
непохожи дома,
незнакома природа,
непонятны поступки,
несроден язык.

Мексиканские
широкополые шляпы,
плавность жестов,
точеность испанистых лиц...
Но повсюду Америки
тянутся лапы,
пальцы цепких концернов
в природу впились.
Память инков,
земля из забытых владений,
первобытной общины
уплывших веков...
Поезд мчится
меж кактусовых привидений,
южных звезд
и, как звезды, больших
светляков.

Ночь в вагоне.
Лоредо.
Подъезжаем к границе;
после долгих формальностей
визы даны.
Впереди впечатлений пред ним
вереница,
но сгибается болью
и гневом страница
за индейцев —
исконных хозяев страны.

Спросят:
— Разве вы ездили с ним?
Без отсрочки
объясняюсь:
— Да, ездил,
как еду сейчас!
Много лет
мне его дальнолётные строчки
помогают стремиться,
по времени мчась.

Наконец Маяковский
в стошумном Нью-Йорке.

На Бродвее светло,—
электрический день;
а в порту,
подбирая окурки да корки,
безработицы клонится
тощая тень.
За границу езжали
и ранее наши,
приходили в восторг
от технических благ:
дескать, нету продукции
крепче и краше,
кроме той,
над которой Америки флаг.
Маяковский
глазами смотрел
не такими:
«Да, промышленность янки
наладить сумел,
выжимающую
потогонными мастерскими
соки прибыли
из человеческих тел».
Каждый шаг, каждый миг
здесь на центы рассчитан.
Маяковский
грядущему смотрит в лицо:
«Здесь последний оплот
безнадежной защиты
воротил капитала
и темных дельцов!»

И в конвейере шумов без пауз,
распрямившись
во весь свой рост,
озирает он Бильдинг-гауз,
одобряет Бруклинский мост.
Но куда бы ни поглядел он
и чего б ни привел
в пример:
«Это все
может лучше быть сделано
и разумней
в СССР».

Он на фордовских
мощных заводах,
на рекламнейшем из
производств,
где рабочим
в мертвецкой лишь отдых,
измотался —
к реке и — под мост!
Негры, шведы,
бразильцы, евреи...
Кто и как тут
друг друга поймет?!
А надсмотрщик:
«Скорее! Скорее!
Торопитесь! Авто не ждет!»

Может, встретятся строчки
нежней и любовней
у поэтов,
поющих поля и леса,
но страшней и короче
чикагские бойни
никогда
никому
не суметь описать.

Он приметил
усталые лица,
черно-синие впадины глаз,—
как он мог
с этой жизнью смириться,
угнетенный и преданый класс?!
Здесь свинцовый оттенок
впитала
кожа хмуро опущенных век.
Анонимного капитала
обезличенный раб — человек!

Маяковский
сказал свое мненье:
— Нет!
Америка эта не та!
Делать деньги —
одно их стремленье,
их единственная мечта.
Не затем каравелла Колумба
подымалась
с волны на волну,
чтоб отсюда бесстыже и грубо
экспортировали войну.
Пусть же
Морганы и Дюпоны,
придавившие горы горбов,
не рассчитывают на законы,
защищающие от рабов.

Ни фотоэлементов услуги,
ни дворцов их эйр-кондишен [2]
не спасут их от кризисной
вьюги,
если
весь их строй никудышен.
Перехлынет терпения мера,
швед бразильца и негра
поймет,
и дворец архимиллиардера
не сумеет спасти
пулемет.
В их зимних садах
среди роз и левкоев
придут опросить их,
побеспокоив.
Придут, чтоб сказать им
сурово и веско:
«Вам в суд всенародный
явиться — повестка!
За то, что бессмысленно
жадны и лживы,
вы мир предавали
во имя наживы».

— Кто ж судьи? —
нас спросят.
Ответим, кто судьи:
те судьи — простые
Америки люди.
Кто избран народною волей
единой.
Кто был присуждаем
судьею Мединой.
Двенадцать
рабочих вождей неподкупных,
пред кем столбенеет,
потупясь, преступник.

К чему ж их присудят?
Не знаю,
не ведаю.
Я занят сейчас
с Маяковским беседою.
На это бы
только он сам и ответил.
Ведь чистку такую
когда он наметил!
Великое он
завещал нам событие:
Америки новой
ВТОРОЕ ОТКРЫТИЕ!!

Февраль — март 1950

[1] См. поэму «150.000.000».

[2] Воздух регулируемой температуры.

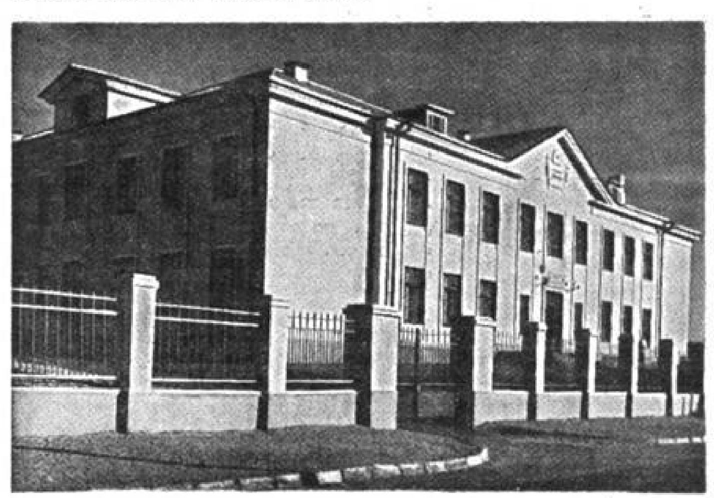
Царицын-Сталинград

10 апреля исполняется 25 лет со дня переименования Царицына в Сталинград.

Бессмертна слава этого города. Его улицы, дома воскрешают в памяти незабываемую героическую эпопею обороны Царицына. Сюда 6 июня 1918 года прибыл товарищ Сталин с отрядом рабочих. Железная воля и гениальная прозорливость вождя отстояли волжскую твердыню, не дали белым прорваться на Москву.

Прошло почти четверть века, враг снова появился у волжских берегов. Здесь разыгралось великое сражение, надломившее хребет германской армии.

Сегодня Сталинград в лесах новостроек. За семь лет на его восстановление израсходовано свыше двух с половиной миллиардов рублей. Сдано в эксплоатацию более миллиона квадратных метров жилой площади. Ныне здесь насчитывается 5 высших учебных заведений, 31 библиотека, десятки школ, клубов и кинотеатров, много больниц, детских садов и яслей. Близ крупнейших предприятий выросли новые, социалистического типа поселки.

Здание новой средней школы в Сталинграде.

В городе восстановлены и построены десятки промышленных предприятий. Они не только возобновили выпуск всей той продукции, какую давали до войны, но и освоили новое производство: буксирных пароходов, буровых вышек, станков-нефтекачалок, мебели. С большого конвейера тракторного завода сходят тракторы новой марки, более усовершенствованные и экономичные.

Город на Волге известен во всем мире. Приезжающие в СССР иностранные делегации считают своим долгом побывать в Сталинграде на местах исторических битв, осмотреть экспонаты Музея обороны Царицына-Сталинграда имени И. В. Сталина. В книге отзывов гостей — сотни записей.

Датский писатель Мартин Андерсен Нексе написал в этой книге: «Сталинград навеки останется сиять для нас неугасимой звездой».

...Уже вырисовывается прекрасный облик будущего Сталинграда, когда полностью осуществится план его восстановления. Монументальные здания поднимутся над площадью Павших борцов. От центра города к просторам великой реки выйдет Аллея Героев. На десятки километров протянется главная магистраль — проспект имени И. В. Сталина. Широкое зеленое кольцо опояшет Сталинград.

На волжском берегу поднимется чудесный город, достойный имени великого вождя.

В. КОРНИЛОВ

«УЗБЕКСКАЯ ДЛИННОШЕРСТНАЯ»

В горах Кураминского хребта, вблизи шумно бьющихся о камни речушек, раскинулся кишлак Чаркасар, Папского района, Наманганской области. Велики здесь пастбищные угодия, кристально чист воздух, бирюзой отливает небо.

...Вон где-то впереди, у тропинки, мелькнула коза с заломленными назад длинными, вьющимися винтом рогами. Еще несколько десятков шагов, и перед глазами открывается небольшая долина с пасущимися козами. Их здесь очень много. Длинная, волнистая, ослепительно белая шерсть ниспадает чуть не до земли.

Это — богатство колхоза «Янги чарва». 13 лет назад сюда было завезено несколько ангорских коз. Они тяжело переносили летнюю жару и зимнюю стужу, страдали от перегонов по каменистым ущельям. Несколько коз пало.

— Неженки,— говорили о них горцы. — Не выдержат они у нас.

Издавна в этих местах выращивались свои козы. Были они небольшие, с черной, короткой и жесткой, как щетина, шерстью. Черные попрыгуньи прекрасно чувствовали себя в горах, легко переносили трудные условия здешней жизни.

Однажды в кишлак Чаркасар приехал из Ташкента кандидат сельскохозяйственных наук П. Ф. Кияткин. Он прибыл сюда проводить селекционную работу. Надо было создать такую породу коз, в которой соединилось бы отличное качество шерсти с приспособленностью к местным условиям.

Прошли годы. И вот появилось потомство, которое дает белую шерсть, не уступающую по качеству шерсти чистопородных ангоров. Это козы, по выносливости ничем не отличающиеся от местных, черных, а по качеству шерсти превосходящие привозных. Новую породу назвали «узбекская длинношерстная». Козы оказались значительно крупнее ангорских, длина их шерсти достигает 20 сантиметров, а тонкость — 22 микронов.

«Узбекская длинношерстная» уже разводится во многих колхозах республики.

В. ТОМАРСКИЙ

ВАХТЫ ПЕРВОМАЯ

Трудом, созидательным и творческим, встречает страна 1 Мая. Идет предпраздничная перекличка бригад, цехов, заводов. Трудящиеся становятся на стахановскую вахту.

...Москва — Ленинград — Сталинград. Эти города — герои в бою и в труде. Соревнуются между собой сталевары столичного завода «Серп и молот», ленинградского Кировского и сталинградского «Красный Октябрь».

Издавна «соперничают» москвичи и ленинградцы. Кировский сталевар Максим Мурзич побывал в прошлом году на «Серпе и молоте». Тогда началось его соревнование с Тимофеем Гребешковым — лучшим сталеваром страны, прославленным стахановцем. Больших успехов достигли с тех пор металлурги двух этих предприятий.

Московские сталевары, лауреаты Сталинской премии А. Субботин, В. Михайлов и Н. Чесноков взяли на себя в честь Первого мая большие обязательства. Ленинградцы вызвали их на соревнование, предложив еще более серьезные условия.

Первые же дни предпраздничной стахановской вахты принесли новые победы металлургам. На «Серпе и молоте» резко увеличилось количество скоростных плавок. Здесь сталевары — лауреаты Сталинской премии—еще 22 марта закончили квартальный план. Кировцы ныне выпускают 70 процентов всех плавок скоростным методом. Съем стали с квадратного метра пода достигает в отдельные дни почти 8 тонн.

От ленинградцев и москвичей не отстают и сталевары сталинградского завода «Красный Октябрь».

Донбасские горняки треста «Калининуголь» призвали шахтеров Сталинской области выдать к празднику сверх плана несколько эшелонов угля. На призыв калининцев откликнулись все угольщики Донбасса. На шахте «Комсомолец» бригада забойщиков тов. Манохина вырубила за смену 700 тонн угля. Каждый забойщик выполнил не менее пяти норм.

...По стальным путям страны мчатся железнодорожные составы, груженные углем, добытым в честь праздника; движутся эшелоны нефти из Баку — подарок азербайджанских рабочих. В эти дни бакинцы трудятся с особенно большим подъемом: Первомай совпадает с 30-летием установления советской власти в Азербайджане.

Участники всенародного предмайского социалистического соревнования стремятся порадовать Родину новыми победами в труде.

На криворожском заводе «Коммунист» уже 40 лет работает фрезеровщик А. Ф. Олейник. В одном цехе с ним работают строгальщиками его сыновья Павел и Петр. Семья Олейника трудится по-стахановски. С начала послевоенной пятилетки Петр Олейник выполнил 11 годовых норм, Павел заканчивает выполнение 11-й годовой нормы, А. Ф. Олейник работает в счет 9-й годовой нормы. Став на предмайскую стахановскую вахту, отец и сыновья обязались выполнить к Первому мая по годовой норме. На снимке (слева направо): Петр Афанасьевич, Афанасий Федосеевич и Павел Афанасьевич Олейники.

Фото С. Вильтмана (ТАСС).

Творческие встречи учителей

Эти встречи стали хорошей традицией. Ежегодно, по приглашению Академии педагогических наук РСФСР, в Москву со всех концов страны съезжаются на «Педагогические чтения» лучшие представители миллионной армии советских учителей. Они обмениваются опытом обучения молодежи, чтобы обобщить его и сделать достоянием всех учителей.

Очередные, пятые, «чтения» были особенно многолюдными и плодотворными. В них приняли участие сотни учителей, прибывших из союзных республик, руководители партийных, комсомольских и пионерских организаций, родительская общественность.

В Академию было представлено 1408 докладов. Это — яркое свидетельство растущей творческой активности нашего учительства.

Чрезвычайно разнообразна тематика докладов. Особое внимание уделено в них вопросам коммунистического воспитания детей в школе и в семье.

Жюри отобрало для заслушания на пленарных заседаниях и в секциях около 400 работ. Более 150 докладов премировано и отмечено похвальными листами.

Преподаватель 300-й средней школы Ленинграда А. С. Зельдин, удостоенный первой премии, в своем докладе «Пушкинский год» дал стройную методику изучения произведений гениального русского поэта. Большой интерес представил доклад учительницы школы № 12 Орехово-Зуева К. А. Гуськовой. Она поделилась ценным опытом борьбы за полную успеваемость учащихся первых четырех классов. Ей присуждена вторая премия.

Высокую оценку получил доклад секретаря Аксайского райкома ВКП(б) Ростовской области А. Д. Калина. В этом районе местные организации, колхозы, широкая общественность проявляют подлинную заботу о школе, оказывают ей всемерную помощь.

В своих выступлениях перед закрытием «чтений» авторы премированных докладов отметили крепнущую связь между педагогической наукой и практикой. Они горячо благодарили партию, правительство, родного товарища Сталина за большую заботу о школе.

Группа участников «Педагогических чтений». Слева направо: учительница Малышевской школы, Селивановского района, Владимирской области, А. П. Житкова, учитель из Кривого Рога М. П. Дегтярев, вице-президент Академии педагогических наук К. Н. Корнилов и учительница Борской средней школы Горьковской области О. Н. Чупрова.

Фото В. Шаровского (ТАСС)

ПЯТИЛЕТИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ВЕНГРИИ СОВЕТСКОЙ АРМИЕЙ

Со 2 апреля по всей Венгрии проходили народные торжества, посвященные национальному празднику — пятой годовщине со дня освобождения страны доблестной Советской Армией.

Народ демократической Венгрии за эти пять лет добился выдающихся успехов. В ходе выполнения трехлетнего плана довоенный уровень промышленности превышен на 40 процентов. На столько же превышен довоенный уровень жизни трудящихся.

На основе осуществления земельной реформы, освободившей крестьянство от помещичьей кабалы, в стране созданы тысячи производственных кооперативов. Эти кооперативы стали передовыми борцами за социалистическое преобразование венгерской деревни.

День 4 апреля венгерский народ встретил новыми успехами в строительстве социализма. Многие тысячи рабочих, служащих, крестьян, участвуя в соревновании имени 4 апреля, приготовили к этому знаменательному дню трудовые подарки стране.

На празднование в Будапешт прибыла советская правительственная делегация во главе с заместителем Председателя Совета Министров Союза ССР Маршалом Советского Союза К. Е. Ворошиловым. В составе делегации — секретарь Центрального Комитета ВКП(б) М. А. Суслов, генерал-лейтенант В. П. Свиридов, украинский писатель А. Т. Гончар.

В связи с национальным праздником освобождения на площади Свободы был торжественно открыт монумент Благодарности. На постаменте надпись: «Великому Сталину — благодарный венгерский народ».

Дни всенародных торжеств вылились в могучую демонстрацию венгеро-советской дружбы.

Деятели венгерской культуры в Москве

По приглашению Всесоюзного общества культурной связи с заграницей в Москву прибыла из Будапешта делегация деятелей венгерской культуры. Среди делегатов профессор математики Алексич Дьердь, генеральный секретарь Венгерской академии наук, художник Реде Ференц, поэт Куцка Петер и артистка Месарош Агнеш, известная советскому зрителю по фильму «Пядь земли».

Руководитель делегации, депутат венгерского парламента, бывшая печатница Ваци Миклошне в беседе с корреспондентом «Огонька» сказала:

— Почти все члены нашей делегации в Москве впервые. Впечатлений так много, московские встречи так поучительны и так радостны! Наши блокноты полны записей. Кажется, мы стали опытнее и сильнее — ведь в Советской стране перед нами предстал завтрашний день Венгрии.

4 апреля — пятую годовщину освобождения нашей Родины славной Советской Армией — мы встретили в Москве. Когда делегация выезжала из Будапешта, вся Венгрия готовилась отметить наш национальный праздник.

В каждом венгерском доме 4 апреля особенно тепло вспоминали советских солдат и офицеров, павших за свободу и независимость Венгрии. Многие с цветами приходили в этот день на могилы советских героев.

День 4 апреля трудящиеся народно-демократической Венгрии провели под знаком сплочения всех сил для борьбы за мир, против поджигателей новой войны.

На вопрос корреспондента: «Что вам дало посещение Москвы» — члены венгерской делегации сказали:

Бот Бела, художественный руководитель Венгерской киностудии

— Мы стремимся двигать вперед венгерскую культуру на основе богатейшего опыта советских друзей. С этой точки зрения наша поездка в Москву представляется мне прекрасной, ни с чем не сравнимой школой. В «Мосфильме» мы имели очень интересную и важную для нас беседу с Пудовкиным, Роммом, Тиссэ и другими деятелями советского киноискусства. Речь шла о художественном уровне венгерского фильма, о подготовке и воспитании актеров, об овладении стилем социалистического реализма, о народности искусства. Мы получили также ответы на многие важные для нас технические вопросы. В «Мосфильме» нам дали очень ценные советы.

Месарош Агнеш, артистка, лауреат премии Кошута

— В Венгрии мы много слышали о новых успехах советского театрального искусства. У советского народа много замечательных артистов. Нам привелось встретиться с некоторыми из них. Народная артистка СССР Гоголева рассказывала нам о жизни, творческом соревновании и планах советского театра.

Мы счастливы, что у нас есть замечательный учитель — советский актер. У него мы учимся верно служить своему народу.

В спектакле «Счастье» Павленко, поставленном Венгерским национальным театром, я исполняю роль Лены. Когда мне поручили эту роль, меня охватили радость и тревога. Радость потому, что сыграть на сцене советскую женщину — это была моя давнишняя мечта, и тревога потому, что я не знала советской действительности так, как бы мне хотелось ее знать. Но я создала этот образ, и, кажется, не без успеха. Теперь, когда я хорошо познакомилась с советскими женщинами, я еще больше полюбила свою Лену.

Хочется от всей души сказать нашим советским друзьям: спасибо за науку!

Новое на полях страны

Чумиза много веков возделывается китайскими земледельцами.

Ныне эта культура хорошо известна нашим колхозникам, которые по достоинству оценили свойства «китаянки». Правда, крупа из чумизы несколько мельче пшена, но зато быстрее разваривается и вкуснее. В ней 14 процентов белка, 6 процентов жиров, а витаминов больше, чем в рисе и пшеничной муке.

Чумиза стойко переносит засуху. Колхоз «Путь к социализму» (Харьковская область) в прошлом году, при неблагоприятных климатических условиях, снял по 60 центнеров чумизы с гектара. Сейчас на Украине сотни тысяч гектаров засевают этой культурой. Через год — два она войдет в обиход не только на юге, но и на севере. Опытные посевы ее будут произведены во всех районах Московской области.

Чумиза — лишь одно из интересных новшеств, применяемых ныне на полях страны.

В 1950 году колхозы и совхозы повсеместно переходят на посев районированными сортами. Это значит: право на жизнь дано только тем сортам, которые биологически лучше приспособлены к местным условиям. Сколько же их, таких сортов? В Министерстве сельского хозяйства СССР нам назвали 128 сортов озимой пшеницы, 111 — яровой пшеницы, 36 — озимой ржи, 103 — подсолнечника и других масличных растений. Лен, конопля, хлопок, свекла... В длинном перечне наименований скрыт большой творческий труд ученых-селекционеров и колхозников-практиков.

Была на Украине хорошая озимая пшеница «Украинка». На смену ей пришла еще лучшая — «Одесская 3». В посевах 1950 года она займет миллионы гектаров. Минувшим летом в степях Алтая можно было любоваться прекрасной яровой пшеницей «Мильтурум 553». То был плод настойчивых исканий сибирских селекционеров И. Н. Семченкова и И. Н. Смирнова, творческую работу которых правительство отметило Сталинскими премиями. В этом году пшеницей «Мильтурум 553» сибиряки засеют сотни тысяч гектаров.

Сорт ржи «Авангард» вполне оправдывал свое название. Но и ему пришла пора уступить свое первенство новому, лучшему сорту — «Казанская 5 + 6», который создала лауреат Сталинской премии агроном Хадыга Байчурова. Под «Казанскую 5 + 6» отводят в этом году сотни тысяч гектаров в Татарии, Мордовии, Чувашии, Горьковской, Владимирской, Ульяновской и Пензенской областях.

Колхозники неустанно ищут новое: селекционные станции завалены запросами. «Пришлите хоть горсточку для пробы», — пишут опытники. В частности, такие письма получает Харьковская селекционная станция. Здесь недавно вывели сорт твердой яровой пшеницы — «Народная». Известно, что твердая пшеница ценится выше мягкой. Сорт «Народная» этой весной займет на колхозных полях 6—7 тысяч гектаров. Кажется, мало. Но селекционеры говорят: дороже всего начало, а там уже пойдет...

Примеров, показывающих, как достижения науки быстро внедряются в колхозную практику, много. Укажем еще на советский неполивной хлопок, самый северный в мире. Его посевы значительно расширяются. Впервые он «дебютирует» в Молдавии, Кабарде, под Сталинградом, в Днепропетровской и Сталинской областях. Да, Донецкий бассейн отныне будет давать не только «черное золото» — уголь, но и «белое золото» — хлопок. Правительство оказывает огромную материальную и техническую помощь колхозам и совхозам, занимающимся неполивным хлопком.

1950 год — год новых больших побед советских людей в битве за преобразование природы.

С. КАНЕВСКИЙ

Выпускники Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева (слева направо): Герой Социалистического Труда К. Борин, А. Серкина, Н. Дудоров, Н. Швецова и Л. Акимова.

Фото М. Савина.

Тимирязевцы

— В жизни каждого из нас бывает немало дней, особенно радостных, ярких и праздничных. И вот к таким дням я отношу сегодняшний, когда мне вручается диплом ученого агронома.

Так сказал знатный комбайнер, Герой Социалистического Труда Константин Александрович Борин, с отличием окончивший в нынешнем году Московскую сельскохозяйственную академию имени К. А. Тимирязева.

Работа К. Борина «Пути повышения производительности комбайна» вышла за рамки дипломного проекта и рекомендована Ученым советом академии, как основа для будущей диссертации. Сейчас К. Борин сдает экзамены в аспирантуру, а затем, как и в прошлые годы, выедет в родные кубанские степи на полевые работы. Вместе с ним на Кубань летом отправится и его дочь Аня, которая тоже учится в Тимирязевской академии на третьем курсе.

Весна не ждет. И сотни молодых специалистов сельского хозяйства, только что окончивших вместе с К. Бориным академию, спешат на места. 15 апреля они уже должны приступить к своей новой работе.

Армия мичуринцев получила замечательное пополнение. 640 агрономов, зоотехников, селекционеров, экономистов разъезжаются во все концы нашей страны.

К себе на родину, в далекую Якутию, возвращается Н. Швецова.

— В нашем суровом крае, — говорит она, — в открытом грунте овощи вызревают очень поздно, а некоторые и вовсе не успевают созреть. Я использую знания, полученные в академии, чтобы помочь своей родной Якутии выращивать богатые урожаи овощей.

В Сыктывкар — столицу Коми АССР — послан Николай Дудоров преподавать в сельскохозяйственном техникуме.

Студентки животноводческого факультета А. Серкина и Н. Шабанова едут в Хабаровск. Их попутчица на Дальний Восток — Любовь Акимова.

В тайге, где субтропические растения перемешались с полярными, тянется к солнечному свету дикорастущий виноград. Любовь Акимова побывала здесь в прошлом году на производственной практике. Итогом ее поездки явилась интересная дипломная работа «Биологические особенности амурского винограда».

Сейчас Л. Акимова направляется на Дальневосточную опытную станцию Всесоюзного института растениеводства, где продолжит свои научные опыты. Она будет отбирать наиболее ценные формы дикого винограда, культивировать их, выращивать новые сорта в условиях Приморья...

Уверенно и смело входят в жизнь воспитанники Тимирязевской академии.

И. КОЛОСОВА

ПЕРВЫЕ ТРОЛЛЕЙБУСЫ В БУДАПЕШТЕ

В Будапеште открыта первая троллейбусная линия, по которой пошли машины, присланные из Советского Союза.

А. Б. Гольденвейзер.

СЛАВНЫЙ ЮБИЛЕЙ

В Большом зале Московской консерватории общественность столицы отмечала 75-летие выдающегося музыкального деятеля, лауреата Сталинской премии, народного артиста СССР Александра Борисовича Гольденвейзера.

Присутствовавшие горячо приветствовали юбиляра, исполнившего концерт Аренского для фортепиано с оркестром и сюиту Рахманинова, посвященную Гольденвейзеру.

Трудно переоценить значение деятельности Гольденвейзера, выдающегося пианиста, педагога, композитора, общественного деятеля, хорошо известного в нашей стране и за ее пределами.

Свыше 55 лет отдает Александр Борисович свои творческие силы искусству Родины. Он вырастил блестящих пианистов, многочисленные кадры музыкантов.

В Московской консерватории и во многих городах нашей страны ведут педагогическую и исполнительскую деятельность ученики Гольденвейзера, воспитанные им на лучших образцах классической и советской музыки в духе высокой требовательности к своему искусству.

Александр Борисович—выдающийся исполнитель произведений Чайковского, Аренского, Бородина, Скрябина, Рахманинова, Бетховена, Моцарта, Шумана, Шопена. Огромную ценность имеет его редакторская работа над изданиями русской и западной классики.

В своей композиторской деятельности Александр Борисович широко использует русские народные песни, образы русской литературы. Им написаны оперы на текст «Пир во время чумы» Пушкина, на сюжеты Тургенева «Певцы», «Вешние воды». Ему принадлежат кантата «Свет Октября», много фортепианных и вокальных произведений, отмеченных мелодической выразительностью.

Октябрьская революция дала возможность А. Б. Гольденвейзеру широко развернуть музыкальную деятельность. Его требования к музыкальному исполнительству—простота, правдивость, идейная направленность, высокое профессиональное мастерство — делают его одним из создателей школы советского пианизма.

А. Б. Гольденвейзер вызывает чувство глубокого уважения своей неиссякаемой творческой энергией.

К ВЕСЕННЕ-ЛЕТНЕМУ СЕЗОНУ

Снижение цен вызвало значительное увеличение спроса на промышленные товары. Покупатель предъявляет всё большие требования к тому, что ему предлагают в магазине. Он справедливо придирчив и к качеству и к ассортименту.

— Что у вас есть на летнее платье?

— Какие новые фасоны летней обуви получили?

— Покажите трикотажные кофточки.

— А нет ли другой расцветки?

...Корреспонденты «Огонька» обратились к работникам ряда предприятий с просьбой рассказать, чем они порадуют потребителей к весенне-летнему сезону.

* * *

Главный инженер и заместитель директора одной из крупнейших в стране Тбилисской обувной фабрики имени Л. П. Берия Г. Д. Кикнадзе говорит:

— В этом году наша фабрика осваивает 64 новых модели обуви, из них почти три четверти — к весенне-летнему сезону. Наши модельеры учли выросшие вкусы советских людей. Речь идет об удобстве в носке, прочности, изящности.

К весне и лету фабрика выпускает белую кожаную обувь нового фасона, мужские туфли с фигурными накладными кожаными деталями и ажурной строчкой, красивые женские туфли из прюнеля с отделкой из лака и велюра, «босоножки» всех цветов из рипса с кожеподобной тесьмой.

Для детей изготовляются легкие летние туфельки красивых расцветок.

Много тысяч пар обуви сходит ежедневно с конвейеров нашей фабрики. Довоенный уровень уже давно позади. В цехах идет настойчивая борьба за отличное качество.

* * *

Яркие шифоновые тюльпаны, светлая весенняя зелень листьев, нежные розовые пионы на белом шелковом поле, орхидеи, ландыши, пестрые бабочки... Десятки тысяч метров шелковых тканей самого разнообразного качества, всевозможных рисунков, сочетаний, цветов и оттенков выпускает ежедневно Московский шелкоткацкий комбинат «Красная Роза».

— К весенне-летнему сезону мы начали готовиться еще в четвертом квартале прошлого года, — рассказывает директор комбината Александра Степановна Богаева.

На отчетной выставке творческих работ художников было представлено много интересных зарисовок с натуры: пейзажи, цветы, народный орнамент. Художественный совет Министерства легкой промышленности утвердил двенадцать лучших рисунков светлых летних тонов для платьев из натурального шелка и двенадцать рисунков для платков, косынок и кашне. Сейчас комбинат приступил к массовому производству этих новых тканей.

Лучшими на выставке признаны рисунки С. А. Заславской, И. К. Кулаковой, В. К. Склеровой и А. Л. Забелиной.

Новые шелка отличаются особо сочными тонами. Этого добились колористы комбината под руководством М. И. Луговской.

Наши диссонаторы разработали новые искусственные шелковые ткани. Креп «Весна» и креп «Волна» — так называются материалы, создательницей которых является Т. А. Корначева. Эти шелка отличаются гофристостью, которая придает им красивые оттенки. Производятся также новые ткани — мос-креп, сатин «Мох» и костюмный армюр.

По просьбе покупательниц мы выпустили особого вида шелка — с каймой того же тона, которая может служить отделкой для платья.

Перед коллективом комбината была поставлена задача—разработать к лету ткань для женских и мужских легких плащей. С этой задачей мы справились. Более пятидесяти тысяч метров плащевой ткани уже отправлено швейным фабрикам ряда городов.

В марте мы значительно увеличили производство легкого шелка: крепжоржета, шифона, цветного пике, спорт-клетки, а также штапельной саржи и полотна.

Выпуск шелковых тканей увеличивается с каждым месяцем. В феврале мы дали сверх плана 53 тысячи метров, а в марте — свыше 100 тысяч метров.

* * *

В Ленинграде наш корреспондент беседовал с главным инженером ателье мод Главтрикотажа Г. А. Гайнулиным. Он руководит этим огромным предприятием, в котором работают сотни портних, вышивальщиц, модисток, дающих продукцию на миллионы рублей. Ателье это известно далеко за пределами Ленинграда. Его знают не столько по названию, сколько по адресу: Невский, 12. На «Невском, 12» можно приобрести изящное платье, кофточку, халат, белье, костюм — и все из трикотажа.

Весенне-летний сезон ателье встречает многими новинками: подготовлено около 150 моделей летних пальто, платьев, блузок, пижам, мужских сорочек, купальных костюмов. Здесь широко используют новые ткани — нерастягивающийся трикотаж, пестрое вязаное полотно.

В ближайшие месяцы ленинградское ателье выпустит в продажу около тысячи различных трикотажных изделий.

— Наши модельеры, — сказал в заключение беседы Г. А. Гайнулин, — уже сейчас начинают разрабатывать новые фасоны жакетов, платьев и на зиму...

В Ленинградском ателье мод.
Фото Д. Валентинова

* * *

Текстильные предприятия Эстонии дадут стране много десятков тысяч новых сортов тканей для весенних и летних костюмов и пальто.

Во втором квартале фабрика имени 1 декабря в Синди выпустит десятки тысяч метров высококачественной шерстяной ткани для мужских пальто и шелков различных расцветок; фабрика «Кейла» — 10 тысяч метров цветной шерсти для дамских пальто. С фабрик «Марат» и имени Вильгельмины Клементи в торговую сеть поступит большое количество шелковых халатов, пижам, белья, купальных и спортивных костюмов.

Бюджет семьи Золотовых

Василий Дмитриевич Золотов надевает очки, достает из ящика стола свои записи и многозначительно говорит:

— Подведем итоги.

В аккуратных столбиках цифр отражен бюджет семьи Золотовых — рядовой рабочей семьи. Их четверо: сам хозяин, слесарь-сборщик московского завода «Динамо» имени С. М. Кирова, его жена Татьяна Ивановна, работница швейной артели Мосгоробъединения, и два сына: Виктор, недавно окончивший техникум, и Коля, ученик 5-го класса. Заработок Василия Дмитриевича и Татьяны Ивановны составляет около 2 тысяч рублей.

Семья Золотовых — Василий Дмитриевич, его жена Татьяна Ивановна и их сыновья Николай и Виктор.
Фото В. Евграфова

Василий Дмитриевич знакомит нас со своими записями, в которых рачительный хозяин учитывает расходы семьи.

Татьяна Ивановна, словно комментируя эти цифры, говорит:

— Цены в магазине снизились, да и торговля улучшилась. У нас на Андроновке в магазине, рядом с домом, есть все, что угодно. Если и пройдешь иной раз два квартала, то разве только на рынок.

Тетеринский колхозный рынок расположен в десяти минутах ходьбы от дома Золотовых. Татьяна Ивановна с удовлетворением отмечает, что снижение цен в государственной торговле заметно сказалось и на рынке.

Василий Дмитриевич подводит итоги первого месяца после снижения цен. Татьяна Ивановна, заглянув в записи мужа, говорит:

— Деньги те же тратим, а стол богаче стал.

— Согласен, хозяйка, — подтверждает Василий Дмитриевич. — Сколько раз ты в этом месяце блины пекла? Блин-то сухой в рот не идет! Сметану, семгу, икру покупали? Покупали. А в феврале не могли позволить себе этого...

Не раз за минувший месяц Василий Дмитриевич и Татьяна Ивановна принимали гостей. Заходила с мужем старшая дочь, Антонина. К сыну Виктору, получившему диплом с отличием, собирались товарищи отпраздновать окончание техникума. К месту работы, куда направляют Виктора, он поедет в новом костюме. Это мартовская обновка.

Покупки промышленных товаров занимают все большее место в бюджете Золотовых. Кроме платья и обуви за последний год они приобрели большое зеркало для шкафа, никелированную кровать, патефон с набором пластинок.

Всего со времени денежной реформы семья приобрела различных вещей на 20 тысяч рублей. Новое снижение цен дает Золотовым повышение заработной платы на 300—400 рублей в месяц. Василий Дмитриевич и Татьяна Ивановна намерены истратить деньги, которые будут сэкономлены в ближайшие месяцы, на капитальный ремонт и дальнейшее благоустройство квартиры.

Т. САВИН

Заседание Ученого совета в колхозе

Когда правление колхоза имени 8 марта обсуждало предстоящие весенние дела, то решило: с шефами надо посоветоваться, как лучше полевые работы провести.

Шефы — это научные работники Днепропетровского сельскохозяйственного института. Они охотно приняли приглашение колхозников. Волнующие их вопросы решено было вынести на заседание Ученого совета и провести его непосредственно в сельхозартели имени 8 марта.

В воскресенье просторный сельский клуб заполнили сотни людей. Много крестьян пришло из окрестных сел. За столом президиума колхозники увидели старых знакомых — заведующего кафедрой растениеводства профессора Дмитрия Георгиевича Кальянова, доктора сельскохозяйственных наук Петра Казимировича Мицкевича, доцента Кирилла Борисовича Свечина и многих других работников института.

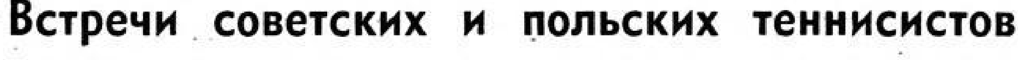
Обсуждая доклад председателя артели Федора Григорьевича Радченко об итогах прошедшего года, колхозники говорили о хороших результатах дружбы колхоза с институтом.

— Наши успехи, — сказал председатель, — это плоды тесного содружества с учеными. Будем и дальше крепить его...

С большим вниманием прослушали колхозники доклад профессора Кальянова о значении травопольной системы земледелия, о применении ее в местных условиях в борьбе за высокий урожай. О путях дальнейшего развития животноводства рассказал доцент Свечин. Колхозники задали гостям много вопросов. На них подробно отвечал профессор Мицкевич.

Л. ГАЛИНСКИЙ

Днепропетровская область.

На волжских берегах

Пешком через реку теперь не перейдешь. Кромка мутной воды отпаяла лед от берега. У мостков, ведущих на ту сторону, к Бору, стоит милиционер, готовый преградить дорогу нерассудительному человеку.

Милиционер еще в теплой шапке, хотя весна уже заканчивает перекраску окрестностей. Белые краски зимы темнеют быстро. Почти черными кажутся полыньи. По пути, который пробил ледокольный баркас «Механик», тяжело идет большой паром. На его борту лошади, запряженные в телеги: весна!

Скоро по Волге пойдут длинные узкие баржи, каких прежде не бывало. Они зовутся уже не баржами, а сухогрузными теплоходами. Да и как иначе назовешь судно, у которого от баржи осталась только щедрая вместимость, а все остальное — сложные механизмы, электрифицированное управление, — как на самом совершенном теплоходе? Нынешней зимой немало сил и средств было потрачено на электрификацию обстановки пути.

В бакенах, на перевальных вехах и в створах будут гореть электролампы, а не керосиновые лампочки, которые полагалось зажигать старому бакенщику.

Хоть и говорили про Волгу: «...ты и широкая, ты и глубокая...», — а прежде была она такой не везде. На многих песчаных косах суда, как выражаются водники, «раков давили». Нынче дорога открытая и свободная: сделали Волгу и шире и глубже.

На пристанях, где ухали прежде «Дубинушку» и скрипели таскальные доски грузчиков, 94 процента всех грузов перерабатываются механизмами. В этом году они будут использованы в горьковском порту еще шире. Это и дало возможность составить стахановские планы скоростной обработки судов.

Издавна у речников было принято: летом плавали, зимой ремонтировались. Волжский механик Бурлаков доказал, что лучше действовать иначе: работать летом столь хорошо, чтобы зимой не требовалось серьезного ремонта. Его примеру последовали и механизаторы горьковского порта. Крановщик Иван Дмитриевич Сычев, механик Иван Васильевич Сухарев и десятки других стахановцев, применивших скоростные методы обработки судов, так ухаживали за механизмами, что зимой не понадобилось их ремонтировать.

...В затоне имени Молотова запах свежей краски заглушает запахи весны. Еще лучше и пригожей стали волжские красавцы — белоснежные суда «Володарский», «Спартак», «Парижская коммуна».

По реке уже идут пароходики пригородного сообщения. На берегу устанавливается большой речной вокзал с гостиницей, огромными залами, детской комнатой. Уже близок день, когда от Горького отвалит скорый пароход на Астрахань и над зданием пароходства взовьется флаг, возвещающий открытие навигации.

Е. АРКАДЬЕВ

Встречи советских и польских теннисистов

На протяжении трех недель в Советском Союзе гостит польская спортивная делегация, в составе которой сильнейшие теннисисты республики.

Среди польских спортсменов выделяется мастер теннисной ракетки Владислав Сконецкий, по праву считающийся одним из лучших игроков Европы.

Четырехкратный чемпион Польши 29-летний В. Сконецкий в летнем сезоне 1949 года одержал победу над игроком мирового класса венгром И. Ажботом, выиграл у А. Штолпа и Д. Биркаш (Венгрия), румынского чемпиона Визеру, шведов Рольссона и Элиассона и др.

Сильным теннисистом считается также 28-летний Иосиф Пëнтек — вторая ракетка Польши. Остальные польские спортсмены — Я. Хитровский и Г. Сконецкий — имеют небольшой опыт международных встреч. Кроме взрослых, в составе делегации гостей — наиболее способные молодые игроки страны.

Лучшие теннисисты Советского Союза и Польской республики проводят совместные тренировки. В играх на площадках, в дружеских беседах спортсмены обеих стран делятся накопленным опытом, совершенствуют свое спортивное мастерство.

В прошлое воскресенье на закрытых кортах московского стадиона «Динамо» были проведены первые товарищеские встречи между участниками совместного учебно-тренировочного сбора.

Большой спортивный интерес представлял поединок между Н. Озеровым и В. Сконецким. Москвич блеснул эффектными «пушечными» подачами, мощными ударами справа, стремительными выходами к сетке, с помощью которых неустанно вел атаки. Исключительно подвижный чемпион Польши продемонстрировал высокотехническую разнообразную игру. Он не только расчетливо и хладнокровно оборонялся, но сам удачно нападал.

Первую партию взял Сконецкий — 6 : 3, вторую — Озеров — 7 : 5, выигравший все игры со своих подач. В решающей партии Озеров вел 5 : 1, а затем при счете 5 : 2 имел 2 матч-бола. Однако Сконецкий сумел сравнять счет 5 : 5. В этот напряженный момент Озеров смело и сильно разыграл несколько важных мячей и добился заслуженной победы — 7 : 5.

Чемпион СССР Э. Негребецкий, отличающийся, так же как и Озеров, нападающей манерой игры, победил весьма энергично сопротивлявшегося И. Пëнтека, хотя в последней партии Пëнтек вел 5 : 3.

Пара Н. Озеров — С. Андреев одержала верх над В. Сконецким — И. Пëнтеком. Остальные 8 встреч также закончились в пользу советских теннисистов.

Сейчас польские спортсмены в Ленинграде проводят тренировки с лучшими теннисистами города.

В. КОЛЛЕГОРСКИЙ

В. Сконецкий в игре против Н. Озерова.

И. Пëнтек берет верхний мяч в матче с Э. Негребецким.

Фото О. Кнорринга.

Кадр из фильма «Рассвет». В забое. Справа — инженер Ларзак.

Фильм о французских шахтерах

На происходившем в прошлом году Международном кинофестивале был отмечен премией французский фильм «Рассвет», выпущенный недавно на экраны нашей страны. Перед зрителем проходит жизнь шахтеров Франции — бесхитростная и правдивая история людей, судьбы которых тесно переплетены в общей работе и борьбе.

В фильме нет главного героя. Нас одинаково трогают и судьба маленького Роже Бреара, мечтавшего об учебе, но вынужденного в тринадцать лет идти работать в шахту; и сложные перипетии отношений двух пар влюбленных — Марека с Луизой, уезжающих в свободную Польшу, и Жоржа с. Мари, остающихся во Франции строить свое счастье; и действия молодого инженера Ларзака, нащупывающего новый путь в жизни.

Многочисленными деталями шахтерского быта, подлинной обстановкой шахты, полным отсутствием кинематографической прилизанности отличается этот фильм. Прогрессивные кинопаботники, создавшие фильм, как бы противопоставляют его всему выдуманному и фальшивому, что безраздельно господствует сейчас в маршаллизованной французской кинематографии.

Фильм начинается приездом Ларзака на шахту. Он мечтал когда-то быть моряком, но обстоятельства сложились иначе. Ларзак — честный, открытый и прямодушный человек. Его удивляют натянутые, холодные отношения между инженерами и шахтерами. Ларзак старается понять причины странного поведения администрации, которая не оснащает шахту новой техникой и тем самым препятствует улучшению условий труда. Авторы фильма не смогли из цензурных соображений прямо сказать о том, что виновата в этом американская «помощь» по плану Маршалла. Режиссер фильма Луи Дакен, выступая перед просмотром картины на фестивале в Марианских Лазнях, заявил, что французские власти помешали ему сделать фильм таким, каким он хотел: по замыслу Луи Дакена фильм должен был рассказать о борьбе французских горняков за свои права.

Молодой инженер Ларзак искренне стремится подружиться с шахтерами, работать с ними вместе. Но все его попытки установить контакт с рабочими наталкиваются на противодействие директора Дюбара. Весьма недвусмысленно Дюбар предлагает ему уехать с шахты, перейти на другую работу. Но Ларзак остается с шахтерами. Молодой инженер понимает, что будущее Франции принадлежит этим шахтерам, славному французскому пролетариату.

Образ Ларзака символичен. Он рассказывает о десятках тысяч замечательных французских интеллигентов, пришедших к рабочему классу, к коммунистической партии и сотрудничающих вместе с ними, так же, как прогрессивный кинорежиссер Луи Дакен и его товарищи. Созданный ими вдохновенный фильм пронизан горячей симпатией к борющимся рабочим.

На экране перед нами проходят далекие французские друзья. Мы видим, какой путь в жизни избрал себе инженер Ларзак. И мы знаем, что это единственно верный путь.

В. ВОЛОДИН

Производство Синэ-Франс. Режиссер-постановщик — Луи Дакен. Автор сценария — В. Познер. Оператор — Андрэ Бак.

И. КУПЕРМАН — ЧЕМПИОН СССР ПО ШАШКАМ

В Киеве проведен XII шашечный чемпионат СССР, собравший сильнейших шашистов страны. Борьба за первое место была весьма напряженной. До последних туров на первое место претендовала почти половина участников соревнования. Отлично проявила себя в партиях с опытными мастерами молодежь.

Звание чемпиона СССР в четвертый раз завоевал московский мастер горный инженер И. Куперман. На втором месте студент Киевского университета В. Каплан, самый молодой из участников чемпионата.

Прошлогодний чемпион киевлянин М. Коган занял третье место.

ИТАЛИЯ СЕГОДНЯ

Ральф ПАРКЕР

1. Модена

Римская улица Корсо бежит прямо, как стрела, к подножию Капитолийского холма от площади Пьяцца дель Пополо — той самой площади, где под тенью благородных кипарисов парка Пинчио собирались в древности толпы римлян, чтобы послушать ораторов, говоривших о событиях тех времен...

...И вот январский вечер 1950 года... Вдоль всего Корсо лавочники поспешно опускают шторы над витринами. Огромные колонны демонстрантов движутся по улице. Над колоннами колышутся красные флаги, плакаты, лозунги. Люди поют, и время от времени воздух сотрясается гневным единодушным криком: «Убийцы!», «Убийцы!».

Накануне по всему Риму прогремела, как взрыв бомбы, весть: шестеро рабочих Модены были застрелены полицейскими из отрядов «челере». Эти шесть человек были убиты в тот момент, когда, стоя у закрытых ворот завода Орси, они заявили самую скромную из просьб — просьбу о работе.

Случилось это в хмурое итальянское утро девятого января. Ренцо Берсани, юноша двадцати одного года, бывший партизан, сказал товарищам, с которыми он направлялся к заводу:

— Мы с вами дрались за то, чтобы спасти заводы Модены, когда их хотели смести с лица земли немецкие фашисты. Где же правосудие в Италии, если сегодня хозяевам ничего не стоит выбросить нас на улицу?

Ренцо Берсани получил ответ на свой вопрос. Ответом была очередь из автомата. Пули попали ему в живот.

...Здесь, в Риме, мы стояли в молчании, отдавая последние почести Берсани и его товарищам. Вечный город, охваченный всеобщей стачкой, был неестественно тих. Тишина стояла такая, что слышно было, как журчат фонтаны.

Молчание длилось долго. Потом молодежь запела «Красное знамя», и толпа двинулась в путь, заполняя во всю ширину улицу Корсо. Толпа дышала сдержанным гневом. Ораторы приложили все усилия к тому, чтобы сдержать стихийные вспышки, которые начались в народе после моденских событий. Но жгучая боль рвалась из глубины сердец.

Большинство демонстрантов шло в замасленных заводских спецовках. Вот еще одна колонна рабочих приближается с песней со стороны собора святого Петра. Я вижу, как шофер шикарной американской машины, бросив своего босса и наскоро накинув плащ на ливрею, бежит, чтобы присоединиться к шествию.

Требовались мужество и выдержка, чтобы двигаться через центр Рима, превращенный в военный лагерь. Правительство приняло меры: на всех боковых улицах, примыкающих к Корсо, стояли полицейские «джипы». Машины были доотказа набиты жандармами в стальных шлемах, вооруженными автоматами, ручными гранатами, слезоточивыми бомбами...

Рабочий класс Италии сделал свои выводы из событий в Модене. В хладнокровном, преднамеренно совершенном убийстве рабочих народ увидел звено провокационного плана реакции: «прощупать» прочность итальянского рабочего движения, нанеся ему удар в его твердыне — «Красной Эмилии». Именно с этой целью в Модену был назначен на пост начальника полиции человек, известный ранее как крупный агент фашистской охранки.

Проявить слабость, не дать ответа на вызов реакции — значило бы потерпеть поражение в этом испытании единства итальянского рабочего класса, серьезнейшем со времени славных дней партизанской борьбы против немецко-фашистских захватчиков.

Настроение народных масс выразил Джузеппе ди Витторио, руководитель итальянских профсоюзов. Он сказал после убийства в Модене:

— До сего времени мы оплакивали наших мертвецов. Отныне будет другое. Правительство должно знать, что если произойдут новые убийства, армия рабочих поведет борьбу до конца, борьбу, не ограничиваемую ничем...

Эта мысль звучала и в речах всех прогрессивных депутатов. Воодушевляемые ими, колонны демонстрантов двигались вниз по Корсо, мимо ватиканского «Банка святого духа», мимо министерства иностранных дел — к дверям итальянского парламента.

Но здесь были пущены в ход «челере». Эта полиция, сформированная американскими инструкторами накануне выборов, которые привели к власти партию де Гаспери, часто изображалась как некий «громоотвод социальной ненависти». В этих описаниях есть зерно истины. Я видел, как молодой рабочий, который шел в толпе, сохраняя внешнее спокойствие, был сразу охвачен бешеной яростью, когда полицейские на «джипах» въехали на тротуары и зверски врезались в толпу, избивая людей тяжелыми, окованными железом прикладами.

Массы людей пробивались через боковые улицы, упорно просачивались в центр города. Народ, который до этого момента хотел только выразить свою солидарность с жертвами Модены, сейчас был вынужден к действиям. Центр Рима погрузился в хаос. Все движение остановилось. Полицейские «джипы», завывая сиренами, сновали взад и вперед в бесплодных попытках рассеять демонстрацию.

...В Модене Пальмиро Тольятти, вождь итальянской коммунистической партии, говорил утром того же дня перед шестью телами, покрытыми итальянским национальным флагом:

— Я не смею, я не могу сказать вам: покойтесь в мире... Слишком короткой, слишком бурной была ваша жизнь, оборванная столь трагически. Слишком важен призыв, который подымается из ваших могил. Мы должны вывести Италию из этой трагедии. Мы хотим, чтобы Италия стала цивилизованной страной, где жизнь рабочих будет считаться священной и где столь же священным будет право рабочего на работу, свободу и мир...

В день похорон вся деловая жизнь Италии была парализована. Это был не тот обычный, все нарастающий паралич, который ежедневно разъедает тело Италии в результате «американской помощи». Это сделала всеобщая стачка, которой рабочие выражали свое возмущение.

Вместо растерянного отступления рабочих, на которое рассчитывали организаторы кровавой бани в Модене, Италия увидела после этой полицейской расправы величественную демонстрацию единства рабочего класса. Шестеро были убиты в Модене, триста тысяч участвовало в их похоронах. По всей Италии четверть миллиона рабочих — металлистов и машиностроителей — бросили работу. Четыреста тысяч бастовало в Милане. Железнодорожное движение между севером и югом Италии остановилось.

Еще раз рабочий класс Италии показал в эти критические дни, что хозяин Италии он.

2. «Святой год», приносящий доллары

Деревня Гваданьоло находится в тридцати милях от Рима. С ее виноградников, подымающихся террасами, можно видеть собор святого Петра. Видны и тусклые фасады новых отелей, сооружаемых Ватиканом для паломников-миллионеров, которых он ждет из-за океана в Вечный город в этом году. Здания эти строятся вдоль шоссе, получившего название «Дороги уступок» после Латеранского соглашения между Муссолини и папой Пием XI. Кроме этих домов, в Риме, по сути дела, не видно признаков нового строительства.

Хотя от Гваданьоло до Рима рукой подать, деревня все же отстоит на добрых четыре мили от ближайшей шоссейной дороги. Чтобы добраться до Гваданьоло, вам надо подняться по такой крутой и загроможденной камнями дороге, что ее с трудом одолевают даже здешние трудолюбивые ослики. По этой извилистой тропе женщины Гваданьоло спускаются стирать белье: в деревне нет воды. Карабкаясь назад, они проделывают подъем в 800 метров.

В Гваданьоло нет и света. В зимние месяцы, когда далеко внизу, на равнине, Рим сверкает электрическими огнями, жители деревни ходят по улицам с горящими факелами из хвороста.

Половина населения не умеет читать и писать. Однажды тут попробовали бороться с безграмотностью. Решили устроить вечернюю школу для юношей и девушек. Но затею пришлось оставить: заниматься при свете коптилок оказалось делом непосильным.

Детей школьного возраста в этой ближней к Риму деревушке около сотни. Формально их обслуживает пятиклассная школа с тремя учителями. Но кончают школу лишь немногие из детей. В этом году, например, в первом классе учится 20 ребят, а в пятом — только шестеро. Уже в пятилетнем или даже четырехлетнем возрасте детей приспосабливают собирать валежник, а в десять лет они уже пасут коз и овец. Часто учителям приходится за свой счет покупать питомцам учебники. При случае родители возмещают им этот расход натурой — мукой, дровами, вином.

Гваданьольская пятиклассная школа состоит из двух комнат. Уборка делается раз в две или три недели; в остальное время школа захламлена разным мусором. С начала этого года здесь, как и во всех государственных школах Италии, введено обязательное обучение «закону божьему».

Приезжих приглашают иногда побывать на уроке. Ребята-третьеклассники выпаливают наизусть длинные трудные тексты о мумиях, египетских пирамидах, о Тезее и Минотавре из греческой мифологии и, конечно, о Ромуле и Реме, знаменитых основателях Вечного города. Один из посетителей школы писал впоследствии: «У детей были совершенно безжизненные, стеклянные глаза, когда они бормотали эти механически вызубренные фразы».

В Гваданьоло есть один радиорепродуктор. В то утро, когда я был в деревне, передавалась по радио церковная служба из собора святого Петра.

Я отправился в деревенский кабачок, где торговля идет плохо — за день расходится всего несколько литров вина. Владелец кабачка — единственный человек в Гваданьоло, получающий газету.

Я разговорился с крестьянами.

— Собираетесь вы совершить паломничество в Рим, ведь объявлен «святой год»? — спросил я.

— А что нам господь даст за это? — ответил мне один из гваданьольцев.— Прибавит он нам воды в деревне? Или, может быть, построит электростанцию?..

Да, на свете есть люди, которым по карману свершить чуть ли не кругосветное путешествие, чтобы потом прослыть «пилигримами святого года». Что же касается жителей Гваданьоло, то, даже проделав трудный путь до шоссе, они все равно не смогли бы позволить себе такой расход, как билет в автобусе до Рима. У них нехватает денег на соль и спички.

Вся торговля в деревне носит характер натурального обмена. Основу питания составляет хлеб.

Четверть урожая крестьяне Гваданьоло отдают натурой помещику, члену княжеской фамилии, часто упоминаемой на страницах газеты Ватикана «Оссерваторе Романо».

По случаю «святого года» Ватикан решил выпустить назидательную кинокартину из деревенской жизни. В фильме изображается деревня, столь же отсталая и заброшенная, как Гваданьоло. Может быть, авторы фильма протестуют против печальной действительности? Ничего подобного. В картине рассказывается история молодой деревенской девушки, впавшей в такую ужасную нищету, что ей остается искать спасения... разумеется, в объятиях католической церкви. В фильме есть сцена, где девушка принимает первое причастие. Кинообъектив следует за взглядом героини, который останавливается то на лице любящего ее молодого человека — единственного персонажа, протестующего против нищеты,— то на фи-

гуре Христа, распятого на кресте. Нечего говорить, что героиня фильма поступает так, как нужно его авторам: она избирает путь смирения. Молодого же человека в последнем эпизоде картины арестовывает и уводит полиция. Таков недвусмысленный ответ Ватикана безземельным итальянским крестьянам, взывающим о хлебе и работе.

Не приходится удивляться тому, что крестьяне из Гваданьоло остаются совершенно равнодушны к «святому году». Зато в Гваданьоло, как и в других деревнях Италии, нарастает широкое прогрессивное движение среди крестьян. Положение крестьянства в Римской провинции во многих отношениях, пожалуй, благоприятнее, чем в южных провинциях с их феодальными порядками. Но и здесь 94 тысячи крестьян теснятся на 17 тысячах гектаров земли, в то время как во владении 89 крупных помещиков находится 185 тысяч гектаров!

Вот почему вести о захвате земель крестьянами Юга вызвали в Гваданьоло гораздо большее оживление, чем торжественное объявление Ватикана, что 1950 год будет «святым годом»...

3. Искусство и жизнь

В студии талантливого сицилианского художника Ренато Гуттузо висит на стене большое полотно. Эта поразительной силы картина написана под впечатлением движения крестьян итальянского Юга за справедливый передел земли. Мы видим на картине группу крестьян, приехавших на запряженных осликами телегах вместе с женами и детьми, с незамысловатым инвентарем, с красными знаменами и трехцветными национальными флагами, чтобы заявить свое право на кусок пустоши, лежащей у подножия мрачно-живописных холмов. Крестьяне стоят, плотно сомкнувшись. «Это похоже на крепко сжатый кулак»,— сказал один рабочий, пришедший посмотреть картину.

Гуттузо прекрасно передал дух солидарности, который объединяет сегодня безземельных крестьян Италии. Картина выражает и другую мысль: люди ступили на этот клочок земли в расчете удержать ее во что бы то ни стало. Чувствуешь, что эти крепкие ноги, обутые в рваные опорки, словно пустили корни в землю и нет силы, которая заставила бы их сдвинуться с места.

На заднем плане другая группа крестьян. Она полна движения и вносит ощущение радостного возбуждения в неподвижный, мертвый, как пустыня, ландшафт. Вглядитесь в лица этих людей, так бесконечно долго живших в нищете! Этот народ в течение веков тяжело трудился на земле, но жизнь, которую он вел, была сплошное молчаливое страдание. Теперь этому молчанию наступил конец. Длинные пастушьи трубы, на которых играют калабрийские пастухи, созывая своих сторожевых собак, теперь получили иное назначение: трубы скликают сегодня безземельных из их пещер и лачуг, зовут их собираться вместе, зовут выйти из нищих углов — сюда, ближе к широким холмам, тянущимся непрерывной цепью через всю Южную Италию.

На столе у Гуттузо я видел карандашные наброски для другой картины. Крестьянин с исхудалым лицом лежит мертвый. Черноволосая женщина простерлась над его телом. Сюжет картины тоже взят из жизни: в прошлом году полицейские застрелили крестьянина в Торремаджоре. Это как бы оборотная сторона того, что изображено на большом полотне художника о захвате земли крестьянами.

Торремаджоре — одно из четырех местечек, названия которых этой зимой кричали на плакатах со всех стен Италии: за три месяца 14 итальянцев были убиты полицией в этих районах. И еще пятое имя неизменно произносилось рядом с этими четырьмя — имя Шельбы, министра внутренних дел католического правительства де Гаспери. Под этим именем всегда рисуют символ смерти — череп и скрещенные кости.

«Вот они — наши святые места» — так называется новый плакат, который показал мне Гуттузо. На плакате изображены итальянские рабочие, указывающие иностранным туристам, приехавшим праздновать «святой год», на кресты, поставленные на могилах четырнадцати расстрелянных...

Корень аграрного вопроса в Италии — землевладение. Движение за захват земель — это первый шаг к возрождению итальянского Юга. Италия как целое не может развиваться, пока катастрофически истощаются физические силы рабочих, зажатых в тисках гнилой социальной системы, а миллионы крестьян Юга не могут трудиться на земле, которая годами лежит необработанной. Пока не будет оздоровлена экономика Южной Италии, не может быть и речи о преодолении безграмотности, суеверий, болезней, не может быть речи и об индустриализации страны.

В октябре прошлого года на Юге, деревня за деревней, подымались крестьяне с пением революционных песен и церковных гимнов, под красными флагами и национальными знаменами, иногда вместе с сельскими священниками, но чаще во главе со своими революционными руководителями. Приблизившись к границам непаханной залежи, к землям, которые отсутствующие помещики берегут для охоты, крестьяне выстраивались вдоль пыльных дорог и по сигналу пастушьей трубы с пляской и песнями, возбужденные и радостные, бросались ставить вехи на земле, которая была у них отнята.

Большая часть этих земель была незаконно отобрана у крестьян путем так называемого «огораживания» еще 150 лет тому назад, когда династия Бурбонов вновь утвердилась в Южной Италии. Это была цена, заплаченная промышленниками Севера феодалам Юга за политическую поддержку. Эту сделку правительство де Гаспери продолжает «уважать» и по сей день.

Феодальный характер большой части итальянского крупного землевладения еще больше подчеркивается унизительными «традициями», которым обязан подчиняться крестьянин и мелкий арендатор. Например, в 1950 году, который именуется «святым годом», арендатор Паскуале Тури из района Лечче уже предупрежден своим помещиком о предстоящих поборах. К празднику Вознесения Тури должен отнести помещику 20 головок сыра, на пасху — пару ягнят, а в день святого Оренцо — четырех каплунов и две сотни яиц. За все это помещик уплатит Паскуале Тури 500 лир, что составляет сейчас примерно около одного доллара. Сверх всего Паскуале отдаст помещику половину урожая в уплату за аренду земли.

В декабре тысячи крестьянских делегатов съехались на четыре «Ассамблеи по возрождению Юга». Конгрессы эти прошли под руководством коммунистической и социалистической партий. Они послужили большим толчком к объединению людей разных социальных положений вокруг одной идеи: покончить с экономической и социальной отсталостью, от которой задыхается сейчас Южная Италия. Простые крестьяне, безземельные батраки, агрономы, учителя обсуждали на конгрессах вопросы труда, земли, школ, цен, дорог, воды, электроэнергии, севооборота, здравоохранения.

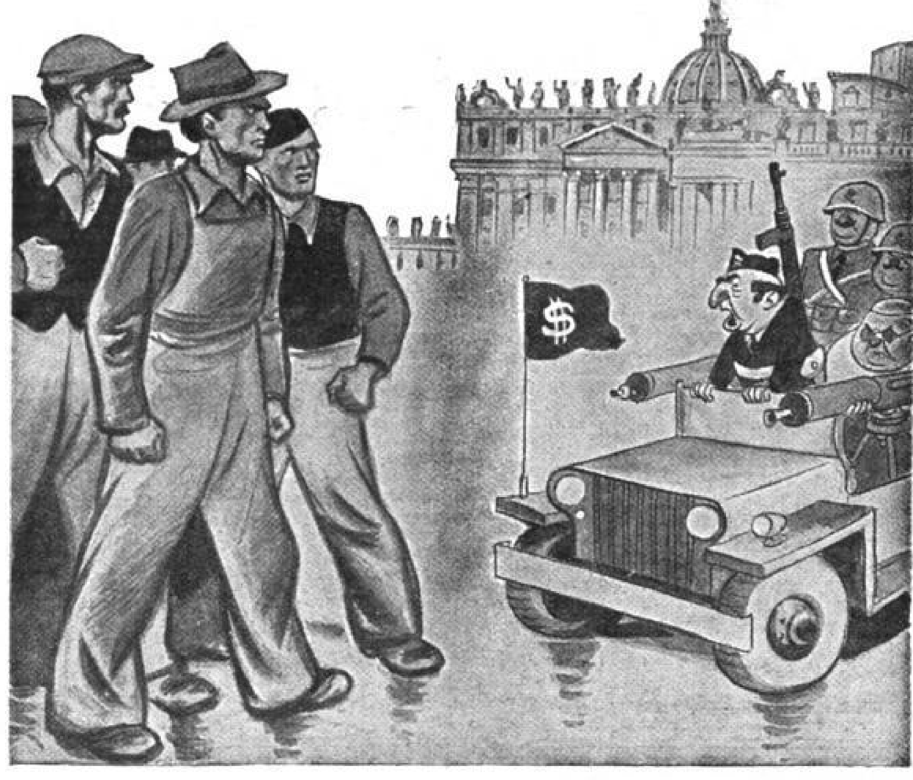

Рисунок Бор. Ефимова

Я видел кинохронику, где засняты отдельные эпизоды работы этих конгрессов. Киноаппарат движется, выделяя лица делегатов, мужчин и женщин, собравшихся, чтобы высказать свои требования,— и кажется, что какой-то внутренний свет озаряет эти лица, словно лучи солнца, падающие на созревшую ниву. Возрождение Юга — это для Италии нечто большее, чем исправление социальной несправедливости. Это — возрождение к жизни народа, который слишком долго живет с печатью смерти на челе.

На этих конгрессах, как и в практических действиях по разделу земли, итальянские крестьяне нашли новый источник боевого единства. Сплоченно и дружно давали они отпор зверским нападениям полиции. Земля во многих местах распределяется комитетами, объединяющими крестьян, арендаторов и батраков целых деревень. Впервые в истории Италии родилось столь прочное единение между рабочими Севера и крестьянами Юга. Рабочие заводов Милана и Турина объявили всеобщую забастовку после убийства крестьян в Торремаджоре. На призыв рабочих к миру, звучащий по ту сторону реки По, словно эхо, откликаются слова, написанные на знаменах крестьянских демонстраций:

«Земля, а не война!».

4. Театр, рожденный народом

С главной улицы Палермо, переполненной в эти вечерние часы праздношатающимися зеваками, мы круто сворачиваем в узкие переулки, где живет сицилийская беднота.

Друзья предупреждали нас, что будет трудно найти нужного нам человека — одного из организаторов знаменитого палермского театра кукол. Бомбардировки военного времени, катастрофическое обнищание населения — все это привело к тому, что в некоторых местах Сицилии не очень приветливо встречают случайных посетителей. Но наши расспросы насчет «Опера ди пуппи» («Кукольная опера») действовали, как пароль: нас охотно провожали все глубже в лабиринт переулков...

...Некоторые из посредников, которые с выгодой орудовали в Палермо между ремесленниками и владельцами магазинов, в наши дни стали агентами американских фирм, выпускающих лампы дневного света. В результате здешние кожевенные и металлические кустарные мастерские оказались освещенными так же ярко, как освещаются дорогие парикмахерские или кондитерские магазины. Тем более резко проступает контраст этого яркого света с темными, грязными подвалами, где работают ремесленники и их дети. «Новшество» по части освещения привело лишь к тому, что рабочий день стал у них длиннее, чем раньше...

Только половина детей палермских окраин ходит в школу, многие из них так и не добираются до пятого класса. Школьные учебники

ЛИШЕННЫЕ ДЕТСТВА

(Письмо из Германии)

Ирина ИЛЬИЧЕВА

Трудна и безрадостна жизнь молодежи в Западной Германии. Тысячи девушек и юношей каждый месяц выбрасываются на улицу с заводов и фабрик. Сотни уходят из школ и университетов: нет денег на учебу, да и учиться бессмысленно: растет безработица, и рассчитывать на место по специальности невозможно. Молодые рабочие — ученики — получают гроши. Кабальные законы гитлеровцев, лишившие молодежь основных прав на труд и образование, действуют и поныне в Западной Германии.

Работница Мария Циммерман пишет из Западной Германии: «Я была в Берлине и осмотрела Дворец берлинских школьников в рабочем районе Лихтенберг. Я заявляю и буду говорить повсюду, что русские — лучшие друзья немецкого народа. Они построили этот прекрасный дом для немецких детей. Здесь дочь рабочего учится музыке, с сыном ремесленника занимается художник. Совсем другое в Западной Германии. У меня двое детей: 12 и 14 лет. Старший, Пауль, работает учеником у сапожника, девочка стирает белье.

Я желаю укрепления дружбы между Германией и СССР, потому что только в этой великой стране нет такого закона, по которому дочь прачки обязательно тоже станет прачкой, а сын богача будет купаться в золоте».

В Западной Германии из года в год растет детская смертность, регистрируется все большее число бездомных детей, вынужденных заниматься нищенством. В Баварии только за январь этого года зарегистрированы тысячи школьников, вновь заболевших туберкулезом. Общее же число туберкулезных детей и подростков достигло там 50 тысяч, а в Гессене — 20 тысяч. В детском доме для сирот в Мюнхене каждый месяц умирают 5—6 человек и заболевают 50—60 детей, 115 детей в этом доме страдают острым малокровием и общим истощением организма. Медицинская комиссия, обследовавшая приют, установила, что смертность и болезни детей вызваны хроническим недоеданием и плохими жилищными условиями. «Однако,— записали врачи в заключительном протоколе,— нет никаких шансов улучшить жизнь сирот».

Средства, отпускаемые боннским марионеточным «правительством» на здравоохранение, народное образование и на содержание детских учреждений, ничтожны.

Среди детей и подростков Западной Германии растет преступность. В портах Гамбурга и Киля за последние три месяца арестованы 18 несовершеннолетних соучастников грабежей и убийств; зарегистрировано 68 девочек-проституток в возрасте от 12 до 15 лет. На суде 13-летний соучастник грабежа Бауэр заявил: «Я два года жил в приюте. Меня били воспитатели и старшие воспитанники. Я всегда был голоден. Я убежал из приюта и попал к моему «хозяину». Я стал воровать и продавал краденые сигареты. У меня не было другого выхода. За что вы меня судите?».

15-летний сирота Курт Шмид из Мюнхена содержал двух младших сестер и брата. Дети жили в подвале разрушенного дома. Курт работал на фабрике. В прошлом году подростка уволили, и малолетняя семья осталась без всяких средств к существованию. В это время тяжело заболела младшая девочка. Частный врач, которому дети за лечение отдали свое последнее имущество, прописал «усиленное питание и диэту». И тогда 15-летний Курт стал вором, а старшая сестра, 13-летняя Грета, — проституткой.

Недавно эта семья перешла на территорию Германской демократической республики через пограничный пункт в Гельмштедте. Мальчик, сдерживая слезы, рассказывал дежурному офицеру о страшной жизни по ту сторону границы. «Неужели вам никто не помог?» — с возмущением спросил его советский офицер. «Нет. У нас не было родных. Кому мы нужны?» — ответил подросток.

Гимназии и школы в Западной Германии фактически закрыты для детей рабочих и крестьян. По далеко не полным данным, на Земле Северный Рейн — Вестфалия (американская зона оккупации) 4 тысячи детей оставили из-за тяжелого материального положения школу. Тысячи детей в возрасте от 8 до 10 лет вообще не учатся.

«Лишенные детства» — так называется книга о положении детей в Западной Германии, вышедшая недавно в Гамбурге. Авторы этой книги пишут: «Американцам нужны послушные рабы, в руки которых в зависимости от обстановки можно вложить автомат или молоток. Они умышленно лишают наших детей детства, сокращают количество школ и воспитательных учреждений. Они хотят использовать молодое поколение Германии как пушечное мясо, искалечить их детство, юношество, жизнь. Но мы, немецкие отцы и матери, обязаны думать о судьбе своей страны и о своих детях. Мы должны бороться и вернуть нашим детям их украденное детство».

Страшны судьба и жизнь детей в Западной Германии! На пристанях и вокзалах можно встретить группы мальчиков-грузчиков, услугами которых охотно пользуются пассажиры: малолетним можно заплатить меньше, чем взрослым.

Недаром в Западной Германии люди все чаще обращают свои мысли к Советскому Союзу, где забота о детях, любовь к детям вошли в повседневный быт народа.

После демонстрации советского киножурнала о жизни и учебе московских школьников старый учитель, работающий в одной из школ Западной Германии, написал в книге отзывов: «Я приветствую СССР, единственную страну в мире, где все дети имеют право на счастливое детство. Это — проявление высшей культуры нового, социалистического общества!».

Рваные башмаки трех школьников из Ганновера. Учительница запретила им ходить в такой обуви в школу. «Значит, придется бросать ученье»,— заявили мальчикам родители.

неслыханно дороги. Родители вынуждены посылать детей в школу в лохмотьях. Другие предпочитают махнуть рукой на школу и отдают детей «в люди», на самую изнурительную работу. Вот цифра, которая ярко иллюстрирует жизнь в современной Италии: хотя из взрослого рабочего населения имеют работу всего лишь 42 процента, школы пустуют из-за того, что огромное число детей занято в производстве, торговле и ремеслах.

Мрачный и хмурый вид имеют в наши дни окраины сицилийских городов. Зима часто бывает здесь суровой. Только один раз в течение двух недель, которые я провел в Палермо, тучи рассеялись над скалистыми горами. Нет, климат Палермо не для тех, кто ходит босиком и в лохмотьях!

И в то же время город доотказа набит товарами. В шикарных магазинах центра города и в киосках, выстроившихся на бульварах, есть вдоволь всего. Но дела в застое, если не считать торговли случайной рухлядью с рук на толкучке...

...По узкой лестнице с предательски выщербленными ступеньками, шагая по объедкам овощей и обрывкам газетной бумаги, мы добрались, наконец, до той квартиры, которую искали. Нас встретили три старых женщины. В комнате было почти темно. Одна из старух, пробормотав извинение и упомянув Мадонну, сняла лампадку с иконы и приблизила свет вплотную к нам. В конце концов мы разузнали адрес кукольного театра. Оказалось, что он помещается не то в бывшем магазине, не то в пустом гараже.

Стены театра были грубо выбелены. В зале стояли скамьи в шесть или семь рядов, авансцена была украшена веселой росписью в стиле барокко. Входной двери не было вовсе — наиболее назойливые уличные шумы заглушались повешенным над входом одеялом. В одном углу стояла шарманка, в другом устроился похожий на чертенка юнец, торговавший лимонадом и орехами. Он же выполнял обязанности капельдинера, изредка призывая к тишине, когда энтузиазм зрителей достигал слишком высокого градуса.

Публика состояла из сорока или пятидесяти молодых людей — в центре города их называют «отпетыми» — и небольшой группки усталых, угрюмых стариков. Девушек не было — таковы сицилийские нравы.

Полтора часа мы смотрели 76-й эпизод из старинной драмы о Карле Великом и Роланде. «Актеров» было человек тридцать — это были вооруженные рыцари, сарацины, христиане, движениями которых упразляли из-за кулис с помощью рычагов и проволок.

Специалисты по кукольному театру нашли бы постановку несколько грубоватой: так, например, через всю сцену вдруг протягивалась чья-то длинная рука за стаканом лимонада или чтобы поправить слишком накренившуюся набок фигуру какого-нибудь султана. Но драма в духе средневекового театра с ее раз навсегда выработанными приемами изображения благородства, с ее призывами к верности в сражениях «против неверных», с ее наивными любовными страстями — все это передавалось с такой глубокой и яркой непосредственностью, да к тому же на сочном сицилианском наречии, что нам было не до технических несовершенств спектакля...

А как горячо реагировала эта публика окраины на старую бессмертную драму! Стоило только появиться на сцене под музыку расстроенной шарманки какому-либо новому персонажу, как публика встречала его приветствиями, называя по имени. А когда на сцене начинали сыпаться удары шпаг фехтующих героев, все зрители принимались ритмически топать ногами в такт звону оружия.

Это был исконный народный театр Сицилии. Слова, которые произносили актеры, приводившие в движение кукольных героев, были богаты, звучны, поэтичны. Часто в беспокойной аудитории воцарялось чуткое молчание. Да, это к ним обращался замечательный традиционный театр Сицилии и Южной Италии, к жителям трущоб, к людям окраин!

На центральной улице Палермо есть театр, носящий имена Гарибальди и Мадзини. Много там зданий, на которых выбиты слова «Независимость и свобода». Но в этом театре можно смотреть только голливудские фильмы.

Жители окраин, отдающие 10 лир за то, чтобы увидеть старинную драму о Карле Великом и сарацинах, не могут себе позволить купить билет на фильм с американским комиком, физиономия которого глядит с афиш на всех углах. Даже скромнейшая входная плата в Кукольный театр достается им нелегко: за несколько десятков лир надо целый день брить клиентов в парикмахерской или стоять на перекрестке, предлагая плохие самопишущие американские ручки.

Кукольный театр Сицилии, конечно, не получает государственных субсидий. Он не имеет подачек и от богатых господ из числа тех, которые разъезжают в дорогих машинах с ливрейными шоферами. Валовые ежедневные сборы театра не превышают тысячи лир. Это вдвое меньше того, что требуется в день итальянской рабочей семье, чтобы хоть кое-как свести концы с концами.

Когда публика разошлась, мы остались побеседовать с актерами Кукольного театра. Они принесли нам Роланда и украшенного перьями Карла Великого. Они дали нам их подержать и рассказали, как отцы и деды учили их запоминать слова героев пьесы. Они были горды своей работой. Они сохранили ценную народную традицию, сохранили ее в эти тяжкие годы среди разбомбленных во время войны окраин Палермо.

Перевод с английского
Л. ЧЕРНЯВСКОГО

Лауреат Сталинской премии, народны
артист СССР режиссер В. М. Петро
Премия присуждена за кинокарти
«Сталинградская битва».
Фото Г. Борисова

Каменщик Иван Рахманин

Тем, кто помнит Дарницу 1943 года, трудно узнать ее сейчас. На месте руин выросли корпуса предприятий, жилые дома, появились новые улицы. Красивых, нарядных зданий стало больше, чем было их до войны.

Если вы поинтересуетесь, кто укладывал стены этих новостроек, то часто услышите один и тот же ответ:

— Строил Иван Михайлович Рахманин.

Несколько лет назад, в первые месяцы послевоенной пятилетки молодой каменщик Иван Рахманин предложил свой метод скоростной кладки стен. Это был большой шаг вперед. Речь шла об освобождении каменщика от всякого рода подсобных работ. Метод Рахманина не только ускорил процесс кладки кирпича, но и позволил высвободить часть квалифицированных каменщиков.

Новый способ стали перенимать каменщики многих строек страны.

Широкий размах рахманинское движение приобрело и в самой Дарнице. На занятиях стахановских школ Иван Михайлович делился опытом своей работы. Ряды его последователей росли. В коллективе, где работает Иван Рахманин, 90 процентов строителей восприняли его метод. Ученики знатного каменщика стахановцы Максим Федорович Прохоренко, Антон Васильевич Стоцкий, Григорий Иванович Ступа, Иван Трофимович Соловьев работают уже в счет 1955 года. 29 строителей Дарницкого участка выполнили по 5 и больше годовых норм. Сам Рахманин заканчивает пятую пятилетку.

Творческий труд каменщика-новатора получил высокую оценку. За коренные усовершенствования методов производственной работы Иван Рахманин удостоен Сталинской премии.

Л. Галинский

К мнению Ивана Михайловича Рахманина прислушиваются ученые, инженеры, архитекторы. Президент Академии архитектуры УССР Владимир Игнатьевич Заболотный проводит совещание о поточно-скоростных методах работы на новостройках республики. С докладом выступает каменщик-новатор (снимок слева вверху).

Будущие строители — выпускники Дарницкого ремесленного училища — нередко видят у себя в гостях Ивана Михайловича. Знатный каменщик передает им опыт своей работы (снимок в центре).

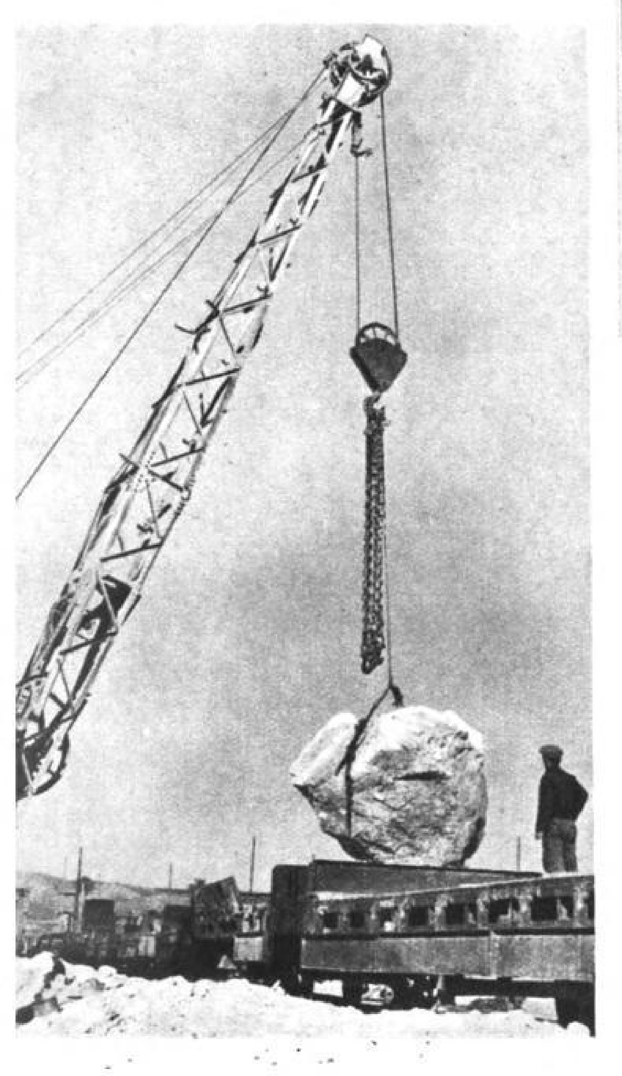
Иван Рахманин (слева) обучает своим методам работы молодых каменщиков Николая Высочинь и Николая Дмитренко (снимок слева внизу).

Фото Н. Козловского

Иван Михайлович
РАХМАНИН

КАНАЛ Дунай—Черное море

Голые холмы и засушливые степные просторы, болота с густыми зарослями камыша и тучами малярийных комаров да редкие бедные селения, не связанные друг с другом, — это и есть долина Карасу. Румынский народ справедливо называл ее долиной печали. О ее преобразовании мечтали давно, но в условиях буржуазно-помещичьего режима проекты оставались нереализованными.

Сейчас в этой долине идет крупнейшая стройка Румынской народной республики. Здесь сооружается почти 100-километровый канал, который обеспечит развитие удобных и дешевых водных перевозок. Канал пересечет всю Добруджу, от края до края через долину Карасу, и после осушения болот и создания оросительной системы огромные участки земли станут плодородными, дадут высокие урожаи зерновых и технических культур.

На берегах канала будут построены заводы и фабрики, начнется эксплоатация местных природных богатств, а маленькие села Поарта-Алба, Ташаул, Наводарь превратятся в крупные портовые города.

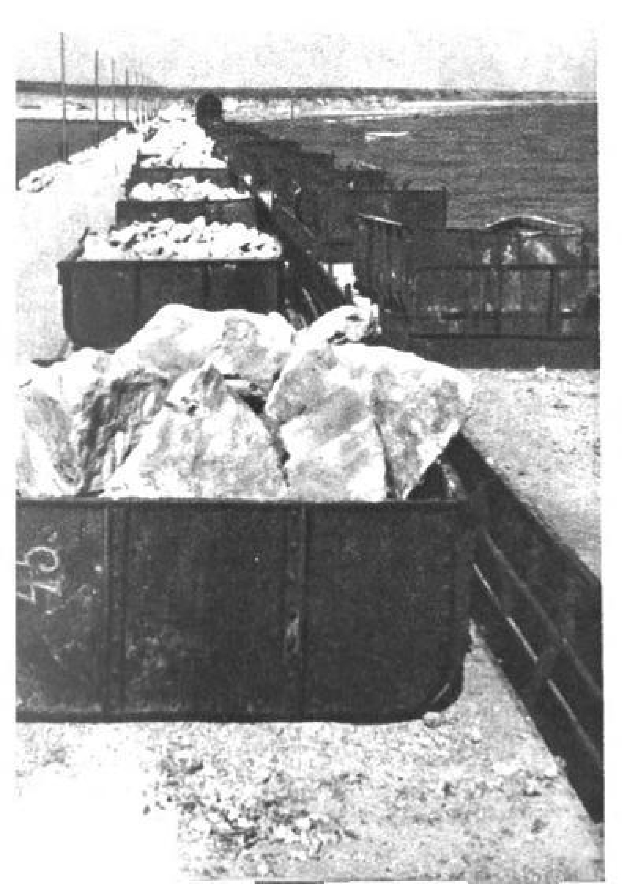
Бескорыстная помощь Советского Союза оборудованием, материалами и техническим опытом позволяет механизировать трудоемкие процессы и применить скоростные методы строительства.

Круглые сутки на трассе будущего канала царит оживление. С энтузиазмом трудятся здесь десятки тысяч людей разных специальностей. Они прокладывают шоссейные и железные дороги, роют котлованы, возводят плотины, строят промышленные объекты и жилые дома. Уже освещена электричеством почти вся долина Карасу.

В выходящей на трассе канала газете и на досках соревнования отмечаются производственные успехи бригад, участков, смен, отдельных рабочих. Первая молодежная бригада на стройке города Поарта-Алба, руководимая Виктором Сэлэжаном, укладывает за смену пятнадцать кубометров кирпича вместо четырех. Каменщик Думиру перевыполняет производственное задание в семь раз. Своей самоотверженной работой специалисты и рабочие ускорят строительство канала Дунай — Черное море.

На снимках:

На демонстрации в Бухаресте рабочие несут макет канала Дунай — Черное море.
Погрузка камня весом в 15 тонн на специальную платформу.
Строительные материалы для новых портов перевозятся по железной дороге.
Концерт художественной самодеятельности рабочих-строителей.

Инженер Ф. Резниченко (слева) получил новую квартиру. Ему вручает ключ маляр Н. Алексашкин.

Фото Г. Дубинского

Небольшие, но светлые и уютные комнаты. Стены, окрашенные в цвет небесной лазури, кажутся воздушными. Инженер Федор Иванович Резниченко, новосел, всем доволен. Решительно всем, и ему не хочется обращать внимание на мелочи.

Но в этом поселке заведен обычай: маляр, который уходит из отстроенного дома последним, вручает ключи жильцу и сдает ему квартиру от имени всех строителей. Поэтому вместе с жильцом и маляром Николаем Алексашкиным, сдающим квартиру, ходят инженер Петр Емельянович Тутов и Василий Васильевич Скитев — старейшина малярного цеха. Они проверяют все куда строже, чем новосел.

— От какого штукатура принял квартиру? — спрашивает Скитев Алексашкина.

— От Сергея Логинова... На «хорошо» принял.

— Напрасно! Я бы заставил его у штепселей штукатурку затереть. Неровно здесь...

— Это пустяки! — говорит жилец.

— Нет, не пустяки, а небрежность. Мы должны свою марку высоко держать...

И Скитев опытным глазом отыскивает неприметные на первый взгляд погрешности. И у дверей задержался знатный маляр.

— По-моему, хорошая дверь, — уверенно сказал Резниченко.

— Хорошая-то хорошая, но колер не выдержан. Как ты этот цвет определяешь, Николай? — обратился Скитев к Алексашкину.

Алексашкин смущенно молчит.

— Надо, чтоб цвет был природный. Под топленое молоко, под слоновую кость или жемчужный с отливом...

Наконец Федор Иванович Резниченко торжественно пожимает Алексашкину руку, благодарит, берет у молодого маляра ключи и вступает во владение квартирой. Хорошая квартира! Две комнаты с кухней, газ, ванная, паровое отопление — все удобства. Солнечный свет льется в большие окна, и цвет стен радует взор. Но когда все — маляры, жилец и мы, свидетели торжественного вручения ключей, — вышли на лестницу, Алексашкин попросил Резниченко:

— Оставьте мне ключи до вечера, я тут подправлю кое-что.

— Правильно, Николай! Наведи лоск, — сказал Скитев. — Не даст тебе совесть покоя, если ты не все доделал...

Резниченко вернул ключи маляру и заметил:

— Высоко вы честь своей марки цените!

ГОРДОСТЬ СТРОИТЕЛЕЙ

Дома на окраине Куйбышева начали расти не по дням, а по часам. В кабинете управляющего строительным трестом мы видели на стене, в рамке, Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении треста орденом Трудового Красного Знамени и грамоту о передаче тресту на вечное хранение переходящего Красного знамени Государственного Комитета Обороны. Это свидетельства прошлых заслуг. Тут же висит карта новых кварталов. На ней в начале прошлого года были обозначены квадратами коричневого цвета отстроенные, а синими — намеченные к стройке кварталы. Но какого синего квадрата теперь ни коснись, услышишь:

— Уже сделано. Здесь тоже все готово. Тут достраиваем дома, нужно только фасады отделать...

За год карта намного отстала от жизни.

Где был пустырь, разбит парк. Красивые чугунные ограды украшают улицы. У каждого квартала свой архитектурный облик. Кварталы больших, 46-квартирных домов. Кварталы домов двухэтажных, окрашенных в светлые, праздничные цвета и поэтому разных, несмотря на однотипность архитектурных форм. Кварталы небольших, изящных домиков, вокруг которых самой природой положено растить цветы.

Недавно построено все это, а уже есть клубы и кино, библиотеки и лектории, школы и родильные дома, магазины и рестораны. Есть тут крытый рынок, напоминающий ангар для дирижаблей, и особняк, украшенный лепкой, — детская музыкальная школа.

Коллектив треста построил все это в невиданно короткий срок.

Новый метод работы, который здесь родился и принес строителям всесоюзную славу, возник из-за острого недовольства собой, вследствие строгой взыскательности и самокритики, свойственных советским людям.

Штукатур С. Носков (слева) принимает работу от каменщика Е. Тюрина.

КАК ЗАРОДИЛСЯ ПОЧИН

Дом — произведение коллективного труда, но его отделку — внутреннюю и внешнюю — завершает маляр. И он бывает в ответе за «грехи» всех работавших до него строителей. И здесь, на этой стройке, маляр, прежде чем взяться за кисть и начать красить и белить, добрую половину своего времени тратил на доделки: подправлял покосившиеся рамы, сбивал со стен выпуклости, крепил гвоздями доски пола — устранял все упущения каменщиков, штукатуров, столяров, плотников.

Укрепляя однажды доски пола, маляр Скитев отбросил в сторону молоток и сказал: «Довольно!» Его совесть не могла простить бракоделу такой работы.

Инженер Петр Емельянович Тутов — начальник отдела организации труда треста — разделял гнев маляра Скитева. Оба они задумались: что же делать? Скитев решил обратиться к чувству чести своих товарищей. Он взял на себя социалистическое обязательство работать только на «отлично» и потребовал от смежников, чтобы они сдавали ему работу тоже с отличной оценкой.

Тутов придал этому замыслу четкую форму: отныне маляр принимал работы от смежных профессий только по приемо-сдаточному акту, разработанному инженером. В акте маляр давал оценку качеству штукатурки, кладки, столярных и плотничных работ, указывал имена людей, которые эти работы выполняли. Если же маляр обнаруживал недоделки, составлялся «дефектный акт» — опись этих недоделок — и определялось, когда и кем они должны быть устранены.

Инженер и маляр пришли на заседание постройкома треста с разработанной системой контроля, устанавливающего моральную и материальную ответственность за качество работы на всех ее этапах. Постройком поддержал их предложение. И вот в апреле прошлого года Скитев, приступая к отделке четвертого дома в новом квартале, объявил, что работы, выполненной небрежно, он не примет. Мастера, уже ушедшие со стройки, вынуждены были возвратиться, чтобы пригнать шпингалеты, подровнять пол, стесать неровность стены.

О всех погрешностях маляр сказал товарищам с беспощадной прямотой. Он дал урок строгой взыскательности — и уже на другой день плотники, которых Скитев заставил заново пригонять раму, отказались принимать недоделанные дверные блоки с завода стройдеталей, каменщики не взяли для работы плохой раствор, штукатуры стали требовать у каменщиков строгой вертикальности стен, а каменщики — ровных, как струна, траншей у землекопов. Общественный надзор за качеством начал маляр, завершающий стройку, но контроль сразу стал сквозным, дошел до самого первого этапа строительства. Строители говорили: «Такой метод сам напрашивался: народ до него дорос».

Люди с новым, коммунистическим сознанием увидели в методе взаимного контроля действенный способ улучшить качество строительства. Горячими поборниками и защитниками этого метода стали лучшие стахановцы: каменщик Е. С. Тюрин, штукатур С. Е. Носков, столяр А. С. Пелевин и многие другие строители. Всем новый ме-

Плотник Д. Хакимов сдает стропила кровельщику Н. Божанову.

тод пришелся по вкусу. Правда, штукатур Иван Васильевич Козельский отказался было признать свои упущения. Когда Скитев поставил мелом кресты на местах, где требовались исправления, Козельский заявил:

— А кто такой Скитев? Я, может, еще не позволю ему мою штукатурку порочить!..

Собрались тогда авторитеты — лучшие штукатуры, маляры, инженеры. Скитев призвал общественность рассудить его с Козельским.

— Если я покрашу такую стену,— сказал Скитев,— она будет похожа на воду в пруду, когда по ней рябь идет. Вот смотрите: усенки на карнизе не сошлись. Колонна явно косая: намет штукатурки неровный. А ведь здесь будет книжный магазин. Да разве можно культурное учреждение в таком помещении открывать?!

Все согласились с маляром. Козельский молчал. Ему сказали:

— Что же, Иван Васильевич, если ты отказываешься сам исправить свои огрехи, мы другому поручим...

Впрочем, случаев, когда пришлось так воздействовать на людей, было всего два—три. Зато теперь, если штукатур говорит: «Маляры приняли на «отлично»,— это означает, что люди, которым предстоит обработать, покрыть краской или мелом каждый квадратный сантиметр стены, не нашли в ней ни одного изъяна. Нет более высокой оценки, и нет человека, который был бы к ней равнодушен. Ведь работу высоко оценивают друзья, знающие толк в деле!

МЕТОД В ДЕЙСТВИИ

Ко всему новому, свершенному советским человеком для общего блага, присматривается вся страна. Скитев в союзе с Тутовым ввел новый порядок у себя на стройке в апреле прошлого года, а в мае, когда сообщение постройкома о новом движении дошло до Центрального комитета профсоюза строителей, люди сразу увидели здесь начало большого дела. Скитева и Тутова вызвали в Москву для доклада.

С этого началась их слава. Куйбышевская областная газета «Волжская коммуна» опубликовала статьи о сквозном контроле. Почин строителей обсудили и одобрили Куйбышевский горком партии, ВЦСПС и министерство; опыт новаторов освещался на стахановском вторнике газеты «Труд» и был показан на стендах Всесоюзной строительной выставки. Газеты — центральные и периферийные — рассказали своим читателям о методе Скитева и Тутова.

Это была борьба и за качество строительства домов и за новые качества людей. Не только мастер, инженер или начальник стройучастка проверял теперь работы, а каждый рабочий становился государственным контролером, глазом общества, для которого создаются все блага на нашей земле.

Чтобы ясно ощутить, что такое взаимный контроль в действии, мы зашли в квартиру № 9 нового дома. Здесь каменщик Егор Степанович Тюрин и плотник Арсений Касьянович Леонюк сдавали работу штукатуру Сергею Егоровичу Носкову. Правило — длинную, ровную линейку — и отвес — шпагат с гирькой на конце — Носков прижимает к каждой стене, к каждому оконному проему.

— Вверху, у потолка, яма,— говорит Носков, приложив отвес к переборке. И в самом деле переборка слегка вогнута.

— Где? Ровная, как стекло,— защищает свою работу Леонюк.

— Гляди лучше — куда ж ты от отвеса уйдешь! Отклонение на два сантиметра. Чтоб его уравнять, мне придется лишний намет штукатурки делать. Исправить надо.

Мастер Виктор Николаевич Карпанин заносит недоделки плотника в дефектный акт. А Носков, приложив отвес и правило к каждой капитальной стене, довольно щелкает языком:

— Хорошо, Егор Степанович! Как стрела! Что хорошо, то хорошо, ничего не скажешь. Все наружные и капитальные стены принимаю на «отлично».

Каменщик Тюрин улыбается.

Немного оказалось изъянов в этой пятикомнатной квартире, и все они были допущены плотниками. Пока мы осматривали последнюю комнату, в первых двух уже застучали молотки: плотники поправляли дверь, ровняли переборку. Носков перешел в прихожую и, приложив отвес к колонне, громко сказал:

— А тут и у каменщиков горб.

— У каменщиков? Где? — сразу заволновался Тюрин.

— А вот смотри... Видишь, посредине выступ.

— И это, по-твоему, каменщики виноваты? — возмутился Тюрин.— Или у тебя глаз нет?! Это насосом сделали неровный намет, когда колонны отделывали.

— И в кладке есть отклонение...

— Отклонение? Ребята, молоток! — закричал Тюрин. Каменщики подали ему молоток. Он с ожесточением сбил кусок штукатурки: — Вот! Теперь, пожалуйста, меряй.

Снова Носков приложил отвес и сознался:

— Твоя правда. Не волнуйся, Егор Степанович, штукатуры виноваты.

— Как это не волнуйся! Да ты думаешь, что говоришь? Чтоб Тюрин, да кривую стену сдавал!.. Неужто я до такого позора себя допущу!

Не с позором, а со славой вышел из девятой квартиры каменщик Егор Степанович Тюрин. Вся его работа была принята на «отлично» самым строгим судьей — штукатуром, которому предстоит обработать до идеальной гладкости каждую стену. А случись где-нибудь на стене отклонение от горизонтальной или вертикальной линии — у штукатура квартиру в свою очередь не примут маляры. И нет пощады бракоделу, неряхе, человеку, не имеющему трудовой гордости и чувства чести.

Все основные работы треста механизированы. Оконные и дверные блоки, например, изготовляет завод стройдеталей. Когда на завод впервые вернули косые двери и рамы, там состоялся митинг. Плотники решили: нельзя из-за двух—трех бракоделов порочить весь завод; отныне каждый будет ставить на оконном или дверном блоке свой номер. Прошло немного времени, и выяснилось, что детали под номерами плотников Пелевина, Баранова и Зесь всегда принимаются на «отлично». Эти три мастера получили высокую честь ставить на каждой детали не номер, а свою фамилию.

Честь, оказанная лучшим, помогла и другим плотникам иначе относиться к труду. Они теперь строго отбирают в заготовочном цехе части рам, дверей, оконных переплетов. Дерево, скажем, с синевой или выпадающим сучком не принимается плотниками. А заготовщики, в свою очередь, плохую древесину не берут с лесопилки. И здесь, таким образом, контроль дошел до начального этапа работ, снизив брак в шесть раз. А если завод выпустит плохого качества детали, со стройки придут маляры и повесят на воротах листок «Тревоги».

Мы видели один такой плакат «Тревоги» на стройке школы. На стене фасада привлекал внимание большой лист бумаги. На нем было написано крупным, жирным шрифтом:

«ТРЕВОГА!

Плотники бригады Кормишина на устройстве лесов и на установке дверных блоков допустили брак. Товарищи! Исправьте свою некачественную работу».

Такой плакат — знак общественного осуждения и призыв к честному труду. И висит он до тех пор, пока люди, которые бьются за темпы и качество строительства, не заставят отстающих работать по-настоящему.

Взаимный контроль вступил в действие недавно, но уже видны богатые плоды, которые он принес. На 15 процентов за год увеличилась производительность труда в стройтресте. И так как никто теперь не тратит времени на доделки, у каждого рабочего на 20 процентов выросла заработная плата. В прошлом году не было ни одной бригады отличного качества, а теперь их больше ста.

Так действует метод маляра Скитева и его друга инженера Тутова. Он обогатил вековечные навыки строителей, внес новое в социалистическое соревнование.

В. СУХОВ

Маляр В. Скитев (слева) и инженер П. Тутов.

Во имя жизни

А. ШАРОВ

У всех в памяти дни, когда наш Военный трибунал судил убийц, организаторов бактериологической войны. Советская Армия положила конец преступной деятельности японских отрядов № 731 и № 100, выращивавших неисчислимое количество микробов чумы, холеры, сибирской язвы. Фашистские генералы замышляли вызвать чумные эпидемии, которые в средние века опустошали Европу и Азию, унося десятки миллионов жизней. Убивая тысячи военнопленных — солдат Советской Армии и Китайской Народно-освободительной армии,— убивая женщин, стариков и детей, распространяя чуму при помощи самолетов, вызывая вспышки ее в провинциях Китая, японские изуверы хотели превратить в пустыни соседние государства.

Преступники осуждены. Однако не все убийцы оказались на скамье подсудимых и получили по заслугам. Опубликованная недавно нота советского правительства предлагает предать суду Международного трибунала императора Японии Хирохито, Исии Сиро и других инициаторов бактериологической войны. Но японские палачи имеют союзников в других странах мира. Американские империалисты надеются завершить то, что начали фашисты Японии и Германии. В США некий Джеральд Вендт, именующий себя «доктором», открыто говорит об удобствах бактериологической войны, при которой люди могут быть истреблены «без всякого ущерба для городских строений, для портовых доков и средств транспорта». Профессор Кеннет Тиман в своих выступлениях советует «из бактерий, несущих смерть людям», использовать в первую очередь возбудителей холеры, дизентерии и чумы. А Томас Финлеттер, бывший помощник государственного секретаря США, без малейших признаков смущения заявляет, что, «используя такие средства, можно добиться уничтожения миллионов людей».

Со временем все эти господа тоже сядут на скамью подсудимых, как и их японские предшественники...

Отряд № 731 — одна из японских баз бактериологической войны — был расположен на станции Пинфань, в 20 километрах от Харбина. Для русской науки эти места связаны с иными воспоминаниями — священными и героическими. Здесь наши ученые, Даниил Кириллович Заболотный и его ученики, остановили чумную эпидемию, поразившую Маньчжурию в 1910 году. Вопреки реакционным ученым Западной Европы, Америки и Японии Заболотному удалось выяснить причины возникновения и распространения этого страшного заболевания. Впервые в истории русская наука показала пути полной ликвидации чумных эпидемий.

Близ Харбина похоронены Мария Лебедева, Илья Мамантов и другие исследователи, отдавшие жизнь во имя Родины, во имя человечества, доказавшие, что жизнь сильнее смерти, что подлинная наука могущественнее самых грозных сил уничтожения.

* * *

Эпидемия чумы в Маньчжурии началась осенью 1910 года. Как только она возникла, первыми на борьбу с нею отправились русские ученые и среди них один из виднейших эпидемиологов мира — Даниил Кириллович Заболотный. Сын крестьянина из села Чеботарки, Подольской губернии, Заболотный посвятил жизнь борьбе с одной из самых опасных болезней, угрожающих человечеству. Он преследовал чуму по пятам, где бы она ни появилась: в Монголии, Китае, Персии, Аравии, Месопотамии, Шотландии и пустыне Гоби. Преследовал, чтобы изучить и победить болезнь. И на этот раз телеграмма о бедствии, поразившем соседнее с Россией государство, означала для Заболотного моральный приказ немедленно отправиться к месту опасности.

Поезд мчался из Петербурга на восток. В дороге достаточно времени, чтобы подумать о предстоящем. Заболотный мысленно воссоздавал то, что он называл «формулой эпидемии». Долголетние наблюдения над возникновением и развитием чумных эпидемий настойчиво подсказывали ученому догадку, что главными носителями инфекции в этих районах надо считать тарабаганов — монгольских сурков. Заболевание распространяется среди грызунов. Возникают эпизоотии, за которыми никто не следит.

Чем ближе придвигался район работы, тем беспокойнее становилось на душе. Проклятое уравнение, выводящее неизбежность массовых смертей! Неужели действительно «неизбежность»? Он знал, вернее, подозревал причину эпидемии. Но что давало такое знание? Неужели через некоторое число лет так же, как повторяется затмение солнца, эпидемия придет снова? Конечно, нет. Возникновение эпидемий можно предотвратить. Но как сделать это?

Пока Заболотный искал живых носителей чумного микроба, появились исследователи, которые утверждали, что надо идти совсем другим путем.

— Тарабаганы? — спрашивали они.— Кто видел своими глазами больного тарабагана? Никто!

Человек — единственный носитель чумной инфекции: живой человек во время эпидемии, труп погибшего от чумы — между эпидемиями. В трупах сохраняется чумный микроб все то время, которое отделяет одну вспышку эпидемии от другой.

Что мог Даниил Заболотный противопоставить подобной теории? Долгие, неустанные поиски живых носителей болезни в природе? Глубокую убежденность в том, что, только настигнув и тщательно изучив этих передатчиков чумы, можно перенести битву против нее с тех рубежей, где она происходит сейчас — из больниц,— на «дальние подступы» — в природу?

Но верить мало, надо доказать. Через много лет Павлов скажет: как ни совершенно крыло птицы, оно никогда не сможет поднять ее ввысь, не опираясь на воздух. Факты — это воздух ученого. Воздуха фактов нехватало Заболотному, чтобы его учение стало оружием в руках врачей. Он искал их все эти годы честно, не жалея сил и не щадя жизни, но не нашел.

Значит, надо искать еще напряженнее!

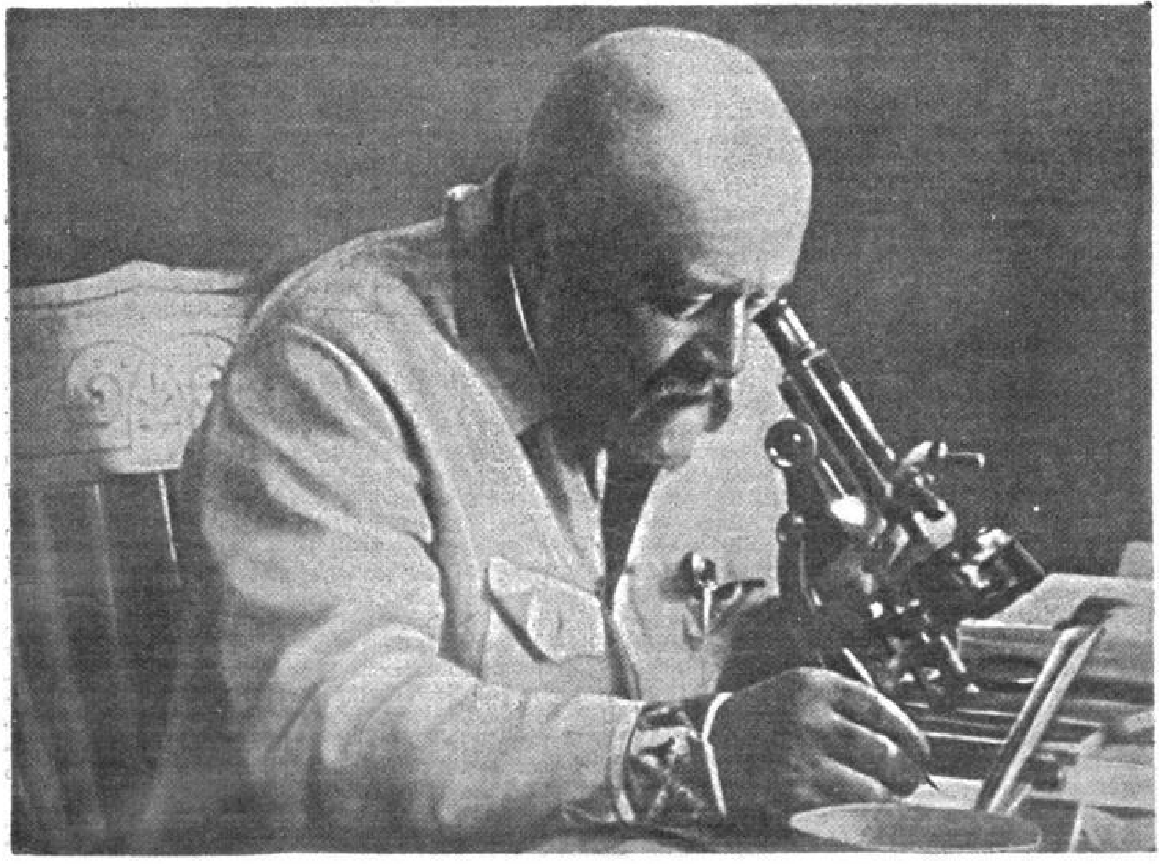
В Маньчжурии предстояло встретиться не только с эпидемией, которая в те дни и часы с быстротой урагана распространялась от своего центра на запад и восток, север и юг, но и разобраться в путях, соединяющих эту эпидемию с предшествовавшими и с будущими.

Главное заключалось в том, хватит ли людей для борьбы с болезнью.

Оказалось, что слово «чума», заставлявшее тысячи и десятки тысяч людей в панике бежать, не только отталкивало, но и притягивало. Навстречу бегущим ехали добровольцы — врачи и студенты из Петербурга, Москвы, Томска.

...Еще в школе Марию Александровну Лебедеву прозвали «Лебедем». Она не была красивой — худенькая, маленького роста, с непомерно большими серыми глазами, которые часто, задумавшись, закрывала, как бы пытаясь тонкой, просвечивающей стенкой век отгородиться от всего, с чем она не могла или не хотела примириться. Прозвище «Лебедь» сохранилось за ней на всю жизнь.

После школы Мария Александровна, работая день и ночь, накопила деньги и уехала в Женеву учиться. А окончив курс, хотя ей предлагали остаться для совершенствования знаний при кафедре, она вернулась в Россию и от-

Академик Даниил Кириллович Заболотный (1866—1929).

правилась на глухую окраину, севернее Красноярска.

В Красноярске Лебедеву честно предупредили:

— Работать будет нелегко. Население кочевое, редкое: один человек на сто квадратных километров. Врачу приходится браться за все — от сложных операций до лечения трахомы и до акушерства.

Она внимательно выслушала, но не отказалась от трудного дела и поехала на участок, который пустовал два года,— с тех пор, как умер ссыльный врач.

Три года она путешествовала по своему участку из конца в конец, борясь с трахомой, сифилисом, туберкулезом, захлестывавшими край. Она не могла сказать себе, что смертность заметно уменьшилась, но без ее труда вымирание эвенков неизбежно шло бы быстрее. Это она знала!

Сосед по участку, старый врач Леонид Максимович Тулянов — с ним удавалось встречаться не часто, раз в три месяца или даже раз в полгода,— послушав ее, устало говорил:

— Что толку бороться за снижение смертности на десятые доли процента! Трахеотомии, резекции, прививки!.. Идти с подобным вооружением против капитализма, против спиртоносов и сифилисоносов — это значит только затягивать вымирание, вот и все. Ведь капитализм самой звериной своей стороной проявляется в здешних местах.

Помедлив, в качестве последнего довода, Тулянов добавлял:

— А вы, голубчик, осведомлены, отчего умер предшественник ваш, доктор Изоргин? Прибыл — работу собирался писать о бактерицидных свойствах здешнего воздуха, а по истечении некоторого времени — туберкулез в открытой, скоротечной форме. В наше время человек, мечтающий о всеобщей справедливости, гибнет в тюрьме или на каторге, а врачующий — от чахотки.

— Боже мой, неужели вы верите в то, что сказали о затягивании агонии? — говорила Лебедева.— Я живу потому, что скоро перемена, потому, что мы должны сохранить жизненные силы народа до дня освобождения.

Когда пришли вести о революционных событиях 1905 года, Лебедева уехала в Москву. Ей казалось, что поезд везет ее навстречу весне. Весна оказалась недолгой...

Лебедева поехала на работу в Курскую губернию. Была арестована за революционную агитацию. После тюрьмы решила отдохнуть у родных во Владивостоке, но по дороге узнала о чуме в Маньчжурии и переменила направление.

Учеба — тайга — революционная работа — тюрьма — решение принять участие в борьбе с эпидемией — это был абсолютно прямой путь человека, живущего для того, чтобы приблизить будущее.

...Добровольцы составили персонал Московского чумного пункта в Маньчжурии. Он расположился на окраине Харбина. Среди огромного пустыря угрюмо стоял деревянный дом с потемневшими от времени, почти черными стенами. Высокое крыльцо с деревянной резьбой. В углу двора, у забора, под навесом гора замерзших трупов. У ворот день и ночь дежурит карета «летучего отряда».

Каждый раз, приходя на пункт, Заболотный предупреждал:

— Будьте сугубо осторожны!

Но выполнить совет было трудно.

Горожане не сообщали о заболевших. Надо было обшаривать узкие, темные переулки Харбина и его окраину, фанзу за фанзой. И в самые глухие закоулки шла Лебедева.

Хотя, казалось, практическая работа отнимала все время и все силы, научные исследования не прекращались. Заболотный твердо проводил свой план: бой шел на два фронта — с эпидемией, которая уже свирепствовала, и с эпидемиями, которые могли возникнуть в будущем.

Самые тщательные лабораторные изыскания показали, что среди крыс эпизоотий не наблюдалось. Значит, истоки заразы на этот раз надо искать не здесь. В Мукдене была созвана международная противочумная конференция. Заболотный представлял на ней русскую науку. Он вновь выдвигает свою имеющую огромное значение теорию о том, что болезнь может проникнуть в человеческую среду не только от крыс, но и от другого вида грызунов — монгольских сурков — тарабаганов. Международное ученое судилище присоединилось к противникам Заболотного. В мукденской резолюции говорится: «Не доказано, чтобы эпизоотии грызунов повлияли на первоначальное распространение болезни».

«Не доказано»! На это можно было ответить только одно: Заболотный и его товарищи не отступят, пока страшный «опыт», обошедшийся в 40 тысяч человеческих жизней, не будет изучен до конца; до той грани, когда появится неоспоримое право сказать: вот причины эпидемии, и вот условия, при которых она никогда больше не повторится.

Напряженная борьба с чумой продолжалась, хотя маленький отряд Заболотного терял человека за человеком. Терял только погибающими, так как никто из врачей не покинул по своей воле чумного пункта, больницы или лаборатории.

11 января студент Суворов увидел Лебедеву около одной из фанз на Базарной улице. Когда он подошел, Мария Александровна сказала:

— Я уже исследовала одиннадцать тяжело больных и нашла три трупа, но тут еще много — фанза набита мертвыми и умирающими. Я никогда не видела такого скопления больных.

Суворов хотел зайти внутрь, но Лебедева преградила дорогу:

— Незачем, я там была.

Вечером на совещании врачей Лебедева доложила о новом очаге, обнаруженном на Базарной улице. Вернулась она с совещания в час ночи и сразу легла спать. Через четыре часа поднялась. Было еще совсем темно, но свет она не зажигала, чтобы не разбудить товарищей. Доктор Паллон проснулась и окликнула ее:

— Куда ты так рано? Ты вчера говорила, что очень устала.

Она ответила:

— Надо закончить обследование Базарной, там ужас что делается.

За обедом заметили, что Лебедева несколько возбуждена: лицо красное, движения порывистые. К вечеру появился легкий жар. Мокроту послали на анализ в лабораторию. В ожидании результата Лебедева заперлась у себя в комнате и принялась за работу. Она торопилась закончить отчет о результатах обследования своего участка.

Когда доктор Богуцкий постучался, она отперла и быстро отошла к стене. На столе лежали черновики и листы отчета, переписанные ровным, четким почерком. Не давая Богуцкому заговорить, Лебедева сказала:

— Я знаю, раз вы пришли, значит, у меня найдена чума. Я этого ждала.

Показав на материалы, добавила:

— Возьмете после дезинфекции. Я старалась написать все самое важное. Главный очаг на Базарной — с ним нельзя медлить. И знаете, что еще: надо обратить внимание на других врачей,— ведь все они могут заразиться и заразить один другого, некому будет тогда и работать.

...Мария Александровна умерла 14 января 1911 года. Ровно через месяц заболел Илья Васильевич Мамантов.

Девять анализов дали отрицательный результат, на десятый раз чумный микроб был обнаружен. Уже зная о результатах исследования, Мамантов писал домой в Петербург:

«Дорогая мама, заболел какой-то ерундой, но так как на чуме ничем, кроме чумы, не заболевают, то это, стало быть, чума. Милая мамочка, мне страшно обидно, что это доставит тебе огорчение, но ничего не поделаешь, я не виноват в этом, так как все меры, обещанные дома, я исполнял.

Честное слово, что с моей стороны не было нисколько желания порисоваться или порисковать. Наоборот, мне казалось, что нет ничего лучше жизни, но из желания сохранить ее я не мог бежать от опасности, которой подвержены все, и, стало быть, смерть моя будет лишь обетом исполнения служебного долга. И, как это тебе ни тяжело, нужно же признаться, что жизнь отдельного человека — ничто перед жизнью общественной, а для будущего счастья человечества ведь нужны же жертвы.

Я глубоко верю, что это счастье наступит, и, если бы не заболел чумой, уверен, что мог бы жизнь свою прожить честно и сделать то, на что хватило бы сил для общественной пользы. Мне жалко, может быть, что я так мало поработал, но я надеюсь и уверен, что теперь будет много работников, которые отдадут все, что имеют, для общего счастья и, если потребуется, не пожалеют для него своей жизни. Жалко только, если гибнут даром, без дела. Жизнь теперь — это борьба за будущее и мало доставляет приятного. Надо верить, что все это не даром, и люди добьются, хотя бы и путем многих страданий, настоящего человеческого существования на земле, такого прекрасного, что за одно представление о нем можно отдать все, что есть личного, и самую жизнь».

Врачи и студенты Лев Беляев, Владимир Мюхель, Мария Лебедева, Илья Мамантов, сестра Снежкова и многие другие похоронены на харбинском кладбище. Русские люди, ликвидировавшие в Маньчжурии грозную эпидемию чумы, лежат рядом с советскими солдатами, которые через тридцать с лишним лет изгнали из этой страны японских империалистов, и солдатами китайской народной армии, умершими за то, чтобы построить на своей земле «настоящее человеческое существование... такое прекрасное, что за одно представление о нем можно отдать все, что есть личного, и самую жизнь».

* * *

К весне эпидемия в Маньчжурии героическим трудом русских врачей была задушена. Но Заболотный и группа его помощников решили: теперь, когда чума снова перешла в незримую, скрытую форму, необходимо отыскать ее затерявшиеся следы. Вскоре в районе Шарасуна была замечена эпизоотия среди тарабаганов. Заболотный вместе со своими помощниками километр за километром исследовал этот район.

Во время одного из выходов в поле он заметил тарабагана. Больное животное было поймано студентом Исаевым. Через день в лаборатории тарабаган погиб. Вскрытие показало классически ясную картину чумы.

Теперь должен был сказать свое решающее слово микроскоп. Были приготовлены препараты. Заболотный оказался первым человеком в мире, который увидел чумных микробов, добытых не из крови человека, крыс или других животных, искусственно зараженных в лаборатории, а чуму в дикой природе, чуму в своей крепости, созданной тысячелетиями.

Заболотный чувствовал ту горячую, наполняющую все существо радость за силы русской науки, какую испытывает астроном, предсказавший существование неизвестной планеты и вот, наконец, через много лет увидевший ее; как химик, после тысяч опытов выделивший в своем тигле элемент, им предсказанный и теперь найденный.

Впрочем, это было не просто замечательное открытие, счастливое само по себе, как все, что увеличивает наши знания. Это была также важная победа жизни над смертью. Кончилась страшная зима 1910—1911 года. Впервые за свою жизнь, за всю долгую историю науки исследователь имел право уверенно сказать, что надо делать, какие условия создать, чтобы такая зима никогда не повторилась. План предупреждения эпидемии теперь напрашивался сам собой. Надо организовать сеть небольших лабораторий в степи. Они смогут заметить и взять под наблюдение каждую вспышку эпизоотии, а затем строгими санитарными мерами защитить людей от опасности заражения.

* * *

То, что начали Даниил Кириллович Заболотный и его ученики, довели до конца, осуществили советская наука, советское общество. Ученые нашей страны героическим, самоотверженным трудом создали новые, замечательные средства против чумы и навсегда изгнали эту болезнь из пределов Советского Союза. Для счастья нашей Родины, для счастья человечества — самой великой цели на земле — работала и работает наша наука. И это дает ей необходимые силы, чтобы побеждать не только зло, скрытое в природе, но и фашистских ученых-убийц, пытающихся использовать опасные болезни в своих преступных целях.

Рисунок А. Каневского

ВЕДРО

Рассказ

Павел МАКСИМОВ.

Не спится деду Артему. Роятся в голове тоскливые мысли, давит и давит подушка...

Черт ее знает, эту подушку! Сколько лет проспал без кручины, а нынче будто кто булыжников в нее насовал. Вспушит ее Артем, взобьет, повернет и так и этак, а уляжется — снова давит.

— Слышь, Катюша, проснись!..

— Видела я сон, Артем! Ох, и поганый сон! — бабка даже глаза прижмуряет, до чего поганый. — Будто принесли нам повестку в суд, и будто написано в той повестке: «От лица всего колхоза явиться с ответом деду Артему».

— И принесут! — кричит дед Артем в самое ухо бабке Катюше. — Без всякого сна принесут!..

Обидевшись на вещий катюшин сон, Артем отворачивается и затихает. Молчит и бабка. Маятник стенных часов равнодушно считает секунды: раз, два, три...

Чего же не спится деду Артему?

Нынче вечером было у них в колхозе «Рассвет» собрание. Разные вопросы решали. И по культуре и по хозяйству. А в самом конце, когда все уж за шапками потянулись, взял слово председатель, Илья Ильич:

— Погодите, товарищи, малость. Вопрос в разном есть. Так. Проезжал наш обоз, в пятницу дело было, через соседский хутор Веселый. Так. Дорога, стало быть, там проходит, потому и проезжал, не в этом дело. Так. И было на веселовском общественном колодце ведро. До тех пор было, пока наш обоз не проехал... Стыд и срам! Неизгладимое пятно на весь колхоз! Кто-то, стало быть, из наших обозников посягнул... Так. Теперь председатель ихний, Лука Ильич, мне и говорит: «Верните, а не то осрамлю. Во всех хуторах абсолютно. В газету районную напишу, в суде походатайствую. Пускай, говорит, этот прохвост, посягнувший на наше добро, а на вашу честь, отнесет ведерко обратно. Нынче ночью, если днем совестится. Не будет утром ведра, не себя пеняйте». Так мне сказал Лука Ильич. Да и сами вы его хорошо знаете: на слово не очень воздержанный и полушку общественную не простит. Конечно, могу я отослать веселовцам и свое ведерко, похлеще ихнего, но не в ведерке ж дело! Хочется мне, чтобы сам посягатель отнес, чтобы совесть в нем всколыхнулась...

Сумрачные разошлись рассветовцы по домам.

Вот и не спится теперь деду Артему. Месит кулаками подушку, ворочается с боку на бок, вздыхает.

— Бабка, Катюша! А вдруг посягатель не отнесет? Что тогда? А? Пятно на колхоз? Да я ж, Катюша, вот этими руками честь его добывал. Али не жалко мне нашей чести?.. И пойдет, значит, по округе молва: дескать, рассветовские колхозники на ведерко соседское позарились. Срамота! Бабка, Катюша! Вот что я, значит, придумал. Это наше... ведерко новое... давай отнесу? А?

— Укрыть посягателя?

— Луку Ильича успокоить. Колхоз от стыда уберечь. Нельзя ж, Катюша, чтобы из-за одного прохвоста весь колхоз пятно носил. А потом мы тут сами разберемся.

— Отнести, оно, конечно, не мешало б для верности. Но вдруг они там, веселовские, в кустах сидеть будут и подмечать: кто ведерко к колодцу доставит, тот и есть посягатель. Добьешься себе позору на всю жизнь!

Дед Артем досадливо машет рукой и опускается на подушку. Тихо в горнице... И представилось деду Артему: теплая комната, койка, на койке лежит посягатель. Крепко обнял веселовское ведерко — и, знай, похрапывает. Часы же стучат и стучат, так и достучатся до утра. А утром... просторный зал суда, до отказа набитый народом.

Лука Ильич в переднем ряду сидит козырем. Его дело правое. А дед Артем — ответчик. Совестно ему посмотреть на народ, так и сидит, трещины на полу считает. А кругом шепот, смешки: «Рассветовские-то, ха-ха, слыхал? Ведерко в Веселом свистнули!», «Рассветовские? Да ну? Такой был колхоз!..», «С малого, известно, начинается...», «Это так...»

Вспотевший от волнения дед молча спускается с койки, натягивает сапоги.

— Куда ты, Артем?

В МАСТЕРСКОЙ НАРОДНОГО ХУДОЖНИКА

В руках живописца ручка, на столе перед ним стопа чистой бумаги. Слева уже исписанные листы. Мартирос Сергеевич Сарьян работает над книгой воспоминаний...

О многом хочет он рассказать в этой книге. О встречах с великими русскими художниками Суриковым, Серовым, Левитаном. О своем большом и трудном пути. О преодоленных заблуждениях, о новых перспективах, которые открываются ныне его искусству...

Депутат Верховного Совета СССР, народный художник республики, отзывчивый и сердечный человек, Мартирос Сарьян известен и популярен далеко за пределами Еревана. Его часто посещают студенты институтов Еревана и колхозники армянских сел. К нему обращаются за советом начинающие художники и опытные, зрелые мастера.

Сегодня к Мартиросу Сергеевичу пришли студенты Сельскохозяйственного института: депутат Верховного Совета СССР Герой Социалистического Труда Майрам Мартиросян и ее муж Арутюн Мкртчан, Герой Советского Союза. Молодые люди, завоевавшие славу в труде и в бою, ныне отдающие свои силы учебе, осуществили давнишнее намерение посетить живописца, певца родной республики, ее городов и сел.

Мартирос Сарьян ведет своих гостей в мастерскую. Она занимает весь второй этаж его дома. Взгляды гостей сразу приковывает к себе большое полотно, расположенное в центре мастерской.

Это эскиз гобелена «Дружба народов Советского Союза» — работа, которой Мартирос Сарьян отдал несколько лет напряженного труда. Теперь композиция близка к полному завершению. Она выполнена неповторимо яркими, горячими красками Сарьяна, непревзойденного мастера цвета. Вокруг отца народов дружной советской семьи Иосифа Виссарионовича Сталина расположились представители всех национальностей, населяющих Советский Союз. Скотовод казахских степей и охотник далекого Приморья, винодел Грузии и хлебороб Украины, инженер из Москвы и нефтяник из Баку — все они объединены общим чувством безграничной любви и благодарности великому вождю. Веселый орнамент национальных костюмов освещен щедрыми лучами солнца. Высокая радуга, символ счастья и единения, стоит в небе над этой оживленной, праздничной группой.

В мастерской М. С. Сарьяна. Слева направо: художник Мартирос Сарьян, Герой Советского Союза Арутюн Мкртчан, Герой Социалистического Труда Майрам Мартиросян.

Фото И. Рубенчика (ТАСС)

— Когда по этому эскизу будут вытканы гобелены, я обязательно повешу такой гобелен у себя дома!..— мечтательно говорит Майрам Мартиросян.

— Хорошо бы и в колхозном клубе иметь,— замечает Арутюн Мкртчан.

Гости долго рассматривают работы Сарьяна. Вот виды старого Еревана — узкие улочки, глинобитные домики с плоскими крышами. Вот пейзажи новой, социалистической Армении, портреты академиков, писателей, рабочих-стахановцев, передовиков колхозного труда. Внимание посетителей привлекает выполненный в розовой гамме портрет Галины Улановой.

Удивительно молодо и свежо искусство Сарьяна! Недавно общественность Армении отмечала его семидесятилетний юбилей. Но годы не состарили его таланта. Новые и новые замыслы вынашивает народный художник. Он рассказывает своим гостям:

— Хочется написать большую серию портретов. Ведь люди так меняются! Они растут на глазах!

И Майрам Мартиросян, недавняя колхозница, ныне студентка, Герой Социалистического Труда, избранная, как и старый художник, в Верховный Совет СССР, горячо пожимающая руку Сарьяна, кажется живым подтверждением этих слов.

г. Ереван

К. МУРАВЬЕВ

— Отнесу, Катюша. Отнесу, и все. Говори про меня, что хошь, а колхоз пятнать не позволю. Не-ет, не позволю!..

Дед выходит в чулан. Бабка Катюша слышит, как он гремит там ведрами, выходит во двор, хлопает калиткой. Катюша вздыхает и говорит:

— Дай боже, чтоб не заметили...

На улице, несмотря на поздний час, дед Артем увидел своего соседа Евлампия Антоновича. Осторожно, будто крадучись, тот проходил как раз мимо двора Артема. Прятаться было поздно, и дед Артем, скрывая ведерко за спиной, поприветствовал соседа:

— Добрый вечер, Антоныч!

— Взаимственно.

Зашагали рядом. Только теперь заметил дед Артем в руке соседа новое, оцинкованного железа ведро.

— По воду, значит, собрался? — спросил Артем, желая нарушить неловкое молчание.

— По воду... А ты, соседушка?

— Катюша моя что-то занедужила. Думаю: дай уважу старой, принесу студеной водицы.

Опять зашагали молча. Да и о чем было говорить двум почтенным людям, степенно шагающим вперед, «по воду», когда все хуторские колодцы давно остались позади.

Вот скоро и улица кончится, а они все идут... Как же быть? Надо же положить конец этой неудобной прогулке... И дед Артем сказал, чрезвычайно удивившись:

— А ведь мы не туда идем, Антоныч. Как ты мыслишь? Я что-то без очков плохо разбираюсь.

— Вот и мне сдается, будто не туда.

Остановились, недоуменно осматриваясь по сторонам.

— Так ведь это Степана Кузьмича хата?

— Кажись, Кузьмича.

— А колодцы, значит, туда?

— Туда, значит...

Помолчали...

— Должно быть, жать начнем скоро, — беспечно сказал Евлампий Антонович. — Хлеба нынче хорошие...

— Отменные нынче хлеба,— подтвердил дед Артем, с каким-то особенным интересом рассматривая звезды на небе...

— Читал я, Антоныч, шибко дела теперь идут в Китае. Наступление... Город за городом... Ты не читал?

Вместо ответа Евлампий Антонович испустил богатырский рык, круто отвернулся от непрошенного собеседника и быстро пошел, почти побежал по веселовской дороге. Дед Артем посмотрел ему вслед, вздохнул и сказал:

— Такие-то, значит, делишки,— и зашагал в обратную сторону.

— Или уже отнес тот... посягатель? — спросила бабка Катюша, глядя на вернувшегося деда с ведерком.

— Понес!.. И ведь какой человек! Сроду бы не подумал. Евлампий Антонович!.. Как он рыкнул на меня, Катюша. Ты б послушала! Что бирюк твой. Я так думаю: совесть это в нем проснулась и рыкнула.

— А ведь может быть. Может, он и есть посягатель. С обозом Евлампий ездил.

— Я ж ему, как себе, доверял! — кипятился дед Артем, снова взбивая подушку.— Евлампий Антонович! Первейший колхозник!.. А может, и неповинен Евлампий? Может, как и я, ночь прокручинился?.. А вдруг он и в самом деле не брал! Ну да, не брал! Что ж, я не знаю Евлампия? А веселовцы теперь его отметят, как виноватого. Члена правления!..

Снова дед Артем погружается в думы. С прежним равнодушием считает секунды маятник: раз, два, три... Дед подумал: хорошо бы маятник остановить, задержать ход времени, подумать, принять решение. А потом снова в ход пустить. Стучи, пожалуйста! Но тут же отверг нелепую мысль.

Вот Артем снова поднялся и стал искать сапоги.

— Какой такой может быть сон, бабка, когда Антоныча заметить могут? Невиноватый он!

— А ты что, виноватый? Тебя-то ведь тоже увидят!

— Пускай меня. Пускай! Я не против...

— Обоих заметят...

— Того я и желаю. На Евлампия не сразу подумают. Член правления! Меня скорее заподозрят. Того мне, Катюша, и желательно, чтобы не на члена правления, а на рядового колхозника подозрение пало. Это ж для колхоза вдвойне легче...

Ухватив ведерко, Артем кинулся в дверь. Чтобы избежать неприятных встреч, он выбрал путь напрямик, через огороды. Да и надо было спешить: до утра оставалось три—четыре часа...

У веселовского общественного колодца дед увидел два ведра.

— Вот это Евлампия,— размышлял Артем, глядя на оцинкованное ведерко,— а это... постой! Где я видел такую дужку?.. У Гашки, у председателевой?! Вот где! Она ж по воду мимо ходила. Я ж тогда еще подумал: вот так дужка! Чисто серебряная...

Поставив свое ведро, дед поднял глаза к небу, усиленно соображая:

— Кто ж таки есть посягатель? Евлампий? Илья Ильич?

* * *

...Утром к правлению колхоза «Рассвет» подкатила подвода, груженная ведрами. Правил лошадьми сам веселовский председатель Лука Ильич.

— Принимай свое добро,— смущенно сказал он стоявшему на крыльце Илье Ильичу.— Натащили за ночь... ваши... к нашему колодцу...

— Себе оставил?

— Все привез.

— Стало быть, ваше нашлось?

— Нашлось, будь оно проклято. В колодце было. Значит, приехала Ивана Антоныча Анка, что в Ленинграде учится, пошла по воду и по неопытности упустила. Ты, Илья, извиняй... А у нас, знаешь, что смеху было... Полная ночь! Пошла тетка Лукерья к колодцу, глядит — ведро. Мне принесла. Вот, говорит, рассветовские вернули. За Лукерьей Раиса Степнова пошла, тоже ведерко приносит. За Раисой — Варвара Фоминична. Эта принесла сразу три. Вот так, думаем, урожай! Стали мы тут из-за интересу следить: как принесет какой, мы то ведерко в кусты и ждем свеженького...

Но Илья Ильич не слушал соседа. Он глядел на ведра и думал: «Стало быть, не одного меня тревожила эта ночь». А вслух он сказал:

— Значит, приехала Анка?

— Анка-то? Приехала! Как же...

ДЕЛИКАТНОЕ ДЕЛО

Рассказ

Ирина ВИЛЬДЕ

В клубе, несмотря на непогоду, собралось все женское население села — и молодые и старые колхозницы. Мужчин было мало.

Колхозный конюх Иван Курочка сидел у края стола, подперев руками красивую, с взлохмаченными волосами голову. На нем была потертая, драная куртка, подпоясанная ремешком от старого кнута.

Первой, как всегда в таких случаях, заговорила Мокрина Василишина, крепкая, еще молодая, но уже располневшая женщина, прозванная «шандар-бабой» [1].

— Как хочешь, Иван, но так дальше продолжаться не может. Ты только посмотри на себя! Сорочка, как сажа, из куртки вата торчит... В окнах твоей хаты прошлогодние мертвые мухи так бы и по сей день болтались в паутине, если бы девчата не прибрали хату к празднику... А потеплеет — у всех колхозников цветы под окнами цветут, у тебя же крапива стреху подпирает...

Конюх небрежно повел плечом. Его карие блестящие глаза мечтательно смотрели куда-то мимо людей, сидевших в зале.

— Что мне цветы... Мне они без интереса... У меня кони, как цветы...

— То-то и оно-то... Тебе без интереса, а нам интерес. Большой интерес! Ведь срамишь ты нас перед всем светом. Если бы ты жил себе где-то в стороне,— воля твоя: делай, что хочешь, хоть на руках по земле ходи... Но ведь ты член колхоза, Иван, и твой срам — наш срам!

Курочка обвел страдальческим взглядом мужчин, сидевших на передних скамьях: почему ж это не встанет кто-нибудь из них и не скажет несколько веских слов бабам, чего они прилипли к нему, как мухи к сыру?.. Но мужчины, знай, помалкивали да покуривали. Тогда Курочка помял в руках свою меховую шапку и сказал, глядя прямо в лицо Мокрине:

— Вот привязалась ко мне! Тебе-то что? Завидно, что из города приезжали моих лошадок фотографировать? Я же в ваши дела не суюсь, не лезьте и вы в мои... Смотри, какие «сендзы» [2] собрались...

— Не суешься, не суешься!.. А чуть только кто из гостей приедет, небось, первый выходишь из конюшни... Вспомни, как было, когда писатели приехали! Всех растолкал и стал, как свечка! Рот раскрыл, сорочка вся в дырах, в волосах сено, ну чисто дурень! Хоть сквозь землю провались со стыда... А скажешь, так он еще нас ругает...

«Шандар-баба» налилась румянцем, как созревший помидор. Иван не смотрел в ее сторону, он упорно думал о своем.

Мокрина шагнула к Ивану:

— Мы все, сколько нас тут собралось, не допустим, чтоб одна овца — не про тебя будь сказано — нам все стадо портила... Одним словом, весною должна твоя жизнь перемениться, Иван! Мы тебя по-хорошему просили, предупреждали, а ты и ухом не повел! Пока нашему колхозу нехватало нескольких десятков тысяч до миллиона, мы тебя, неряху, терпели. А нынче — хватит! Правильно я говорю, женщины?

Эти слова встретили дружное одобрение.

— Видишь, Иван, не моя это воля, как тут некоторые мужчины думают. Вишь, ухмылку в усы прячут... Громада этого требует от тебя. А как одному против громады идти? А, Иван?

Иван неохотно поднялся, не выпуская шапки из рук:

— Я против громады никогда не шел и идти не собираюсь, но прошу уважаемую громаду дать мне совет... Из-за ваших бабьих порядков, из-за всяких пионов перед окнами я своих коней не заброшу. На ферме восемь жеребых кобыл, вот-вот время им подходит... Как, по-вашему, могу я хоть на час отойти от них? Пожалуйста,— и он уже смелее оглядел клубный зал,— пожалуйста, умеете критиковать, умейте и совет дать!

У женщин словно дыхание перехватило. Казалось, они растерялись от неожиданности. Но на самом деле было совсем не так. Ответ, сто раз обдуманный, давно уже был наготове!

— Нет у тебя иного выхода, Иван,— заявила Мокрина.— Женись! Вот тебе наш совет, вот тебе наш ответ!..

Курочка тяжело вздохнул:

— Люди добрые, соседи честные, имейте же ко мне хоть какое-нибудь сожаление... Вам хорошо известно, какая тяжелая у меня с женой-покойницей жизнь была, а вы тут новую беду мне на голову готовите.

— Видели глаза, что покупали,— зазвенел, словно бичом хлестнул, чей-то молодой голос.

— Ага, видели... Пусть мои враги так видят... До свадьбы была медовая да сахарная... Люди добрые, брал я ангела в дом, а пока вез, нечистая сила подменила того ангела, и оказалась ведьма с Лысой горы...

— Что тут старое поминать? — зашумела «шандар-баба».— Не хочешь хозяйку в хату, сам все делай!.. А то конюшня, как салон, а хата, как свинюшник.

— Но-но, поаккуратнее! Прежде побывай в свинюшнике, а потом уж равняй его с ивановой хатой.

Это отозвалась колхозная свинарка, баба Василина, у которой в свинарнике даже две картинки висели.

— Правда,— послышался все тот же молодой голос из угла.— Не хочешь хозяйку в хату, сам наводи порядок. Осточертело нам прибирать твое логово! Стыдно перед посторонним людом за своего знатного конюха... Хоть из колхоза тебя выселяй...

— Дивчина правду говорит,— снова вмешалась «шандар-баба».— Прибьем на воротах дощечку «единоличник», тогда уж, действительно, без интереса будет: хоть наизнанку кожух носи.

Иван сорвался с места, словно босой ногой наступил на раскаленную плиту.

— Я?! Я единоличник?! — Он задохнулся от негодования. — Я без моих коней?! Вы что, белены объелись или затемнение мозгов у вас?

— Стойте, женщины, стойте! — раздался голос тетки Штефанихи.

В селе все звали ее «Штефанихой», хотя ее Штефан умер еще во время первой мировой войны. Штефаниха заведывала колхозной пасекой. Была она высокая, седая, с румяным лицом, стройная, как черешня в цвету. В каком-то году хотели ее выдвинуть на пост председателя сельсовета, но Штефаниха отказалась наотрез. Она была занята созданием наилучших условий для зимовки слабосильных роев, и не было в мире дела, на которое она сменила бы свою работу.

— Что вы накинулись на человека, как ястреб на цыпленка? Где ж в артельном уставе сказано, чтобы за неподметенную хату да за нестиранную сорочку из колхоза выселять? — говорила Штефаниха, едва сдерживая смех.— Кто вам дал, бабы, право самосуд над Иваном чинить? Да вы знаете, что такое селянин вне колхоза? Все равно, что дитя без матери...

— Пускай нашего колхоза своей персоной не позорит, вот что!

Женщины зашумели, загудели, словно майские жуки.

— Это — дело другое... С твоими повадками, Иван, пора кончать!

— Так я ж это им и толкую! Мне разлучиться с лошадками моими — лучше петлю на шею,— вставил свое слово Иван. Он откашлялся и осмотрелся вокруг. Выступление Штефанихи совсем подбодрило его.

— Постой, Иванку, свое слово скажешь в конце. Я, сестры, думаю вот как: у нашего конюха несколько сот трудодней, значит, и деньжата у него водятся. И вместо того, чтобы бригадами ходить ему хату прибирать, лучше взять да нанять постоянную уборщицу! А? Есть у нас бабушка Сафта, на поле уже не выходит, только за цыплятами смотрит. Вот и могла бы она порядок в его хате навести... Ты, Иванку, как на это смотришь?

Иван с досадой почесал за ухом:

— Бабушка Сафта? Она, кажется, на ухо туговата... Стара больно...

— Ах, ты хочешь молодую? Вот как? — перебила его Штефаниха. — Тогда сам выбирай себе!

Собравшиеся с любопытством следили за Иваном. Смущенный, он обвел взглядом притихшие ряды и вдруг увидел милое ему лицо Марийки с настороженными, почти испуганными глазами.

— Да я б... коли б ее ласка... — окончательно смутился Иван. — Я б вот Марийку попросил. Все ж таки...

— Ой, нет, люди! — воскликнула Марийка, зардевшись вся, как маков цвет.— С бригадою пойду, а одна — как можно!

Штефаниха властным движением руки остановила ее:

— Ишь, человек добрый, видно, тебе невдомек, что Марийка — вдова... Как же она станет к тебе ходить? Пойдут всякие разговоры...

— Коли уже Марийке на такую должность соглашаться, то ты ее сперва в загс поведи, да не как-нибудь, а под ручку, при всем честном народе...— неожиданно раздался веселый мужской голос.

— Справедливые слова! — подхватила Штефаниха.— Решай: либо бабушку Сафту — тогда без загса обойдемся, либо Марийку — тут уж не взыщи, с загсом.

— Так что ж...— мял свою шапку Иван,— коли Марийка согласна, то я... Да уж сами как-нибудь столкуемся. Это уже, как говорится, наше дело...

— Правильно, это дело деликатное,— медленно проговорил кто-то из мужчин.

— Нам что, лишь бы в хате порядок был...— одобрительно загудели женщины.

— Как в хате, так и в жизни моей пусть будет порядок,— кивнул головою Иван, стараясь не глядеть на Марийку.

— Сдурели бабы,— ухмыльнулся счетовод колхоза.

Кум, стоявший позади него, отозвался рассудительно:

— Почему сдурели? Человека на ум-разум навели. Это ж ему счастье привалило! Марийка — и колхозница работящая и женщина прекрасная. Лучшей жены Ивану и не сыскать...

Перевод с украинского Татьяны СТАХ

Рисунок П. Караченцова

[1] Жандарм-баба.
[2] Ксендзы.

О детях и для детей

В своей повести «Бабушкино море» молодая детская писательница С. Георгиевская рассказывает о том, как девочка Ляля приехала из Ленинграда в приморскую станицу к незнакомой ей бабушке-рыбачке. Сначала бабушка — колхозный бригадир — показалась девочке строгой и недоброй, но постепенно, узнавая ее, Ляля крепко полюбила свою бабушку и очень к ней привязалась.

Рассказывая эту простую историю, автор сумел поэтически показать картины жизни и труда рыбаков.

...Множество впечатлений охватывает Лялю в рыбацкой станице. Ей хочется все «освоить»: и бабушкин садик, и огромное море, по которому плавают рыбацкие лодки-байды, и берег, где ремонтируют пароходы, и могучий сетер, «широкий и длинный», новые понятия и слова. Познавая этот неизвестный ей, но такой привлекательный мир, девочка проходит через нелегкие для своих лет испытания.

В сцене возвращения рыбаков с удачного лова, в атмосфере оживленного, радостного труда, бабушка предстает перед внучкой в новом облике. Ляля даже принимает ее за мужчину. На ней клеенчатый рыбацкий костюм. У нее мужская, командирская властность.

И Ляля опасливо думает: «Вот мама уедет, а я с ней останусь одна... Что тогда будет? Вон она какая сердитая!»

Все шире развертывается жизнь перед ребенком. Неутомимая бабушка отправляется проверять подготовку рыбацких звеньев к осенней путине. Она берет с собой внучку, чтобы дитя поглядело, «как люди живут, как дело делают».

В главе, носящей суховатое название — «Про крючки, про гундэры, про невода», — автор постепенно открывает девочке глаза на истинный характер ее бабушки и одновременно рассказывает о чрезвычайно важных вещах, не выходя за пределы понимания и чувств детей младшего возраста. Красочно показаны картины лова, быта рыбаков. Ляля, а с нею и читатель знакомятся с последним единоличником — дедом Василием, — с его старинным способом лова и с тем, почему деду «надоело сидеть на крючьях самоловных». А рядом показывается бабушкина бригада, «выбирающая котел» из моря, богатая артельной техникой, дружная и слаженная в труде.

Готовы сдружиться и бабушка с внучкой. Но привязанность их рвет ссора — столкновение двух, отнюдь не мягких характеров. Улетела мама на самолете, а Ляля, по-детски быстро отвлекшись от огорчения и не отпросившись дома, уехала с подружками на виноградник. После дня, пронизанного солнцем, полного радостных впечатлений, сияющая девочка с корзиночкой винограда в руках вбегает к бабушке. Но та, измученная беспокойством, встречает ее суровой отповедью и даже, по старинке, грозит поучить ремнем, «как отца твоего учила».

Ребенок оскорблен. В нем просыпается чувство собственного достоинства, жалости к любимому отцу, «к ее папе, в кителе с золотыми пуговицами», которого «учили ремнем», чувство возмущения против бабушки. Последней не удается смягчить ребячье гордое сердце нежной заботой: притворяющаяся спящей Ляля упрямо твердит про себя: «Убегу, все равно убегу!».

...Под неумолчный шум дождя слушает Ляля не сказку, а быль о прошлом, которую рассказывает ей тетя Сватья. Очень хорошо передана эта быль о бабушкиной молодости, о бушующих волнах, что унесли в открытое море жалкую мазанку с молодой матерью и тремя малышами, о двух утопленниках на прибрежном песке, о молодой вдове, которой «не на что и покойничков схоронить», о страшном одиночестве трудового человека, беззащитного перед бездушием стихии и хозяина промысла. Эту быль, так же как и рассказ бабушки о том, как убили фашисты сына ее Ивана, а она, подпалив «хату ихнюю», ушла в камыши партизанить, невозможно читать без душевного волнения не только маленькому, но и взрослому читателю.

И вот теперь уже воочию видит Ляля бушующие волны: рыбаки застигнуты разыгравшимся штормом в открытом море. Полная раскаяния и горя, девочка стоит на берегу в толпе рыбацких семей, ожидающих своих близких. От сердца идущие слова находят для плачущей девочки суровые рыбаки. В этих утешительных словах выражено не только уважение людей к бригадиру Сущевой: «За бабкой твоей никто не пропадал», — но и глубокая вера в помощь своей, народной власти, которой «каждый рыбак дорогонек» и которая не пожалеет для спасения людей ни катеров, ни самолетов.

Далее идет сцена встречи. Девочка, самозабвенно помогавшая тащить на берег бабушкину лодку, ставшая, по признанию рыбаков, настоящей внучкой Сущевой — маленькой рыбачкой, — вновь как будто впервые видит свою бабушку. Бабушку смелую и мужественную, добрую и ласковую. Глава эта очень проникновенна и наполнена большой любовью к простым, трудовым людям.

Не только Ляля, но и читатель с грустью расстанется с «бабушкиным морем» — то золотым и ласковым, то свинцовым и грозным, — с его людьми, в особенности со старой рыбачкой, обаятельный, глубоко человечный образ которой врезается в память.

Вторая книга С. Георгиевской — «Солдатский ножик» — объединяет пять рассказов для детей младшего возраста. В этих рассказах писательница показывает свое уменье видеть и раскрывать большое в малом.

В рассказе «Люся и Василек» автор знакомит читателя с девочкой Люсей, горячо привязанной к своей маме. Мать решила усыновить мальчика Василька, которого они с дочерью навещали в детском доме. Но в Люсе заговорили ревность и эгоизм единственного ребенка, — она не желает делить любовь матери. С чуткостью и знанием детской психологии автор рассказывает, как в Люсе, тоже потерявшей отца на фронте, пробуждается к Васильку теплое чувство сестры.

В «Солдатском ножике» столкновение отца-фронтовика с сыном-школьником разрешено с мужественной правдивостью, делающей рассказ педагогичным в лучшем смысле этого слова.

Повесть и сборник рассказов — первые книги молодой писательницы. С. Георгиевская входит в литературу со своим голосом, со своим запасом жизненных наблюдений. Мягким юмором и оптимизмом проникнуты ее книги.

Выразителен язык, в особенности в «Бабушкином море». Однако в некоторых случаях стремление автора к характерности речи мешает ему быть вполне понятным маленьким читателям.

Так произошло в главе «Мамина песня» с рассказом председателя колхоза и звеньевых Латышей.

В «Бабушкином море» есть и другие эпизоды, недостаточно глубоко продуманные автором. Воспоминания Ляли об отце, как он будил ее по утрам и одевал сонную, не лишены налета сентиментальности.

В начале повести писательница с некоторой излишней запальчивостью показывает бабушку слишком уж суровой и, более того, просто непривлекательной.

Не только наружность, но и поведение бабушки в первой главе не может понравиться читателю. Нестоило делать акцент на этом мрачном «ужотко», которым бабушка грозит девочкам, обидевшим ее внучку. К числу недостатков следует отнести и многочисленные повторения, подчеркивающие худобу и причудливость костюма ленинградки Ляли.

Эти недочеты не заслоняют главного — правды жизни, которая делает книги С. Георгиевской значительным явлением в литературе для детей.

Л. ВЕПРИЦКАЯ

С. ГЕОРГИЕВСКАЯ **Бабушкино море.** Повесть. Детиздат. 1949.

С. ГЕОРГИЕВСКАЯ **Солдатский ножик.** Детиздат. 1949.

Страницы воспоминаний

Города наши давно уже ждут своих бытописателей и историков. Заветная мысль Горького о создании истории городов до сих пор еще не претворена в жизнь. Но городу Свердловску повезло больше, чем другим. С книгой о родном городе выступил не только старожил, но и выдающийся писатель. Правда, новая книга П. Бажова — не историческое исследование о Екатеринбурге — Свердловске, — а то, что называется: листки воспоминаний. Автор сам оговаривает это на титульном листе.

Десятилетний мальчик из семьи уральского рабочего едет в конце 80-х годов учиться в Екатеринбург. Для него поистине «новы все впечатленья бытия». А так как мальчик этот — сам Бажов, то повествование его представляет немалый интерес.

С первых же своих страниц книга увлекает читателя. Расставание мальчика с отчим домом и друзьями детства; ребячьи помыслы и заботы; поведение Чалка — лошадки перезрелых лет — в дороге и сама дорога; потом старый Екатеринбург во всем его своеобразии... Об этом умно и спокойно повествует художник-мемуарист, повествует правдиво, без прикрас, зримо, интересно.

В сущности, книга Бажова — это рассказ о простых людях, которые жили в этом столь заметном уголке нашей Родины и, в смене поколений, уйдя с жизненной арены, как бы завещали своему бытописателю и летописцу поведать о них потомкам. Со страниц книги глядят на нас ласковые деды, прикидывающиеся ворчунами, сердобольные женщины с приветливым словом, маляр Вавилыч, страстно влюбленный в природу, галлерея всевозможных мальчишек из «городского», «духовного», «реального» и прочих мест, где водилось тогда это буйное племя. Теплой любовью к человеку и родному городу окрашена книга.

Впрочем, у автора достает и иронии и сарказма, когда он вспоминает об «именитых сиднях» купеческого Екатеринбурга, где десятилетиями ничто не менялось, где даже солнце как будто стояло неподвижно над пыльными улицами, над площадями с их невообразимою грязью. Автор воспоминаний показывает нам, как медленно и с каким скрипом двигалась в застойные 80-е годы неторопливая колесница старого российского прогресса. Даже вопрос об общественной библиотеке не получал годами разрешения, потому что оно зависело от городской думы, а дума была всецело во власти все тех же «именитых сидней».

В первом десятилетии двадцатого века «сидни» из купеческого сословия «европеизировались». Они «освоили» галстук и шляпу и завели в Екатеринбурге биржи и банки, которые «кричали о себе широкими вывесками, постоянными объявлениями в газетах, богатой рекламой». Город, находящийся на перевале Европы и Азии, стал бурно развиваться. Однако архитектурные причуды европеизированных «сидней» уживались с хибарками бедноты, а шикарные рестораны не были помехой «обжорным рядам». Здесь, «на обжорке», пельменницы сохраняли нужную температуру продукции, сидя на своих чугунках. Всего три десятилетия отделяют нас от этих «живых термосов», но поистине — «свежо предание, а верится с трудом», хотя усумниться в правдивости этого «пейзажа», разумеется, никому не придет в голову.

Зоркий глаз автора не пропустил ни одной выразительной детали, а чуткое его ухо услышало и запомнило столько метких русских слов! Поэтому так «скульптурны» у Бажова диалоги. Говорят простые люди, творцы языка; и, конечно, говорят так, что лучше не скажешь.

Автор не расчленил свою книгу на главы. Повествование течет одним потоком. И тем не менее книга вполне ощутимо распадается на две неравноценные части. Четыре пятых книги — это более чем выразительная картина Екатеринбурга «сидней». И только одна пятая (всего 37, к тому же не лучших страниц) отдана предреволюционной поре города и первым годам революции.

Признаться, как-то удивляет почти полное отсутствие конкретных воспоминаний о революционном движении в Екатеринбурге. События 1905 года, уральское революционное подполье, свержение царизма, октябрьский переворот — всего этого автор был современником и свидетелем. Потому-то книга, несмотря на ее достоинства, производит впечатление только начала. Более полная картина того, что прошло перед глазами автора в его замечательном городе, очевидно, впереди.

Зин. ДАВЫДОВ

П. БАЖОВ. **Дальнее — близкое.** Из воспоминаний о нашем городе. Свердловск. 1949.

Коротко о новых книгах

А. Н. Студитский. ПОВЕСТЬ О ВЕЛИКОМ ФИЗИОЛОГЕ. Детгиз. 1949. 205 стр. Цена 10 руб.

Автор рассказывает о жизни и научной деятельности великого русского ученого Ивана Петровича Павлова. Жизнь описана с юношеских лет, когда Павлов был рязанским семинаристом. Первая часть книги показывает ученого, как классика естествознания, вторая, — как великого материалиста.

С. С. Туров. ОЧЕРКИ ОХОТНИКА-НАТУРАЛИСТА. Издательство Московского общества испытателей природы. 1949. 205 стр. Цена 10 руб.

Книга содержит записки автора о медвежьих охотах на Байкале, Кавказе, Алтае, о путешествиях по Тиманской тундре, охоте на дельфинов и другие.

Н. Н. Сытинская. ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ НА НЕБЕСНЫХ ТЕЛАХ. Издательство Академии наук СССР. 1949. 106 стр. Цена 2 р. 75 к.

Популярный очерк Н. Н. Сытинской, рассчитанный на широкий круг читателей, освещает проблему наличия жизни на других планетах, представляя в кратких чертах все, что сказано по этому поводу наблюдательной астрономией.

Алвес Редол. ФАНГА. Роман. Перевод с португальского. Издательство иностранной литературы. 1949. 186 стр. Цена 9 руб.

Роман прогрессивного писателя Алвес Редола посвящен жизни самой бесправной и обездоленной части жителей Португалии — крестьянству. Герои романа: безземельный крестьянин Кайшинья, арендующий на кабальных условиях клочок земли у помещика, сын его Манэл и дочь Анита — разделяют тяжелую долю современной португальской деревни.

И. И. Левитан. МАРТ. →

Традиции Саврасова

(1830—1897)

В. В. МЕШКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Картина «Грачи прилетели» Саврасова — эта элегия первого дня весны, с щедрым таяньем снега, грачиным граем, набуханием почек на нежных березках — одна из любимых народом.

Говорят, что Алексей Кондратьевич Саврасов, потрясенный очарованием смены времен года, написал «Грачей», что называется, в один присест. И это вполне согласуется с рассказами и воспоминаниями о художнике, которые воссоздают перед нами облик человека, всей душой влюбленного в родную природу.

Маленький мальчик часто видит лежащим на берегу седобородого старца в неизменной серой блузе. Старик занимает его детское любопытство. Однажды мальчик не выдерживает и спрашивает:

— Что же ты тут, дедушка, делаешь?

— Я, милый, наблюдаю природу... Природу... Понимаешь ты? После я напишу картину.

— А кто же ты такой будешь?

— Я художник Саврасов... Учись и ты наблюдать природу... Подрастешь, напишешь картину таким же способом, как и я...

Это из воспоминаний старейшего графика И. Павлова. А вот что рассказывает И. Грабарь о преподавании Саврасова в Московском училище живописи, ваяния и зодчества:

— Саврасов умел воодушевлять своих учеников, и те, охваченные восторженным поклонением природе, сплотившись в дружный кружок, работали не покладая рук и в мастерской, и дома, и на натуре. С первыми весенними днями вся мастерская спешила вон из города и среди тающих снегов любовалась красотой пробуждающейся жизни. Расцветал дуб, и Саврасов, взволнованный, вбегал в мастерскую, возвещая об этом, как о событии, и уводил с собою молодежь опять туда, в зеленые рощи и поля.

Страстный почитатель русской природы и ее знаток, Алексей Саврасов отказался от пышных пейзажных сюжетов и обратился к простому и заурядному, отыскивая в нем подлинную поэзию. Он первым в искусстве утвердил лирический реалистический пейзаж. Русская природа нашла в нем своего великого поэта. «Пиши весну так, чтоб жаворонков не было на картине видно, а песни их слышались», — наказывал Алексей Кондратьевич. И сам он был жаворонком родных полей и лесов.

Когда три года назад в Третьяковской галлерее была развернута выставка произведений Саврасова, то в первый же день ее посетило свыше полутора тысяч человек. Эта отличная выставка развеяла сложенный Бенуа и другими эстетами миф о Саврасове, как об авторе одной, случайной картины «Грачи прилетели».

В галлерее показывались десятки превосходных полотен, среди которых «Грачи прилетели» — только лучшая вещь, наиболее блистательный алмаз в ряду других драгоценных камней.

Основоположник русского лирического пейзажа Саврасов прошел долгий и трудный творческий путь. «Лосиный остров в Сокольниках» (1869 г.), написанный за два года до «Грачей», был первой победной вехой на пути саврасовского утверждения жизни, торжества русской природы. Вот «Осенний лес» (1872 г.). На холме высятся корявые мощные сосны, а позади лес, убранный золотом. Или «Весна» (80-е годы). С косогора стаял снег, открылась свежая земля. Жадно тянется к солнцу ветла, а в низине еще белеет снег.

В картине «Зимний пейзаж» (1876—1877 гг.) по-ночному колюч и морозен воздух. Сквозь легкую дымку пробиваются бледнорозовые лучи восходящего солнца. Они скользят по крыше занесенной снегом избушки, по закутанным в инеи деревьям.

«Могила на Волге» (1874 г.) Саврасова — прелюдия ко многим левитановским полотнам. Широкая могучая река, с нависшей над ней тучей. Впереди одинокий крест и березка с облетевшей листвой. Вот и все. Но в этой безыскусственной простоте целый мир высокой поэзии, той поэзии, что исповедывалась передвижниками, к которым принадлежал Саврасов.

Для Саврасова пейзаж был средством выражения любви к родному краю, к народу. Его полотна понятны, доступны и дороги миллионам не искушенных в искусстве людей.

«Саврасов создал русский пейзаж, и эта его несомненная заслуга никогда не будет забыта», — писал Левитан.

Может быть, Левитан в силу любви к своему учителю преувеличил заслуги Алексея Кондратьевича, говоря о пейзаже вообще и забывая о Сильвестре Щедрине и Александре Иванове, но творцом лирического, задушевного пейзажа действительно был Саврасов.

Самый талантливый ученик Саврасова Левитан проникновенно раскрывал душу родной природы, он передавал ее внутреннюю сущность. Глубина мысли, а не натуралистическая похожесть — характернейшая черта Левитана. И она — результат пристального изучения натуры, сосредоточенной наблюдательности, которая пришла к нему от Саврасова. Так же, как и его учитель, Левитан работал с неподдельным увлечением.

Суть не в том, что ранние произведения Левитана удивительно похожи на саврасовские. Но и «Март», и «Большая вода», и «Над вечным покоем», и многое другое настоящее «левитановское» могло появиться потому, что до него много трудился Саврасов, по пути которого шел Левитан, подняв русский пейзаж на еще большую, недосягаемую для художников Запада высоту.

Левитан, ранний и лучший Константин Коровин, «украинский Левитан» Светославский, Похитонов, Волков, В. Н. Мешков, Дубовский, Туржанский, Архипов, Поленов — все эти пейзажисты в разной степени восприняли наследие Саврасова.

В первые годы революции скромные лирические пейзажи мастеров-реалистов, корнями своими восходившие к Саврасову, были одним из основных связующих звеньев между передвижниками и молодым советским искусством. Бакшеев, Рылов, Юон, Бродский, В. Н. Мешков, Бялыницкий-Бируля, Архипов, Ап. Васнецов своими пейзажными работами ратовали за народное искусство в духе лучших традиций русской живописи.

Многим из нас посчастливилось путешествовать по Советскому Союзу, видеть грандиозные новостройки, новые железнодорожные пути в степях и пустынях, нефтяные вышки на далеком Севере. Задача запечатлеть новый облик страны в живописи требовала совершенных средств выражения. Так появились на выставках пейзажи-картины Б. Яковлева, В. Крайнева, Н. Крымова, П. Радимова, В. Бакшеева и многих других, построенные на основе многочисленных натурных этюдов и зарисовок.

И если разбирать творчество любого из них, да и большинства советских пейзажистов, нетрудно отыскать следы саврасовского влияния. Причем характерно, что тот, кто избегал его, кто шел не от русской пейзажной школы, а от парижской импрессионистической, изведал горечь творческого бессилия и остался за бортом нашего искусства.

Сегодня мы много говорим о необходимости тщательного рисунка, о законченности произведения, о чувстве формы. Принимая за образцы картины лучших живописцев, мы неизменно упоминаем имя Саврасова. Великолепно рисуя, он никогда не боялся материальности в передаче предметов, состояния природы. Его творчество опровергло ошибочный взгляд, что четкий рисунок губит в пейзажной картине лирическое очарование.

Путь, по которому пойдет и дальше вперед наша пейзажная живопись, — это путь дальнейшего усвоения и развития лучших традиций русского искусства, традиций С. Щедрина и А. Иванова, Шишкина и Васильева, Левитана и Саврасова.

А. Саврасов. ЗИМА.

К. Ф. Юон. МАРТОВСКОЕ СОЛНЦЕ.
←

ГОЛОСА
народных инструментов

Вечерело. Яркое солнце опустилось к лесу. Александр Никитич, лежа на траве, увлеченно выводил на владимирском рожке затейные рулады, прощаясь с родной Владимирщиной. Поутру почтальон вручил пастуху письмо, в котором руководитель Государственного оркестра русских народных инструментов Дмитрий Осипов приглашал Александра Никитича приехать в Москву.

От Владимира до столицы ехать недолго, и вот уже в репетиционных комнатах оркестра 86 музыкантов внимательно следят за вибрацией звука рожка, за движением пальцев и губ виртуоза. Они любовно рассматривают рожок, разбирают его на части, знакомясь со всеми особенностями тонкого пастушьего инструмента. Это — только начало новой жизни рожка. Ему предстоит побывать в экспериментальной мастерской, где из дорогого дерева сделают близнеца, еще более чувствительного к малейшим оттенкам звука.

«...в народе не может сохраниться то искусство, которое не представляет ценности. Народ — это все равно, что золотоискатель, он выбирает, сохраняет и несет... только самое ценное, самое гениальное».

Мудрые слова Михаила Ивановича Калинина — заповедь для Дмитрия Осипова. Десятки музыкальных инструментов бытуют в селах. И если собрать их вместе, драгоценными самоцветами засверкает сокровищница вековой музыкальной культуры великого русского народа. На 34 видах различных инструментов играют в оркестре имени Н. П. Осипова. И с каждым годом к ним прибавляются новые: ложки, трещотки, рожки... Нежно поют свирели, грустно жалуются жалейки, заливается лихими трелями глиняный петушок.

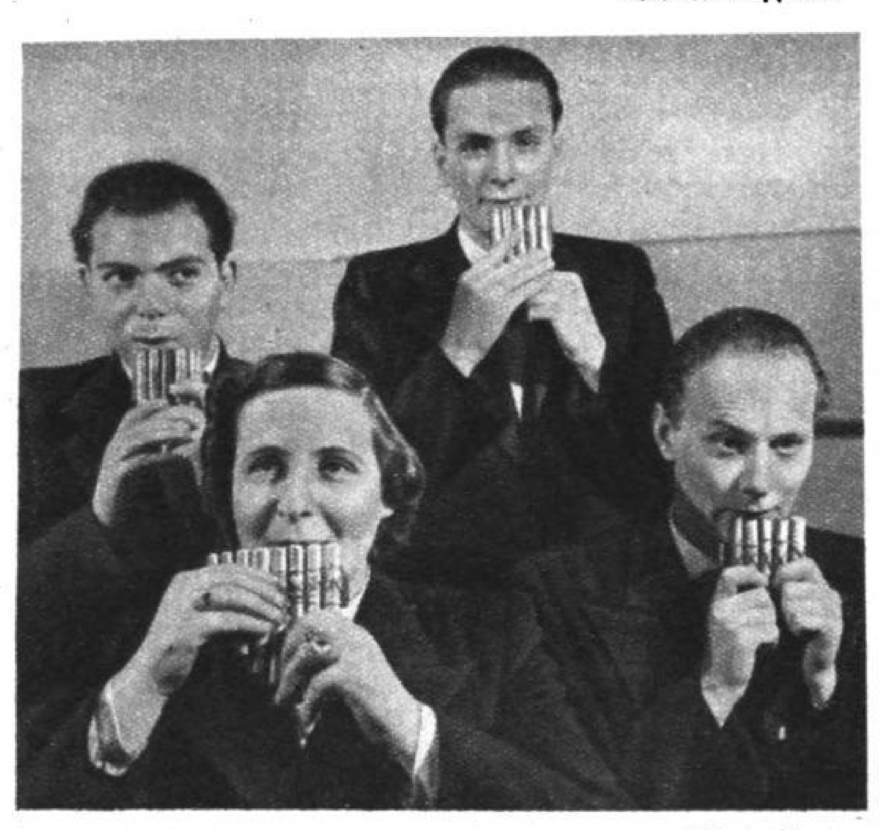
Глиняный петушок — золотой голосок — пришел в оркестр из смоленских краев. Немало и напевов записано на Смоленщине. По всей Руси выискивают музыканты оркестра образцы народного фольклора.

У В. Беляевского — солиста-гусляра — скопилось много папок, в которых записи песен чередуются с зарисовками редких инструментов, фотографиями старинных костюмов и обрядовых церемоний.

Лауреат Сталинской премии художественный руководитель оркестра заслуженный артист республики Д. Н. Осипов (в центре), композитор Н. Будашкин (слева) и дирижер П. Куликов просматривают партитуру.

Фото О. Кнорринга

Даже квартет кугикл, на которых играют музыканты Нина Пищик, В. Могильный, С. Хуторянский, А. Стасенко, не может заглушить звонкого голоса глиняного петушка.

Переняв мастерство Александра Никитича Сухова, С. Хуторянский «пробует голос» владимирского рожка.

Он с любовью выводит родословные домр, свирелей, жалеек, рожков. Звончатые гусли начали свой творческий путь еще со времен язычества, деревенские празднества на Брянщине на протяжении веков сопровождались свистом кугикл — забавных дудок.

И каждый из инструментов, входя в оркестр, расширяет его партитуру. Бывает и так. Композитор Н. Будашкин пишет для оркестра, а в это время Д. Осипов где-нибудь разыскал и привез в Москву нового питомца и требует для него особого места в нотах Будашкина. Приходится композитору переписывать партитуру заново.

Репертуар оркестра богат: он обнимает музыкальное разнообразие областей Российской Федерации. Шумные курские переплясы во второй рапсодии Будашкина сменяются приволжскими напевами в «Народной польке» П. Куликова...

Произведения великих русских композиторов, в которых вдохновенно были использованы народные мелодии, украшают программы оркестра. Коллектив исполняет оперу Римского-Корсакова «Добрыня Никитич», отрывки из «Золотого петушка», из 4-й симфонии Чайковского.

Государственный оркестр русских народных инструментов имени Н. П. Осипова пользуется заслуженной популярностью. В одних местах слушали его по радио, в других — люди побывали на его гастрольных концертах. И где бы ни выступал оркестр, — всюду у него ученики и последователи, многотысячная армия любителей народной музыки.

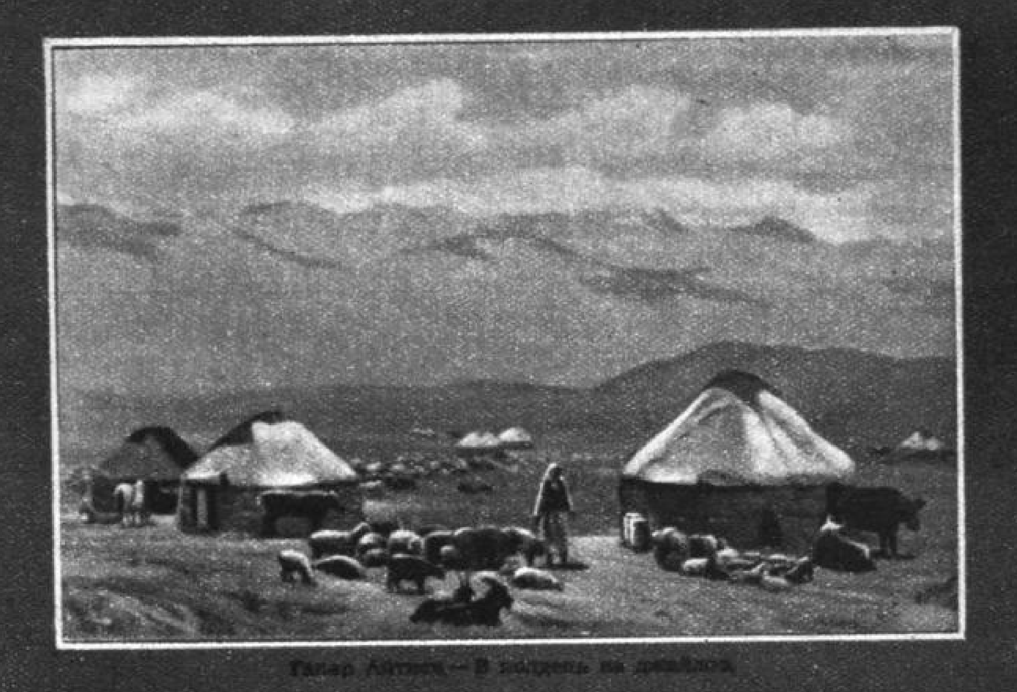
Оркестр пронес славу советской музыкальной культуры по странам народной демократии. Его гастроли превращались в триумф. Бернгард Келлерман, немецкий писатель, в своем приветствии тщательно вывел русское слово: «Спасибо!». А в Чехословакии — в Братиславе — москвичей поздравил с приездом местный оркестр... русских народных инструментов.

По всему свету разнесло радио русскую песню «Ноченька», которую пел в Москве Поль Робсон под аккомпанемент оркестра Осипова. Слушал эту песню и пастух деревни Ротмирово, Владимирской области, Александр Никитич Сухов. Пробыв год в столице, он возвратился в родной колхоз. И теперь, когда транслируются концерты оркестра русских народных инструментов, Александр Никитич улавливает в многоголосом строе партию владимирского рожка и удовлетворенно произносит: «Хорошо играют!»

Б. ХУДЯКОВА

А вот в руках Д. Мароховского глиняный петушок. Хоть ростом невелик, да голосист!..

Гапар Айтиев — В полдень на джайлоо.

Джакуль Кожахметов — Школьница.

Радость творчества

В центре города Фрунзе возводится большой красивый дом. Близок день, когда почти каждый художник Киргизии получит в этом здании мастерскую, а в его светлых, просторных залах откроются отчетные выставки крупнейших живописцев и скульпторов.

Заслуженный деятель искусств Киргизской ССР председатель Союза советских художников Киргизии Гапар Айтиев водит нас по лесам строящегося здания. Отсюда видны ледяные вершины Ала-Тоо и утопающие в зелени асфальтированные магистрали столицы республики.

Старый художник рассказывает историю города Фрунзе. На месте захудалого кишлака Пишпек вырос после революции новый город, превратившийся ныне в цветущий сад. Вспомнил Айтиев и разительные перемены в своей судьбе.

...Это было много лет назад. Юный Гапар сидел в тени серебристых тополей на берегу бурной Ак-Буры. Жаркое солнце, прорываясь сквозь густую листву, бросало на волны золотые кружочки. В воде отражались минарет, высокие глинобитные стены и голые скалистые горы. Мальчику захотелось сохранить на память картину родного Оша. Он достал из-под чапана тщательно выскобленную доску и набросал на ней углем контуры гор и висячего моста над рекой.

Отец застал сына за этим занятием. «Какое безрассудство...— с горечью подумал старый Айтиев. — В юрте кончаются последние лепешки, а он, сын бедного человека, тратит попусту время».

Отец приказал сыну бросить доску. Сдерживая слезы, Гапар пустил ее по волнам, она поплыла за мост и вскоре исчезла среди бурунов.

Как сгинула в реке доска с детским наивным рисунком, так исчезла бы навсегда и мечта юноши о живописи: не знали в старой Киргизии случая, чтобы батрак стал художником. Но советская власть открыла перед Гапаром Айтиевым путь в искусство. Он учился в Москве. Ему передавали свой опыт русские живописцы, и талантливый Гапар стал художником. Теперь он заслуженный деятель искусств Киргизской ССР, член правительства республики, председатель Союза советских художников Киргизии.

— Наш Союз художников существует уже пятнадцать лет, — рассказывает Айтиев. — Он объединяет двадцать восемь мастеров живописи и скульптуры. Многие из них не раз выступали на всесоюзных художественных выставках. Работы народного художника Киргизии Семена Афанасьевича Чуйкова, заслуженного деятеля искусств республики Ольги Максимилиановны Мануйловой, Сбырбека Акылбекова и других известны далеко за пределами Киргизии.

Гапар Айтиев.

Для талантливых юношей и девушек советской Киргизии во Фрунзе создано художественное училище. Дети пастухов и хлеборобов, пришедшие с высоких гор и из солнечных долин, живут в интернате. Им созданы все условия, чтобы они могли успешно учиться.

С Гапаром Айтиевым мы едем по тихой зеленой улице, где в густой тени пирамидальных тополей возвышается здание училища. В обширных залах у мольбертов — молодые киргизы. Биография любого из 56 учеников — яркий рассказ о бурном расцвете народных талантов Киргизии, о росте национальной культуры.

Из стен училища вышло немало одаренных художников. В Ленинграде в Академии художеств продолжают свое образование воспитанники училища, дети колхозников: Джакуль Кожахметов, Алтымыш Усувалиев, Кульчеро Керимбеков и Асанбек Молдахматов. Их работы, отмеченные печатью зрелости и таланта, представлены на республиканской выставке в Музее изобразительных искусств во Фрунзе.

Загорелые киргизы ходят по светлым залам музея и с гордостью смотрят на полотна, запечатлевшие новую, счастливую жизнь. С выставки они верхом на конях или на автомобилях разъедутся по дальним и ближним колхозам и долго будут рассказывать в Чуйской и Таласской долинах о творчестве своих художников.

Е. РЯБЧИКОВ

Музей изобразительных искусств во Фрунзе. В зале XVI республиканской художественной выставки.

Фото В. Евграфова

Мастерство атлета

И. БОРИСОВ

В Тихом переулке жили самые шумные подростки Ворошиловграда. Здесь бывало спокойно только в полночь, когда крепкий сон одолевал, наконец, юных охотников и рыболовов. Тогда можно было даже слышать, как падают в соседском саду яблоки. В эти часы соловьи пели в рощице за Красной Будкой; мирно дремали под козырьками сараев снаряженные к утру удочки. Над лозняком, над зеленью грабов, обглоданных лошадьми, плыли зябкие облака; пахло остывающей степью.

Так бывало летом.

Зимою любимым развлечением ребят было катание на санках, называемое почему-то «скачками». Малыши густо облепляли «Козлиную гору». Со снежной пыльцой в волосах, захмелевшие от простора и морозной свежести, они мчались цугом по широко врезанному полозьями следу. Легкие саночки вихляли из стороны в сторону, медленно набирая скорость, пока самодельный трамплин не раскидывал их веером по крутому склону.

Володя Пушкарев ни в чем не отставал от своих сверстников, шалил вместе с ними, но даже в шалостях оставался по-своему серьезным. Ему ничего не стоило подняться в три часа ночи, чтобы на заре быть у Северного Донца — за 20 километров от города. Он принадлежал к той породе ребят, которые первыми приносят домой подснежники, раньше других замечают, когда раскрываются клейкие почки.

Походы, охота, лазание сделали крепкими его ноги и гибким тело. Однажды, увидев, как Володя, потешая младшего брата, сгибается колесом, отец строго отчитал его:

— Не гнись, как лоза, я не люблю бесхребетных...

Отец был сильным человеком. Володя хотел быть таким же. Он взбирался на верхушки деревьев, боролся со взрослыми, прыгал, зимой обтирался снегом.

Шло время. Владимир поступил в фабзавуч, стал слесарем. Спортивная сноровка и сила пригодились ему на работе. И все же он меньше всего мечтал тогда о спорте.

Однажды Владимира остановил на улице незнакомый человек. Кряжистый, сильный, он спросил недоумевающего Пушкарева, занимается ли тот штангой.

— Видите, молодой человек, ваша фигура напомнила мне фигуру Михайловского. Слыхали о таком атлете? Нет? Удивительно...

Незнакомец назвал свою фамилию: Ромашка, Иван Ромашка — и пригласил как-нибудь заглянуть в техникум физкультуры.

Трудно забыть такую фамилию. К тому же Владимиру понравился этот откровенный в своем любопытстве человек. Он запомнил сильное рукопожатие Ромашки и как при этом вздрогнули его широкие, чуть покатые плечи.

...Ромашку он нашел в зале тяжелой атлетики. Тот стоял около помоста и внимательно следил за движениями разрумянившегося крепыша, который никак не мог совладать с чугунной штангой. Ромашка недовольно качал головой:

— Темп, темп, молодой человек! Вы запаздываете с подседом.

Увидев Пушкарева, Ромашка кивнул ему, как старому знакомому, и только после того, как ученик правильно вырвал штангу, подошел к Володе:

— А сейчас попробуем и с вами...

50 килограммов Пушкарев выжал без труда. Это подбодрило его, и он «осилил» подряд 55 и 60 килограммов. Поставили на штангу 65. Когда и этот вес был поднят, Владимир попросил добавить еще 5 кило, но Ромашка, улыбнувшись, добавил только два с половиной. Эти два с половиной килограмма оказались такими тяжелыми, что Владимир еле справился с ними.

— Довольно! — сказал Ромашка. — Давайте теперь определим ваш собственный вес.

Владимир Пушкарев

Вес Пушкарева оказался 67,5 килограмма, то есть столько же, сколько он выжал. «Поборол сам себя», — подумал Владимир. Эта скромная победа многое изменила в жизни Владимира Пушкарева.

* * *

Кажется, что может быть проще поднятия тяжестей, когда у тебя сильные руки и спина, крепкие ноги? Пожалуй, так оно и есть, если ставишь перед собой цель оторвать штангу от помоста и только. Но, чтобы дать ей дальнейшее движение — на грудь и от груди на прямые руки, — оказывается, одной природной «тяги» недостаточно. Нужно какое-то очень простое, но точное движение ног — подсед, — какой-то добавочный ритм, чтобы штанга поддалась напряжению атлета. Нужно, чтобы возбудимость спортсмена, его готовность к единоборству с тяжелым грузом, его решительность, наконец, его дыхание совпадали с физическим усилием. И тогда на помосте вы увидите человека не только сильного, хорошо владеющего своими мышцами, но и освоившего законы механики, знающего, что значит спортивное вдохновение.

Первые уроки, которые рекордсмен Украины Иван Ромашка преподал Пушкареву, показались легкими. Сравнительно несложные движения классического троеборья: жим, рывок, толчок — он усвоил быстро, но, когда дело дошло до повышения своих личных результатов, начались осложнения. Каждый килограмм, прибавляемый к ранее взятому весу, требовал предварительных тренировок, на которых Владимир десятки раз подходил к штанге. Трудно было? Трудно. Но Пушкареву такая нагрузка была по душе.

В 1940 году, когда Владимир уходил в армию, он уже был разносторонне развитым спортсменом, и Ромашка, прощаясь, нашел нужным сказать ему, что только сейчас ему предстоит серьезно заняться штангой. Эти слова удивили Пушкарева. Как же так? Неужели Ромашка забыл, что они два года работали вместе, что он, Владимир Пушкарев, неплохо выступал на городских соревнованиях?..

— Помню, Володя, и верю в тебя. — Ромашка заботливо застегнул легкое пальто Пушкарева, руки его скользнули по плечу ученика и задержались на нем. — Мы сделали с тобой только первые шаги к мастерству.

В жизни немногих спортсменов война провела такую зримую черту, как в жизни Пушкарева. На 22 июня были назначены легкоатлетические соревнования, и Владимир, несмотря на то, что он усиленно готовился к всеармейскому чемпионату по тяжелой атлетике, решил немного отвлечься от штанги. Он участвовал в забеге сильнейших на сто метров и первым коснулся финишной ленточки. Затем он прыгал в длину и высоту. Когда планка была поднята на 1 метр 70 сантиметров и он стоял на линии разбега, радио объявило: «Война!»

Война!.. Ратный подвиг в самом своем истоке сплетался с трудом и спортом. Слесарь и штангист, Владимир Пушкарев оказался хорошим солдатом. Он носил на своих плечах ручной пулемет с запасными дисками, винтовку, десятидневный рацион и не знал усталости.

Суровая школа войны подготовила Пушкарева к еще большим волевым и физическим усилиям.

* * *

В тетради тренера Дмитрия Петровича Полякова появилась новая запись: «Владимир Пушкарев, 1921 года рождения. Жим слабый, неплохой рывок, неплохо берет на грудь, но не выталкивает. Заняться серьезно». Эта запись не была известна Пушкареву, но он уже и без того чувствовал, что серьезное занятие штангой, о котором предупреждал его Ромашка, началось.

А началось оно с самого простого — с «тяги».

— Ты должен научиться «тянуть» любой вес, — говорил Пушкареву Поляков и, забыв о своем пятом десятке, молодцевато вскидывал тяжелую штангу на грудь: — Вот так!

Когда «тяга» наладилась, Дмитрий Петрович перешел к отработке рывка. Несмотря на то, что Пушкарев сравнительно неплохо выполнял это движение (хуже у него обстояло с жимом), Поляков правильно поступил, начав с рывка. И действительно, жим, как чисто силовое движение, с годами должен был расти. А вот рывок — темповое движение, требующее не только силы, но и быстроты, координации, — должен, по глубокому убеждению Полякова, усваиваться атлетом в молодые годы.

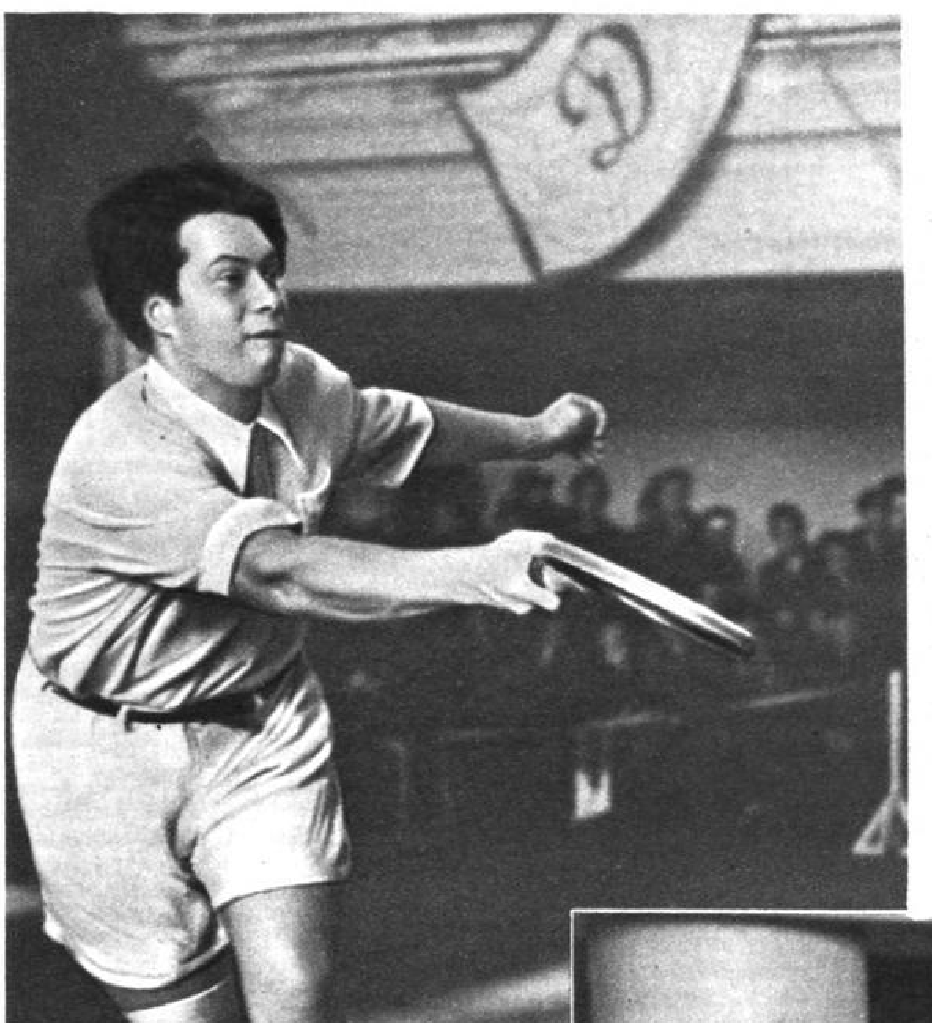
Наконец и рывок был налажен.

С каждым годом росли спортивные успехи Пушкарева, он уже занимал призовые места в категории среднего веса, но звание сильнейшего все же оставалось за Николаем Шатовым и Мамия Жгенти. Иногда Пушкарев проигрывал им из-за излишней горячности, иногда из-за непродуманной тактики.

Перед первенством СССР 1949 года Дмитрий Петрович предложил своему ученику следующий план: в жиме обогнать Дуганова, в рывке догнать Шатова и Жгенти, в толчке добиться победы.

— Это тебе по плечу, — твердо заключил Поляков.

Но вышло так, что Юрий Дуганов, который по плану должен был быть обойден еще в жиме, оказался очень непокладистым атлетом. Выжав на 7,5 килограмма меньше Пушкарева, он в рывке опередил своего соперника ровно на столько же. Судьбу первого места решал толчок. В этом упражнении победил Пушкарев.

НА ЗАКРЫТЫХ КОРТАХ

Н. Озеров и Г. Коровина — победители соревнований

На закрытых кортах московского стадиона «Динамо» проходили традиционные Всесоюзные соревнования по теннису. Они были как бы проверкой готовности теннисистов к летнему сезону.

С первого же дня соревнований мастера ракеток сравнительно легко обыграли молодых спортсменов, и в число 16 победителей вошел лишь один молодой тбилисский теннисист В. Ураевский.

В дальнейшем Корчагин в четверть финале обыграл сильного Андреева, чемпион страны Негребецкий — Ураевского, Озеров выиграл у Мищенко и Корбут — у Белиц-Геймана.

Интересно разыграны были полуфиналы. В острой борьбе прошла встреча чемпиона Москвы Корбута с Озеровым. Партнеры показали хороший класс, много играли у сетки, блеснули хорошими подачами. Встречу выиграл Озеров.

Во втором полуфинале Негребецкий без труда обыграл Корчагина.

Финальная встреча привлекла большое число зрителей. Борьба двух первоклассных советских теннисистов закончилась победой заслуженного мастера спорта Николая Озерова («Спартак»).

В соревновании женщин, к сожалению, не принимала участия сильная теннисистка Белоненко. После упорной борьбы в финал вышли Коровина и чемпионка Москвы Лео.

Победу одержала более опытная Коровина.

Парное соревнование мужчин выиграли Озеров и Андреев.

В финальном состязании Николай Озеров, играя против Э. Негребецкого, проявил большое мастерство. Он много двигался по площадке, смело отбивал верхние мячи, часто выходил к сетке. На снимках: вверху — Н. Озеров берет трудный мяч. Справа — после финальной встречи Н. Лео поздравляет Г. Коровину (слева) с победой.

Фото А. Батанова (Фотохроника ТАСС) и О. Кнорринга

— До новой встречи, — сказал Дуганов, поздравляя Пушкарева.

В этих словах не было ни тени обиды или горечи: было молодое, задорное желание продолжить спортивную борьбу.

...Никогда еще Пушкарев так уверенно не выступал, как в тот декабрьский вечер в завьюженном Челябинске...

— К штанге вызывается чемпион СССР, мастер спорта Владимир Пушкарев!

Почти одновременно со словами диктора он выходит на ярко освещенную арену. Всего несколько шагов отделяют его от помоста, где стоит, отливая холодным блеском, штанга. Пушкарев видит только гриф штанги, он уже чувствует прикосновение стального бруса и как бы невзначай расслабляет руки. Белые от магнезии ладони чуть-чуть пятнают трико. Пора!

Решительными, пружинистыми шагами идет он к центру помоста. С высоты затемненный зал кажется ему далеким.

Атлет склоняется над штангой. Вдох. Вместе с воздухом растекается по телу горячая волна решимости — эта особого рода сосредоточенность, которая так необходима для победы. Остальное происходит мгновенно. Усилием ног и туловища штанга отрывается от помоста, руки в темпе подхватывают нагрузку — и штанга на груди. Но главное еще впереди. Нужно, не отгибаясь назад, равномерным, непрерывным движением рук выжать штангу над головой.

Кисти рук энергично упираются в гриф, и штанга, вздрогнув, медленно движется вверх. Мышцы рук и плечевого пояса напрягаются до предела, ноги как бы врастают в жесткий помост. Штанга продолжает свое движение. 105 килограммов выжаты!

Второй подход — 110 килограммов. Так же уверенны и скупы движения атлета, но, когда штанга достигает уровня головы, не выдерживает спина, и Пушкарев отклоняется назад. Можно опустить штангу: вес не засчитан.

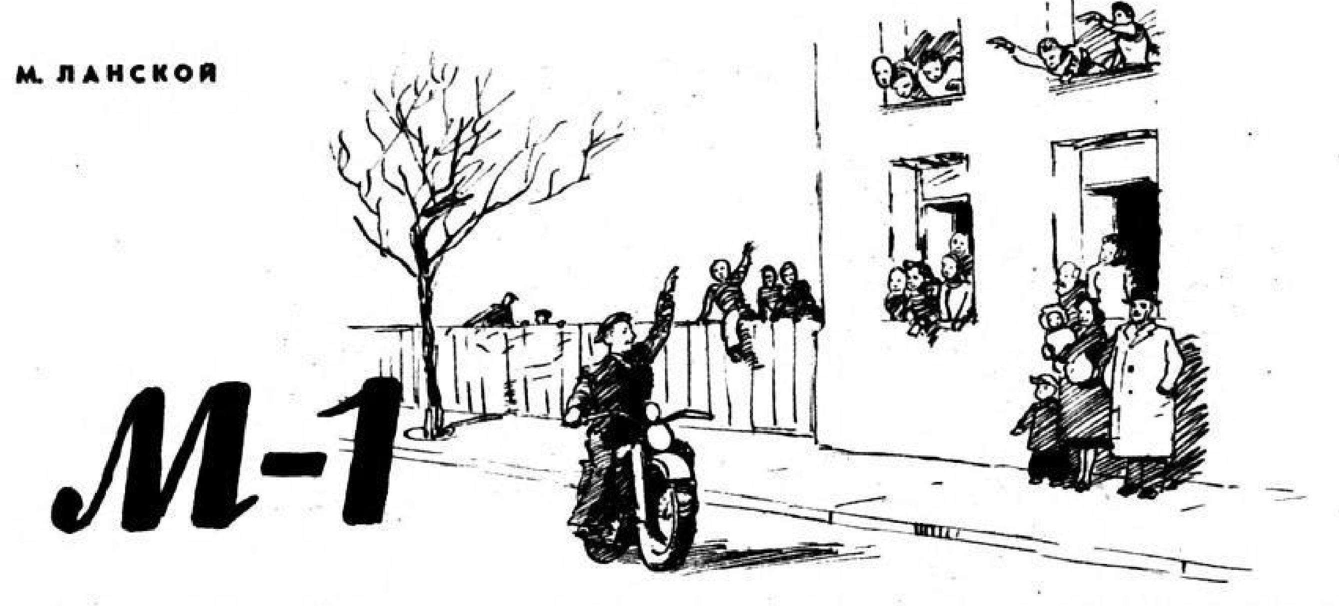
В дальнейшем все идет превосходно. Рывок — 122,5 килограмма, толчок — 147,5 килограмма. Общая сумма троеборья — 380 килограммов — сумма, дающая право войти в пятерку лучших атлетов мира. Не вершина ли это мастерства?

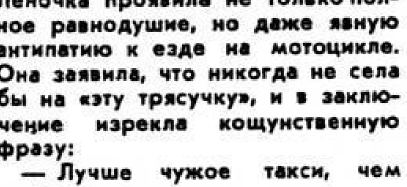
Спускаясь с помоста, Пушкарев встречается глазами с Дмитрием Петровичем. Он улыбается, Петрович. Обнявшись, они вместе идут в раздевалку. В привычном стуке падающей на помост штанги как-то особенно душевно звучат неторопливые слова тренера:

— Поздравляю с успехом! Сделан еще один шаг на пути к мастерству.

М. ЛАНСКОЙ

М-1

Темнозеленый, поджарый, легкий на ходу, он даже во сне тревожил Николая. Все убыстряя бег, мотоцикл мчался без седока, лихо кренился на вираже и словно подмигивал круглым стеклянным глазом. Николай протягивал к нему руки и просыпался.

Это было осуществление мечты — давней, жгучей и неотступной. На большом заводе, где работал Николай, были владельцы и «москвичей» и «побед», но никому он так не завидовал, как мотоциклистам. Ведь человеку, отгороженному от мира стеклами и дверцами автомашины, недоступно наслаждение скоростью. Никогда не испытает он того пьянящего ощущения стремительности, которое дарит встречный ветер — упругий, обжигающий щеки, свистящий в ушах. У мотоциклиста, набирающего скорость, сердце как будто превращается в спидометр, четко отсчитывающий бегущие километры.

Николай в совершенстве знал и теорию и практику мотоциклетного дела. Фрезеровщик Усов уже не раз доверял ему свой мощный двухцилиндровый «ИЖ» для коротких поездок. Оставалось только приобрести свою машину — давно облюбованный «М-1»,— и жизнь обещала стать еще прекрасней и удивительней.

Вот с какой целью еще в прошлом году завел Николай сберегательную книжку. Искусному разметчику, одному из лучших рационализаторов завода, было совсем не трудно откладывать каждый месяц круглую сумму. Это вошло в привычку. Сразу же после получки он заходил в сберкассу и с удовольствием заполнял листок приходного ордера.

Девушка, сидевшая за барьером, уже знала его и встречала ласковой, чуть-чуть лукавой улыбкой. Эта улыбка всякий раз заставляла Николая неуклюже кивать головой. При этом он терялся и вместо «здравствуйте» говорил «пожалуйста».

Девушку звали Леночкой. Николай подолгу любовался ею, пока она оформляла вклады. Леночка в такие минуты была серьезна и сосредоточенна, как хирург, совершающий сложную операцию. Она заглядывала в какие-то таблицы, морщила лобик, а ее тоненькие пальчики порхали над костяшками счетов, словно разыгрывая сонату о сложных процентах.

Прошло немало времени, пока Николай осмелился подать Леночке приходный ордер, на котором в графе «Сумма прописью» было написано: «Пойдете со мной в кино?»

Леночка низко нагнула головку, зачем-то заглянула в таблицу и прошептала:

— Хорошо...

Потом Николай познакомился с тетей Фросей, которая заменила Леночке умершую мать, а еще через два месяца все заводские мотоциклисты гуляли на свадьбе.

Радости семейной жизни отнюдь не заслонили давней мечты и не отодвинули сроков ее исполнения. «М-1», невольно сблизивший Николая с Леночкой, стал еще милее и желанней. Тетя Фрося, души не чаявшая в леночкином муже, оказалась умелой и экономной хозяйкой. Несмотря на преклонные годы и полноту стана, принуждавшую ее во все двери проходить профилем, она была подвижна, энергична и смешлива, как сама Леночка.

Денег у Николая уходило почти не больше, чем в дни холостой жизни, и текущий счет продолжал расти уверенно и быстро. Леночка, привыкшая уважать постоянных вкладчиков, всячески одобряла этот рост, а тетя Фрося, по вечерам рассказывавшая соседкам о редкостных достоинствах Николая, с особой гордостью добавляла:

— Да еще про черный день копит! С таким век проживешь — не надышишься...

Правда, вскоре после женитьбы Николай пережил несколько неприятных минут. Готовясь посвятить Леночку в тайну своих вкладов, он начал расписывать ей прелести мотоциклетного спорта. Но, к великому его огорчению, Леночка проявила не только полное равнодушие, но даже явную антипатию к езде на мотоцикле. Она заявила, что никогда не села бы на «эту трясучку», и в заключение изрекла кощунственную фразу:

— Лучше чужое такси, чем свой мотоцикл.

Николай поспешно замял разговор и успокоил себя надеждой, что жена изменит свое мнение, когда прокатится на собственном «М-1».

Постепенно сумма на текущем счете приблизилась к заветной цифре. Оставалось дожидаться следующей получки... Об этом уже были извещены все члены заводского кружка мотоциклистов, и имя Николая было занесено в список участников очередного товарищеского соревнования.

Живо представляя себе, как он впервые въедет на заводской двор, подкатит к самому цеху и все друзья выбегут его поздравлять, Николай совсем некстати широко улыбался. Леночка удивленно поднимала шелковистые бровки и спрашивала:

— Что с тобой?

— Так... чего-то щекотно...

И вдруг у самого финиша произошел, как любил говорить Николай, «прокол».

В воскресенье вечером, рассуждая о том, о сем, Леночка пришла к выводу, что ей совершенно необходимо новое весеннее пальто.

Николай, не подозревавший ничего худого, поддержал эту идею. Леночка еще больше оживилась.

— Ты прав, — сказала она — этого никак нельзя откладывать. У тебя, кажется, получка послезавтра. Пойдем покупать материал.

Николай почувствовал, что язык его внезапно отяжелел и не дает вымолвить ни единого слова. После грустной паузы он наконец проговорил:

— Собственно, к чему такая спешка? Твое прошлогоднее пальто еще совсем целое.

— Мужская логика! Оно короткое и гладкое, — теперь таких не носят.

— Лучше к зиме шубу сшить,— робко упорствовал Николай. — Хочешь шубу меховую? Из этих, как их... рыжие такие...

— Шуба — шубой, а пальто — пальто, — спокойно отпарировала Леночка.

— Странно, весна — и вдруг пальто... Солнце, жара, все в платьях, а ты в пальто... Смешно даже...

Николай для убедительности хихикнул, но Леночка его больше не слушала. Она деловито напомнила:

— Придется немного снять с твоего счета. Я принесу завтра расходный ордер, и ты заполнишь.

— Но на нем и так мало! — вскрикнул Николай.

— Могу сказать точно.

— Спасибо! А где же тайна вкладов, которая гарантируется законом?

— Я не выдаю тайн, а даю справку самому вкладчику. Если же хочешь держать в секрете от меня, подай заявление, и я переведу твои деньги в другое отделение.

— Что ты, Леночка, что ты!

— Я не ожидала такого разговора. Я думала, что тебе доставит удовольствие сделать мне подарок...

— Конечно! Я сам собирался. Но видишь ли...

— Ничего не вижу. А мне очень хотелось бы знать: для чего ты копишь эти деньги?

— Как так для чего? Вообще... Вот тетя Фрося говорит: на черный день нужно...

Леночка сложила ковшиком ручки, закрыла ими лицо и стала задыхаться от смеха. Сквозь растопыренные пальцы она взглядывала на растерянную физиономию мужа и, охваченная новым приступом смеха, в изнеможении опускалась на корточки.

В эту ночь «М-1» снился трижды. Под утро сон обернулся кошмаром. Николай увидел себя в мотоциклетном седле, но с кавалерийским поводом в руках. «М-1» закусывал удила, поднимался на заднее колесо и ржал, как укрощаемая лошадь.

Но вот началась новая рабочая неделя, и, как бывало всегда, в свете заводских дел все домашние недоразумения показались мелкими и нелепыми.

В многотиражной газете снова похвалили Николая за рационализаторскую работу. Цеховой технолог долго беседовал с ним, советуясь о механизации второго участка. В парткоме был серьезный разговор о предвыборной вахте. Вспоминая теперь объяснение с Леночкой, Николай даже головой мотал от досады за свое мальчишеское поведение.

Александр **ЯКОВЛЕВ**

Рисунки Н. Кукина

На рассвете я выхожу на берег моря. Март только начинается. Чатырдаг — весь белый последние дни, сейчас в слабом свете нового дня еле виден — розовый, похожий на огромный, сказочный шатер. Море под высоким обрывом прячется в плотном тумане, будто закрылось одеялом, спасаясь от холода...

Небо, горы, море, тишина — все такое бесконечное, полное величия. Вдруг протяжный хриплый крик пронзает тишину. Через секунду крик повторился, но уже дальше, под обрывом, низко над морем: крикнула гагара. И тотчас ей откликнулась утка торжествующим веселым: «Кря-кря». В воздухе высоко надо мной пронесся прерывистый свист: летят утки... Радость охватывает меня: «Вот они, первые весенние гости из-за моря!».

Еще холодно в горах, на вершинах лежит снег, и там, за Крымом, на бескрайних просторах нашей страны все во власти снегов, однако они уже летят, дорогие гости, летят на свою родину.

Когда рассеивается туман, я вижу: черные гагары плавают у самого берега, ныряют, взлетают, снова ныряют — ловят рыбу. Они устали и проголодались; трудный перелет через Черное море им дался нелегко. Красивые крохали ныряют с ними наперегонки, но гораздо ловчее гагар — нырнет, и нет его целую минуту, и кажется, погиб, а он вынырнул далеко, поплыл и, высоко подняв клюв, заглатывает пойманную рыбку.

Час и два гагары и крохали плавают под обрывом у берега, потом собираются небольшими стайками, сразу все вместе срываются с воды и улетают через горы к северу. Солнце светит ослепляюще. В оврагах ревут потоки. На Чатырдаге, на Демержи, на Кастеле снег тает на глазах, снизу на горы выше и выше надвигается черное покрывало. К полудню Кастель уже чернеет до маковки... А небо весь день пустое, без птиц...

На другое утро, опять в рассветный час, я выхожу на обрыв. Я уверен, что непременно увижу гостей из-за моря: если были вчера, будут и сегодня. Море опять в тумане. Опять розовеет Чатырдаг. Из тумана доносятся крики гагар и крохалей, а час спустя, когда туман уходит, я вижу над водой чаек, они пронзительно кричат и дерутся. На черных камнях, торчащих из воды, чайки отдыхают, похожие на комочки снега. До полудня они кружатся над морем стаями, точно крупные хлопья снега в февральскую метель. Вот стаи на широких кругах начали подниматься выше и выше, потянули в горы и постепенно исчезли в небесной синеве высоко над Яйлой. Первые вестники весны — гагары, утки, чайки — спешат домой, на далекий-далекий север, на Землю Франца-Иосифа, на Новую Землю, на другие суровые острова Ледовитого океана. Какой огромный путь предстоит им! И невольно каждую птицу я провожал теплыми глазами.

День на пятый, в тот час, когда туман уже рассеялся, я заметил далеко в море, над горизонтом, небольшое черное пятнышко. Оно возникло как-то сразу и стало быстро расти. Сначала круглое, оно начало растекаться в стороны и вскоре стало похоже на черную ленту, стремительно несущуюся над морем. Лента странно дрожала и переливалась, по краям ее мелькали отдельные черные точки. Точки отрывались от ленты и снова сливались с ней. Я стоял на обрыве словно прикованный, а черная лента мчалась прямо на меня. Прошла еще минута, и я догадался: то летят скворцы! Тысячи и тысячи скворцов! Донесся шум их крыльев, будто приближалась буря. Скворцы летели фронтом почти в четверть километра. Недалеко от берега они все враз взмыли вверх и черным живым покрывалом закрыли весь обрыв, миндальный сад по склону горы, кипарисы у дороги, яблони в саду, кустарник за садом, заросли сирени и акации у дачи. От оглушительного шума задрожал воздух. Писк, свист, щебетанье, бормотанье, петушиное пенье, крик перепела слышались в этом шуме. Каждая птица пела и кричала изо всех сил, переполненная радостью.

Тысячи, тысячи! Они перелетали через море, такое широкое и для них страшное, и, достигнув земли, они радовались ей, как победе. Я стоял у куста акации, два скворца сели на ветку прямо у моего плеча. Протяни руку, поймай! Странно было: скворец — птица умная и осторожная, а тут не проявляла никакого страха. Я прошел по дороге. Скворцы отлетали от меня на два, на три метра и опять садились на кусты и принимались тотчас исступленно петь, захлебываясь, трепеща крыльями, широко раскрывая клюв. Они нисколько не боялись человека. Радость убила в них осторожность! Но какая заражающая радость! Ворчливый доктор — хозяин дачи — вышел в сад, заполненный скворцами, бродил по дорожкам и улыбался. Я жил здесь два месяца и ни разу не видел улыбки на его лице. При скворцах впервые...

Я не наблюдал ни одного скворца, который в эти первые минуты прилета бегал бы по земле в поисках пищи. Птицы только пели, перелетали с ветки на ветку, постепенно удаляясь вверх по склону горы. Больше часа продолжалось их торжество. Шум и песни мало-помалу стали ослабевать и наконец умолкли далеко в горах. В свою комнату я возвратился, как с праздника. Я представил, как в наших бесчисленных городах и селах люди гостеприимно будут встречать эту скворчиную рать, как школьники и школьницы в «день птиц» счастливыми глазами встретят каждую птицу и, будут радоваться: «В нашей скворечнице поселился скворец!». Русские люди любят скворцов. Наши садоводы встречают их, как лучших друзей. В саду у Мичурина было много десятков скворечниц — этих бесплатных квартир, вычищенных и проветренных к прилету крылатых жильцов...

День ото дня прилет птиц усиливался. Самые большие стаи появлялись из-за моря утром между восемью и десятью часами. Видимо, птицы, переночевав в Турции, на рассвете пускались в путь через море. Кроме скворцов, летели кулики, трясогузки, стрижи. В небе высоко проносились стаи журавлей и гусей. Журавли обычно летели углом, или, как говорят охотники, «ключом», и, подлетая к берегам, курлыкали дружно, громко, чаще, чем всегда, тоже по-своему радовались, что миновали опасное море. Журавлиных стай было много. Шел валовой пролет. И я заметил: вожак стаи, летевший через море во главе угла, над землей уступал место другому вожаку. Значит, над морем вел стаю один, а над землей — другой. Гуси и утки летели сплошной линией — прямым фронтом. А кулики, как и скворцы,— беспорядочной стаей, без всякого строя. Скоро над берегом и над скалами замелькали, точно подвижные сетки, стаи мелких птичек: трясогузок, стрижей, мухоловок. И всякая птаха, достигнув земли, пела и кричала во всю силу своего голоса. Лишь хищники: ястребы, орлы и коршуны — большею частью молча и быстро пролетали в горы.

...Дороги к горам просохли, я пошел на Демержи, чтобы оттуда посмотреть на море, на горы и долины. За Алуштой склоны гор поросли держи-деревом. Из-под каждого куста при моем приближении вылетали перепелки, вальдшнепы и другие птицы. Их было сотни и сотни. Вероятно, они прилетели рано утром и теперь отдыхали...

Когда перед этим орлы пролетали над склонами горы, я не видел других птиц. Лишь три ястреба воровским, быстрым полетом мелькнули один за другим. Но лишь орлиная стая скрылась за горой, из кустов опять стали вылетать перепелки, в воздухе зазвенели жаворонки, а по поляне пробежал удод, распустив свой пышный хохол. Удод — это уже разгар весны, тепло...

После получки он шел домой, готовый повиниться и подписать расходный ордер на любую сумму.

И снова все получилось не так, как он думал.

Жильцов своей квартиры он застал у репродуктора. У всех были радостные, просветленные лица. Николай вспомнил, что с такими лицами слушали в дни войны победные сводки Информбюро.

Диктор называл по именам простые, нужные всем людям вещи и добавлял: «...на двадцать пять процентов... на тридцать процентов...»

На Николая замахали руками, чтобы не шумел, и шепнули одно слово: «Снижение!»

Тетя Фрося после каждой цифры всплескивала пухлыми руками, обводила всех добрыми, растроганными глазами и приговаривала:

— Вот спасибочко... вот спасибочко...

Список был длинным, и казалось, что больше не осталось товаров, которые не были бы названы. Но диктор все читал и читал. Когда он кончил перечислять посуду и товары хозяйственного обихода и перешел к строительным материалам, Николай приуныл.

— Гвозди, — читал диктор, — толь, рубероид... лаки и краски прочие...

Вдруг, сделав короткую паузу, он продолжал:

— Велосипеды, мотоциклы, часы...

Николай сначала окаменел, потом схватил карандаш и бумагу, мгновенно сделал какое-то вычисление и стал проявлять такой бурный восторг, что Леночка всерьез забеспокоилась о его здоровье. Николай виновато посмотрел на нее и сказал:

— Снимай завтра все деньги, — пойдем покупать. Теперь хватит на все.

— На что на все?

— Завтра узнаешь.

— Закрыть счет я не разрешаю.

— Какое ты имеешь право? Я вкладчик, ты контролер.

— И жена.

— Верно, — согласился Николай.—Сотню оставим на закваску.

Вечером следующего дня дробный пулеметный треск, взбудораживший тихую улицу, заставил тетю Фросю выглянуть в окно. То, что она увидела, запомнится ей до конца дней.

Раскрасневшийся Николай со сбитой на затылок шапкой гарцевал на новеньком мотоцикле. Ему, видимо, очень не хотелось расставаться со своей машиной, и он то останавливался у самого подъезда, то опять срывался с места и исчезал из виду. А из-за его спины выглядывало сияющее личико Леночки. Одной рукой она держалась за Николая, а другой — прижимала к груди какие-то свертки.

Когда молодожены вошли, наконец, в комнату, тетя Фрося приступила к допросу:

— Что это? Зачем? На какие деньги?

Николай отвечал с такой заражающей веселостью, что, глядя на него, тетя не могла не улыбнуться:

— А как же на черный день, Коленька?

— Таких у нас не предвидится, Евфросинья Ивановна: при советской власти живем. Примите вот подарочек на память о снижении...

И Николай в два приема набросил на необъятные плечи тети Фроси чудесный дымчатый пуховый платок.

Правящие круги США усиленно ищут путей сближения с франкистской Испанией.

Испанский посадочный знак для американских друзей.
Рисунок А. Самойлова.

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ!..

ТЕМПЕРАТУРА В СТРАТОСФЕРЕ

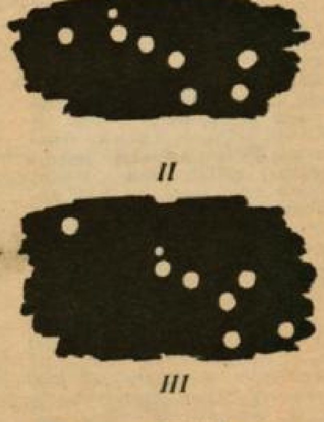
Известно, что с подъемом над землей через каждый километр высоты воздух становится на 6—8 градусов холоднее. В средних широтах, на высоте в 9—11 километров, зимой и летом, днем и ночью стоит мороз в 45—55 градусов.

Какая температура будет на высоте в 60 километров?

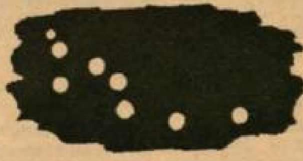
КАКИЕ ЭТО СОЗВЕЗДИЯ?

I

II

III

ИЗВЕСТНО ЛИ ЭТО ВАМ?

ОТВЕТЫ (см. № 14)

Ни левой, ни правой стороны...

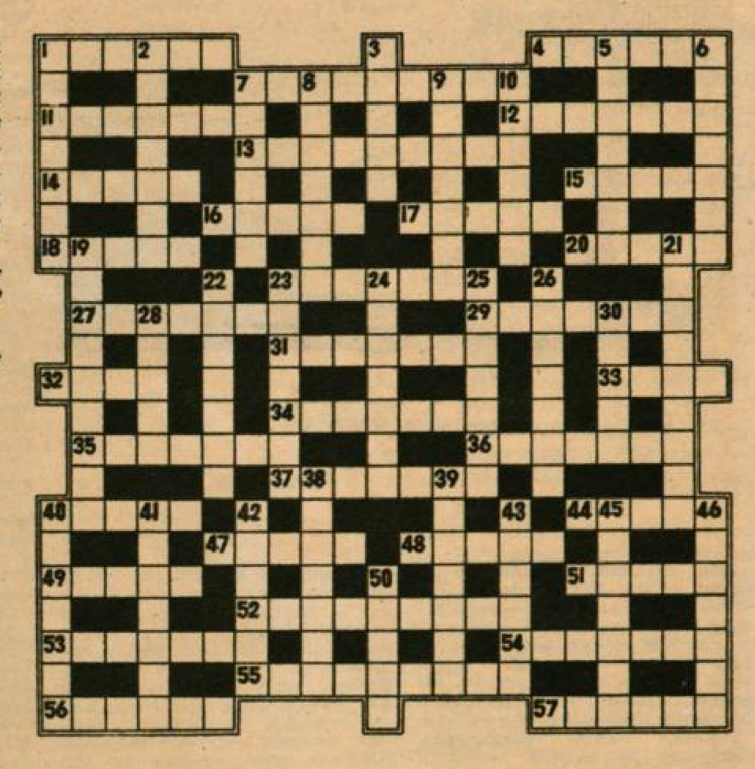
Эти удивительные животные, обитающие на дне моря, — иглокожие: морские ежи, звезды, морские лилии, голотурии и т. д. Форма и строение их тела, как это видно на рисунке, таковы,

что они действительно не имеют ни правой, ни левой стороны, ни хвоста, ни головы.

Несмотря на это, морская звезда, например, умудряется нападать на животных, превосходящих ее размером. Звезда выбрасывает из себя желудок, обволакивает им пойманную добычу, переваривает ее, а затем втягивает желудок внутрь тела.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Собрание в полном составе. 4. Советский писатель. 7. Самопополнение выборного органа. 11. Способ воспроизведения рисунка. 12. Роман П. Павленко. 13. Основание памятника. 14. Ручное сверло. 15. Химический элемент. 16. Змея. 17. Железная скрепа в каменной кладке. 18. Жители Африки. 20. Атака. 23. Национальность. 27. Русский флотоводец. 29. Советский ученый-геолог. 31. Военно-морское звание. 32. Атмосферные осадки. 33. Возвышенность. 34. Центр Северной Кореи. 35. Соглашение. 36. Советский конструктор оружия. 37. Прибор для измерения. 40. Столица Советской республики. 44. Гравюра. 47. Южный город СССР. 48. Яркий метеорит. 49. Спортивный термин. 51. Учреждение для хранения документов. 52. Стилистический прием. 53. Климатический пояс. 54. Советский шахматист. 55. Животное. 56. Разноцветные стекла. 57. Горная порода.

По вертикали:

1. Советский драматург. 2. Геодезический прибор. 3. Хранитель. 5. Специалист, решающий спорный вопрос. 6. Демократическая республика. 7. Искусственное волокно для чулок. 8. Стрельба по цели. 9. Клумба с цветущими растениями. 10. Птица. 19. Курорт в СССР. 21. Огнестрельное оружие. 22. Областной центр в РСФСР. 23. Меткий стрелок. 24. Авторитет. 25. Опера Чайковского. 26. Северная область земного шара. 28. Степень откормленности стада. 30. Провинция в Китае. 38. Австралийское млекопитающее. 39. Чемпионка СССР по конькам. 40. Советский писатель. 41. Машина для земляных работ. 42. Пароход, тянущий другие суда. 43. Музыкальный инструмент. 45. Остров в Азии. 46. Представитель народности СССР. 50. Однолетнее растение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали:

1. Скрипка. 5. Бодайбо. 9. Набор. 10. Кросс. 13. Кумыс. 14. Статья. 15. Синтез. 16. Корабль. 17. Бункер. 19. Соната. 20. Ежегодник. 21. Тарас. 23. Верди. 25. Торжество. 28. Рубка. 29. Расса. 30. Величание. 31. Венгр. 32. Чулок. 34. Ахроматин. 37. Накат. 38. Иваси. 39. Ординарец. 41. Уговор. 43. Астров. 45. Гастрит. 46. Камлот. 48. Швабра. 49. Нагар. 50. Рокот. 51. Тариф. 52. Экзамен. 53. Трельяж.

По вертикали:

2. Конструктор. 3. Избыток. 4. Корея. 6. Откос. 7. Армянин. 8. Биссектриса. 10. Километр. 11. Облако. 12. Сталинит. 18. Реставратор. 19. Скворечница. 22. Ребенок. 24. «Русалка». 26. Живво. 27. «Слава». 31. Виноградник. 33. Ксилография. 35. Радиатор. 36. Турникет. 40. Натиск. 42. Вологда. 44. Театрал. 47. Тарле. 48. Шатер.

Обо всем

УЛЬТРАЗВУКОВОЙ МИКРОСКОП

Вопрос о возможности видеть «на три аршина сквозь землю» вовсе не является праздным. Из области сказок и метафор он перенесен на реальную почву опыта и практики. Проф. С. Я. Соколов (Ленинград) сконструировал ультразвуковой микроскоп, который работает независимо от того, в какой среде — оптически - прозрачной или непрозрачной — находится испытуемый объект.

Микроскоп основан на «освещении» этого объекта ультразвуком; увеличения могут быть достигнуты вплоть до тысячекратных.

В микроскоп исследуют изъяны и неоднородности состава в испытуемой среде и различные предметы малых размеров.

КИТОВОЕ МОЛОКО

За семь месяцев кормления материнским молоком синий кит вырастает в длину на девять метров, причем рост «младенца» и соответственно его объём увеличиваются буквально не по дням, а по часам.

Китовое молоко необыкновенно питательно. Как показало исследование, произведенное лабораторией китобойной флотилии «Слава», молоко синего кита имеет свыше 50 процентов жиров. Для сравнения укажем, что выдающееся по своим питательным свойствам молоко зайца-беляка и северного оленя имеет: первое—около 24 процентов жиров, второе — 18, а хорошее коровье молоко — только 4 процента.

БЕЛЫЙ ВОРОБЕЙ

Альбиносы, в покровах которых отсутствует окрашивающий пигмент, очень редки. Тем более интересно появление белого воробья в Рязани.

Его наблюдали прошлой осенью близ вокзала в стайке привычных нашему глазу воробьев как своего рода диковинку. Он был весь белый, как будто выкупался в сметане, но вел себя так же, как и серые воробьи, разве только был более осторожен: при появлении опасности улетал одним из первых.

Дальнейшая судьба этого воробья неизвестна. Надо, однако, отметить, что прожить таким альбиносам трудно: их обычно преследуют, как уродов, и свои и чужие, и они бросаются в глаза хищникам.

ЛОМОНОСОВИТ

Список известных минералов недавно пополнился еще одним, с русским названием «ломоносовит», данным в честь великого русского ученого М. В. Ломоносова.

Ломоносовит обнаружен геологом-минералогом В. И. Герасимовским в пегматитах — горной породе, состоящей из полевых шпатов, кварца и др. Это минерал, кристаллизующийся в продолговатые пластинки небольшого размера с окраской от темнокоричневой до черной. Он богат фосфором и легко плавится перед паяльной трубкой, превращаясь в стекло светлобурой окраски.

150 ГРАДУСОВ ЖАРЫ

Нормально развитый, здоровый человек в состоянии перенести температуру в плюс 100 и даже плюс 160 градусов. При этом необходимо, чтобы: 1) нагревание воздуха проходило постепенно, 2) воздух был сух и 3) человек не соприкасался непосредственно с источником тепла.

Организм человека тогда фактически не воспринимает этой высокой температуры, а сохраняет температуру, близкую к нормальной. Он сопротивляется чрезмерному нагреванию выделением пота. Испарение пота поглощает большое количество тепла из воздуха, прилегающего к коже, и тем самым понижает его температуру.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Н. Уразова.

А — 00873. Подписано к печати 4/IV—50 г. Изд. № 235. 5½ печ. л. Тираж 381 000. Заказ 656. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.